ПИОНЕР 7

ИЮЛЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

II Всесоюзный слет тимуровцев приветствуют:

В. Б. Врублевская.

С. В. Гришин.

В. П. Сериков.

М. В. Смирнова.

А. А. Леонов.

К. Б. Доненбаева.

Б. И. Чалый.

На гостеприимную украинскую землю приходит радостный пионерский праздник — Всесоюзный слет тимуровцев.

Здесь, на черкасской земле, в жестоком бою с гитлеровцами погиб Аркадий Петрович Гайдар. На днепровской круче высится памятник писателю-воину Аркадию Гайдару. Здесь навсегда осталось отважное сердце борца, сына братского русского народа.

Гайдар — это имя близкое и знакомое не одному поколению советских людей. Особенно свой и родной он в стране Пионерии.

Ласкаво просимо! Добро пожаловать, дорогие друзья, на овеянную легендами украинскую землю.

В. Б. ВРУБЛЕВСКАЯ,
секретарь ЦК ЛКСМ Украины.

Я строитель. Честно говоря, это нелегкая работа. Но когда вступают в строй построенные тобой фабрики, заводы, комбинаты, понимаешь, какое это великое счастье приносить людям радость.

Труд одного человека, помноженный на труд сотен таких же людей, как он, создает то, что называется «мощь страны».

Не надо бояться трудных дел, оставлять их «на потом», когда станешь взрослым, лучше делать их сейчас, сегодня. Пусть не все получится — главное, чтобы труд ваш приносил пользу, чтобы от него становилось теплее и лучше другим людям.

Я плохо представляю себе человека, который бы работал только на себя. По-моему, всякая работа должна иметь выход, направленность на других.

Настоящие тимуровцы, я уверен, прекрасно знают это по себе.

Желаю II Всесоюзному слету насыщенной работы, а тимуровцам страны — новых интересных дел.

В. П. СЕРИКОВ,
Герой Социалистического Труда,
делегат XXV съезда КПСС.

Приветствую открытие II Всесоюзного слета. Этот слет—праздник не только многочисленного отряда тимуровцев, но и всех пионеров нашей страны.

Вы, наверно, не очень задумываетесь над тем, пригодится ли ваша работа в дальнейшей жизни. Возможно, это и правильно — ведь всякое доброе дело должно быть бескорыстным. И все-таки мне хотелось бы сказать о том, что человек, с детства привыкший делать людям добро, помогать им, пронесет эту привычку через всю жизнь.

Добрые взрослые вырастают из добрых детей. И тимуровское движение растит добрых, настоящих, нужных нашему обществу людей. Радостно видеть широкий размах этого движения.

Желаю тимуровцам активной работы, успехов и радостей.

А. А. ЛЕОНОВ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза.

Во время войны я командовал партизанским соединением, и у нас было много ребят вашего возраста, которые, как умели, помогали бить врага. Многие из них даже награждены правительственными наградами.

Меня не удивляет, а радует, когда я узнаю о новых делах и победах тимуровцев. Настоящие тимуровцы должны совершать настоящие дела!

Но мне сейчас хочется сказать лишь об одном направлении вашей работы.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.
ИЮЛЬ 7
Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

Вы наверняка знаете, какую заботу проявляют партия и правительство о наших ветеранах, о людях, чьим ратным и мирным трудом построена сегодняшняя жизнь. Я думаю, что забота о ветеранах должна стать одной из основных форм деятельности тимуровских отрядов. Ведь главным девизом тимуровской работы всегда было приносить людям помощь, радость и в первую очередь тем, кто остро в этой помощи нуждается.

С. В. ГРИШИН,
Герой Советского Союза,
бывший командир
Особого партизанского соединения
имени «Тридцати»,
ныне преподаватель
Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Очень хочется, чтобы тимуровцы 70-х продолжали славные тимуровские традиции. Это значит взять все лучшее, что было у первых тимуровцев, внести что-то новое и использовать в своей работе.

М. В. СМИРНОВА,
учительница,
вожатая одной из первых
тимуровских команд Москвы.

Я всегда с большим удовольствием встречаюсь с молодежью. Делюсь своими мыслями, своим опытом. Бывает и так, что кто-то из молодых подскажет, посоветует.

И я всегда говорю молодым: не бойтесь трудностей, не бойтесь делать даже того, чего никто до вас не делал. Когда-то считалось невозможным, чтобы женщина водила трактор. Я была первой женщиной-казашкой, севшей за руль гиганта «Кировца». И ничего — работала, и даже неплохо.

Уже несколько лет я депутат Верховного Совета СССР. Я довольно хорошо знаю работу народного депутата и могу сказать точно, что людям всегда остро необходимы внимание, забота.

Я люблю тимуровцев именно за то, что они в любую минуту готовы помочь людям, не стесняются быть добрыми и отзывчивыми.

Камшат ДОНЕНБАЕВА,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета СССР.

От души радуюсь вместе с моими товарищами, украинскими писателями, что II Всесоюзный слет тимуровцев будет проходить в живописных Черкассах, недалеко от Канева, где у подножия Тарасовой горы, на легендарной земле Великого Кобзаря, покоится прах А. Гайдара, мужественного воина, творца незабвенных детских книг. В библиотеке-музее, носящей его имя, состоятся в эти дни традиционные «Гайдаровские чтения».

Зазвенят в древнем Каневе (где, кстати, учился в техникуме молодогвардеец Олег Кошевой!) пионерские песни всех братских республик, отзовутся им в приднепровских рощах соловьи. Сколько будет цветов, не меньше, чем праздничного разноголосья! Самых ярких цветов, душистых, в памяти не вянущих. Как созвучен их цвет с красными галстуками! Цветы и песни борцам за счастье вольного, содержательного детства. Наша любовь и низкий поклон Тарасу Шевченко, несгибаемому поэту-революционеру... Наша любовь, земной поклон воинам Советской Армии, освободившим эту землю от захватчиков. Наши сердца и песни вам, Аркадий Петрович Гайдар!

Что пожелать тимуровцам, собравшимся у братского костра?

Жить по-боевому, радостно изумляясь многообразию мира, с тревожным огоньком творческой неудовлетворенности. Главное — из сердца вон навсегда всяческое равнодушие, внутреннюю сытость потребительства. Из мертвечины этих трясин взрастает жестокость, выползает эгоизм.

Любимый труд, отзывчивость и смелость! Таков девиз тимуровцев.

Богдан ЧАЛЫЙ,
украинский писатель,
лауреат премии имени Николая Островского.

НАВСТРЕЧУ
IV ВСЕРОССИЙСКОМУ
СЛЕТУ ЧЛЕНОВ
ШКОЛЬНЫХ ЛЕСНИЧЕСТВ
И ЮНЫХ ДРУЗЕЙ
ПРИРОДЫ

Леонид ЯХНИН

Здравствуй, друг дерево!

Заволжье — левобережье Волги в северной части Прикаспийской низменности. Почвы солонцеватые, с пятнами солонцов. Зона полупустынь.

Из учебника географии.

Когда-то, много миллионов лет назад, здесь росли пальмы. Сегодня этому трудно поверить. Ни одно деревце в этих местах не вырастает само. Каждое посажено человеком. И за каждым надо ухаживать, как за малым ребенком. Даже когда оно станет взрослым.

Прутик и грузовик

Старую Николаевку после постройки Волжской ГЭС перенесли на новое место. Возник город Николаевск. Дома. Улицы. Площади. Школы. Все, как обычно, как полагается в городе. Только... ни одного дерева.

Вот грохочет, трясется по Республиканской громадный самосвал. Под колесами хрустят тонкие желтоватые прутики. Шофер досадливо морщится: «Понатыкали мальчишки на самой дороге. Мало разве им дворов?»

Вдруг на пути его вырастают двое. Стой! Машина резко тормозит, заволакиваясь пылью.

— В чем дело?

— Почему едете не по проезжей части, а по бульвару?

— ?!

— Вы сломали несколько тополей.

Шофер весело хохочет:

— Тополя? Вот эти прутики? Ну, шутники!

Не сосчитать, сколько топольков посадила своими руками Галя Толочек. За отличную работу в школьном лесничестве она была награждена поездкой в Артек.

Да здесь сроду ничего не росло. И не вырастет никогда! Не мо-жет вы-ра-сти.

Школьное лесничество «Тополек» началось не с приказов и не с протоколов заседаний. Оно началось с уверенности: лес будет! Вопреки усмешкам скептиков, вопреки злым ветрам, безжалостным пескам, иссушающей жаре. Оно началось с убеждения, что ребята не могут быть в стороне от жизни города, его дел, забот, трудностей. Оно началось с сознания, что человек в двенадцать лет такой же гражданин страны и житель своего города, как любой взрослый.

Сегодня в «Топольке» сто двадцать человек — ученики Николаевской школы № 2. У них есть Малая Тимирязевка, производственные бригады, работающие с лесхозом, совет лесничества, свой дендрарий и выращенный ими за десять лет огромный — в сотни гектаров — лес.

Руководит «Топольком» учитель биологии Евгений Викторович Емельяненко.

Сосна с мизинчик

— Знаете, в нашем лесу семья лосей появилась!

И столько в этих словах гордости, что следовало бы поставить не один, а десять восклицательных знаков. Оно и понятно: какой же лес без зверей? В лесу «Тополька» давно живут зайцы и лисы. Птицы вьют гнезда. Никто их сюда не завозил, сами пришли. Признали лес настоящим. А рыжих лис развелось столько, что на них разрешена охота. Какой же лес без охотников?

И грибы есть. И ягоды. Осенью шарят по опушкам грибники, собирают маслята...

Что же надо сделать, чтобы вырастить лес?

... В лесопитомнике ровными рядами зеленеют крошечные ростки — из семечек проклюнулись тоненькие, величиной с мизинчик, сосны. Они немного подрастут, и их перенесут на планшет «Тополька». Так ребята называют свой участок леса.

Кто-то из них сказал:

— Трава растет быстрее леса.

И верно — крохотные саженцы теряются среди сорняков. Сорняки надо выпалывать. Руками или тяпкой, как на огородной грядке. Только эта грядочка величиной в десятки гектаров.

— Так наработаешься, что руки плетьми висят,— говорит Сережа Выскуб.

Конечно, не все саженцы приживаются. Приходится быстро подсаживать новые. А еще следить за старыми деревьями. На смену им рядышком посадить молодые. Ведь это лес необыкновенный. Семена деревьев, упавшие на землю, сохнут на ней, не прорастая. Не могут деревья сами вырастить своих детей. Дети у них «приемные» — посаженные руками ребят.

Леса, выращенные топольковцами, улучшают почву. Схваченные корнями деревьев, останавливаются движущиеся пески. В тени лесов меньше испаряется влага из земли, уменьшается засолонение почвы. Прошлогодние листья и трава становятся перегноем — увеличивается плодородие почвы.

Каждое дерево выхаживают руки топольковцев...

Как говорят в народе, доброе дело добром откликается.

Здесь, в Заволжье, на Новый год стоят в домах сосенки, украшенные елочными игрушками (или их следует называть сосновыми игрушками?).

Да, не всякое дерево приживается в этих суровых краях. Только четыре дерева — тополь, клен, вяз да сосна — могут приспособиться к трудным условиям полупустыни. У каждого дерева, как у людей, свой облик, свой характер, даже болезни свои.

Тополь часто болеет, но растет быстро. Клен растет медленно. Вяз самый выносливый. Но он недолговечен — живет всего десять — пятнадцать лет. Сосна, пожалуй, самая долговечная, самая крепкая, самая выносливая. Она может расти на скудных землях, ей не страшны суховеи, и палящее солнце ей только на пользу. Но это потом, когда сосна вырастет. А молодые саженцы ее зано-

сит песком, ветер выдувает из-под них почву, обнажает еще слабые корни. Сосну надо защищать от ветра, песка. И лесоводы придумали сажать лес, похожий на зебру: полоса сосен, полоса лиственных и снова полоса сосен. И так до самого горизонта.

Тополь без имени

Откуда же взять воду, чтобы поливать эти бесконечные гектары леса? И вообще, как его поливают? Не ведрами же носят.

Волжская вода сама приходит в леса и на поля. Земля Заволжья прорезана каналами. Целая оросительная система сооружена здесь. Но каналы заносит песком, затягивается илом их дно, засолоняется вода. Значит, каналы надо защищать. Деревьями. Рядами тополей.

Существует чуть ли не двадцать видов тополей. Пирамидальный, серебристый, канадский, американский, пушистый, тополь-осокорь... А у этого пока имени собственного нет. Вывели его специалисты из агролесомелиоративного института. А ребята долголетней проверкой установили: новый тополь лучше других очищает воду от подпочвенных солей, укрепляет берега. Проверили и теперь выращивают вместе с лесхозом многокилометровые полосы новых гибридных тополей вдоль канала.

...от семечка из шишки до взрослого дерева.

Воспоминания о березовой роще

Прекрасно, когда дело начинаешь с удачи. Но не всегда так случается. Чаще всего удача приходит потом. Главное — уметь ее дождаться. Вернее, завоевать.

Это было одно из самых первых дел школьного лесничества. Березовую рощу высаживал лесхоз. Еще до появления «Тополька». А вот выхаживали, растили ее топольковцы.

От рощи остались лишь фотографии. Зеленые косогоры. Стайки хрупких белых стволов. Марево листвы.

Засуха 1973 года, словно злое ненасытное чудовище, сожрала все деревья до единого, слизала траву с косогоров. Оставила после себя песчаные проплешины и сухие потемневшие стволы с культяпками сучьев.

Я не видел этого. На месте погибшей рощи давно уже шумит новый лес.

Березы, которым трудно выжить на сухой земле Заволжья, заменили сосны, вязы, тополя.

Рощи нет, а память о ней существует. Правда, ребята не любят рассказывать о той березовой роще.

Это так же трудно, как говорить о гибели близкого друга.

И встают зеленые ряды вокруг города.

Абрикосовая косточка

Они влетели в комнату веселой воробьиной стайкой. Говорили все наперебой.

— Мы шестиклассники. Нас пока в «Тополек» не принимают...

— Нам еще Малую Тимирязевку проходить...

— Там мы основы лесоводства изучаем.

— И в дендрарии работаем и на школьной опытной станции...

— Весной сеем пшеницу, ячмень, горох, кукурузу, помидоры сажаем. И деревья и кустарники...

— Усовершенствуем породу...

Лена Мантуленко так и сказала: «Породу». Будто про щенка. И это не случайно: каждое дерево для них — живое. Они могут рассказать, как оно росло, чем болело. Чуть ли не день рождения своего дерева отмечают. У Алеши Минеева своя вишня. У Миши Дехте-

рева — абрикос. У Нади Гайворонской — яблоня. И у каждого возле дома свои тополя, вязы, сосенки.

Сколько раз мы, не задумываясь, выплевывали вишневую или абрикосовую косточку. Алеша Минеев ее ни за что не выбросит. Он знает: абрикосовая косточка — это чудесная шкатулка, в которой хранится будущее дерево.

И пусть они еще не работают на дальнем лесном участке «Тополька» — там трудятся старшеклассники,— но двор, сад, даже подоконник — это их первая лаборатория. Скоро в совет школьного лесничества они принесут заявления: «Прошу принять меня...» А пока шестиклассники готовятся. Впрочем, они уже готовы к серьезной работе. Выращенные ими деревья говорят сами за себя.

Если тополю десять лет, он не боится уже никаких невзгод, никакой непогоды.

«Топольку» — одиннадцать лет. Он, как взрослый тополь, окреп и возмужал. Он, как

Дерево выросло, но заботы не кончаются.

одиннадцатилетний мальчишка, весел, напорист, полон сил.

Кончают школу одни ребята, на смену им приходят другие. Многие бывшие топольковцы связали свою жизнь с лесом. Да их и нельзя назвать «бывшими». Приезжают, пишут, советуются, советуют. И советы их очень важные и профессиональные: еще бы, многие учатся в лесных академиях, институтах, техникумах.

А Галя Кутепова и Саша Дубина (впрочем, простите, они теперь Галина Михайловна и Александр Иванович) работают лесоводами здесь, в Николаевском лесхозе. Для них «Тополек» продолжается.

Заведующий улицей

Лучше всех свой город знают мальчишки. Он ими исследован до любого закоулка, пустыря, овражка. Но удивительное дело — где бы ни появлялись николаевские ребята, там вырастает дерево. Словно по волшебству.

На самом деле никакого волшебства. Каждая улица, каждый переулок, каждый двор — это зона пионерского действия, и закреплены они за пионерскими отрядами. Девиз простой: «Посади дерево там, где найдешь подходящее место».

Сажают ли топольковцы аллею, разбивают ли парк или бульвар, они не упустят случая остановить пробегающего мальчишку.

— Иди сюда, вот тебе саженец. Посади, где хочешь.

И он непременно посадит. Перед своим домом. Или перед домом соседа. Перед домом инвалида Отечественной войны, пенсионера. А то и в том заветном тайном месте, которое знает только он один. Теперь его здесь встретит друг — дерево.

Постепенно все городские ребята втянулись в это общее дело, и каждый почувствовал себя ответственным за свое дерево. Так и получилось, что теперь заодно с топольковцами все ребята — от мала до велика. Оттого так зелен город Николаевск. Самый зеленый в округе.

Летом топольковцы в походе по лесам страны.

«Тополек» был одним из первых. Сегодня в Волгоградской области семьдесят шесть школьных лесничеств — и «Рябинушка», и «Дубравушка», и «Русский лес», и «Сосенка», и «Ивушка»...

Издавна считается, что каждый человек должен посадить за свою жизнь хотя бы одно дерево. Юные лесоводы Заволжья сажают леса. И взрослым лесоводам теперь, пожалуй, не обойтись без их помощи. Это признают все.

Недавно школьное лесничество «Тополек» стало лауреатом премии Волгоградского комсомола.

Рисунок В. КОСТИЦЫНА.
Фотографии Е. ЕМЕЛЬЯНЕНКО.

Ж. ДАШДОНДОГ

Мой конь

Мой конь огнерыжий,
как пламя.
Чуть тронул поводья —
держись!
Сначала крутыми шагами,
Потом переходит на рысь.
Чуть тронул —
галопом ответил,
И мчится, и мчится,
как ветер.
И лечу я прямо в степи,
Как орел степной.
Только ветер,
Только ветер
Голосит за мной.
Только сзади пыли тучи.
Гром из-под копыт.
Я везучий,
Я летучий,
Смелый, как джигит!
Я лечу вперед галопом,
Кабарге под стать.
Только топот,
Только топот
Можешь ты догнать.
Подо мною степь лисицей
Убегает вскачь.
Я, как птица,
Я — орлица,
Я — степной лихач!
Впереди самона[1] крыши...
— Перешел бы, конь, на рысь!
Конь мой, слышишь?
Конь мой, тише!
Ну, пожалуйста, не рвись!
Нас встретит любимая школа,
Постой, мой скакун, не спеши!
Ты слышишь, как с песней веселой
Спешат к нам гурьбой малыши?
И снова с галопа до рыси,
А с рыси на медленный шаг...
Лишь ветер рвет синие выси,
Да плещет над школою флаг.

---

[1] Самон — поселок.

Он в тебе почуял друга

Годовалый жеребенок
По степи скакал весной;
И пуглив, как олененок,
И горяч, как вихрь степной.
Только нет смелее папы
Человека меж людей,
И скакун с горячим храпом
Заплясал вдруг на узде.
Заплясал все тише, тише...
Встал и замер у ворот.
А отец меня все выше,
В небо, что ли, подает?!
Конь рванулся что есть мочи,
Забрыкался, как шальной.
Он скакал со мной до ночи,
Силясь сбросить груз такой...
А потом вдруг сник устало
И в самон вернулся мой.
— Папа, папа, что с ним стало?
Он теперь совсем ручной!
Он носил меня, как вьюга...
А отец мне говорит:
— Он в тебе почуял друга,
Он узнал, что ты джигит.

Перевел с монгольского
А. ГЕРАСИМОВ.

Рисунок А. ГРИШИНА

ТАЙМЫР—МОЯ РОДИНА

Я родилась на Таймыре.

Сюда, к берегам Ледовитого океана, из Сибири переселились далекие предки долган, маленького, но мужественного народа. О тяжелом прошлом моего народа, о его обычаях написала я поэму «Бахыргас». В давние времена долганы давали своим детям второе имя, например, Бахыргас — имя собаки. Дети тогда много и тяжело болели, и никто их не лечил — не было на Таймыре ни врачей, ни больниц. Люди верили, что болезнь не тронет ребенка, если дать ему второе имя, имя собаки...

Сейчас в долганских семьях по десять и даже по двенадцать детей, но им не угрожают болезнь и голод. Совершенно изменился облик моей родины — заполярного полуострова. На Таймыре построен крупный индустриальный город Норильск, самая северная в мире Усть-Хантайская ГЭС, арктические порты Дудинка и Диксон. Оленеводы, охотники и рыбаки смотрят телепрограмму «Орбита» с помощью искусственных спутников Земли. Таймырское радио ведет передачи на четырех языках — русском, долганском, ненецком и нганасанском. Живут тундровики уже не в чумах, а в новых квартирах, в многоэтажных домах.

Каждый год совхозы провожают в армию ребят. Охотник Николай Спиридонов как-то сказал: «Я в ваши годы не знал, что такое берданка, а сейчас мои сыновья служат в танковых и ракетных частях...»

Во время войны в военкоматы поступило много заявлений от долган-добровольцев — отличных охотников и стрелков. Но даже в те тяжелые дни, когда фронту очень нужны были снайперы, Советская страна заботилась о сохранении моего народа. Ведь долган по приполярной переписи 1925 года было всего семьсот человек. И все же мои земляки били фашистов под Ленинградом, на Курской дуге, освобождали Прагу. Женщины шили для фронта теплую меховую одежду, молодежь отдавала заработанные деньги на постройку самолета «Комсомолец Таймыра».

Сейчас долган пять тысяч. У моего народа появилась своя литература, но до сих пор не было письменности. Я даже не могла на родном языке записать свои стихи. И тогда я стала работать над первым долганским букварем, составлять азбуку, чтобы сохранить народные предания, сказки, песни, обычаи. По сей день живы многие древние обычаи долган, особенно связанные с жизнью тундры.

Любят долганы свою тундру. Никто не обламывает вербу — ею питаются олени, не засоряет озера — там олени пьют воду, птицы плавают. Весной, когда наш охотник идет охотиться на гусей, он первую стаю приветствует и пропускает без выстрела. К прилету птиц долганы всю посуду наполняют талой водой — в народе говорят, что она помогает птицам вырастить густое оперение. И осенью к отлету птиц посуда снова полна водой, в знак того, что их всегда будет ждать тундра с чистыми озерами, с первозданной природой.

Прекрасные обычаи долган — забота о тундре, о ее чистоте, о сохранении всех животных, которые ее населяют, стали сейчас обязательными для всех, кто живет на Таймыре. Совсем недавно на полуострове создан заповедник в зоне тундры — первый в нашей стране.

Огдо АКСЕНОВА,
долганская писательница

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

Солнечный арбуз

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА

— Слушай, — сказал Юрыч, заставив свой ножичек совершить тройной кульбит и воткнуться в песок, — а ты знаешь, куда девается солнце на ночь?

По всем близлежащим дворам Юрыч был известен как «тот пацан с ножиком». Ни у кого не было такого ножа, и никто не умел проделывать с ним такие штуки.

— Знаю! — чуть подумав, ответил я. — Солнце девается за гору...

— Это конечно... — неохотно согласился Юрыч, вспомнив популярную тогда песню «Солнце скрылось за горою». — Это конечно, но куда оно девается там?

— Тонет в море, — уверенно изрек я.

— А вот и не все! — незнамо чему обрадовался Юрыч. — Если бы все, то тогда бы давно вода закипела.

— Куда же, по-твоему, девается остальное? — ехидно спросил я, не желая признать свою меньшую осведомленность.

Юрыч окинул хозяйственным оком двор, мрачную колокольню без креста и колокола и сказал как о вымученном в бессонные ночи и решенном наконец для себя вопросе:

— Солнце, Лешка, везде. Его понемножечку всюду: и в нас, и в кирпичах, и в песке, но больше всего его... — Он помолчал многозначительно и досказал почти шепотом: — Больше всего солнца в арбузах...

— Врешь ты все, — неуверенно возразил я.

— Нет, ты только подумай, Лешка, и не спорь! Ты только подумай! Солнце ночью везде: и во мне, и в тебе, и в крышах — во всем понемногу. Ведь если помногу, то всему будет слишком жарко... А по утрам оно сползает отовсюду и снова становится одним солнцем.

— Ну и что? — не сдавался я. — Значит, оно и из арбузов сползает тоже...

Юрыч рассмеялся радостным, незлым смехом человека, познавшего великую тайну.

— А слышал ли ты, что солнце остывает?

Про это я слышал и даже испытал на себе. Каждое лето становилось хоть чуточку, но холоднее предыдущего.

— Так вот... Дело все в том, Леша, что не отовсюду ему, солнцу, выползти можно. К примеру, из арбузов...

— А это еще почему?

— А потому! — назидательно сказал Юрыч. — Возьми хоть себя. У тебя есть двадцать копеек...

— Нету! — заверил я.

— У тебя есть двадцать копеек медяками, — терпеливо повторил Юрыч. — И ты их спрятал в разные места: под деревом, в песке, в сарае. Ты спрятал, а я увидел и все перепрятал в другие места. Сможешь ли ты теперь найти свои двадцать копеек?

— Как же, — не очень охотно согласился я, — после тебя ищи...

— Вот так и солнце! Оно частично, конечно, вечером заползло за гору, в арбузы, а их сорвали и увезли в город. Как же оно теперь может найти то, что перепрятано?

Я промолчал. Я был потрясен простотой и гениальностью открытия Юрыча.

Мы были дети войны, не успевшие познать предвоенного изобилия и, что обидней всего, опоздавшие повоевать. Слово «арбуз» появилось в нашем словаре гораздо позднее слова «контрудар», «калибр», «победа». Оно появилось только что, через пять лет после окончания войны, а мой друг уже познал великую тайну, хранящуюся в этом слове.

Мы долго сидели молча, обдумывая свою жизнь, разглядывая ее с точки зрения арбузной теории.

Знаменитый ножичек Юрыча забыто поблескивал в песке, осиротевший из-за отсутствия нашего к нему интереса.

От понимания собственного ничтожества и бездарности настроение стало скверным.

По этой красивой земле с могучей колокольней, со свалкой за забором, таящей в себе бесчисленные сокровища, от резиновых перчаток до самолетного мотора от «хенкеля», с коротышкой яблоней, на которой, несмотря на все ожидания, никогда не росли яблоки, — по этой красивой земле должны были ходить такие же красивые и достойные люди вроде Юрыча.

Мой друг молчал и не мешал мне самоуничижаться. Он не злорадствовал, как всякий бы другой на его месте, он не старался подчеркнуть мое ничтожество, он просто, потупив взгляд, смиренно нес нелегкое бремя собственной славы.

Наконец мне надоело самоуничижаться.

— Слушай...— сказал Юрыч,— а ты знаешь, куда девается солнце на ночь?

Я вдруг подумал, что Юркино открытие не имеет, в сущности, никакого практического применения, что оно не может изменить мою жизнь ни в лучшую, ни в худшую сторону.

Появление во дворе Семки Птицина окончательно прервало процесс моего самоуничижения, заменив его инстинктом самосохранения.

Дело в том, что на этой земле каждый самоутверждался как умел. Я — всезнайством, Юрыч — ножичком, а Семка — огромной физической силой, перед которой и мое всезнайство, и Юркин ножик, и наше общее знание закона остывания солнца были бессильны.

Я с надеждой глянул на Юрыча. Кто-то из нас двоих должен был принять волевое решение и побежать. Удрать первым мне не хватало смелости, и я заискивающе глядел на моего ученого друга — автора пока еще неизвестной всем арбузной теории.

Но он сидел, вяло опустив руки, и вроде бы не собирался бежать.

Птицин кашлянул и двинулся к песочнице. Справа от нас в заборе маняще зияла дырка, в которую могучее тело Семы Птицина никак не могло бы протиснуться. За забором ютилась свалка, способная укрыть нас от подзатыльников дворового хулигана.

Набравшись мужества, я было уже привстал, когда свистящее Юркино «сиди» плюхнуло меня на место.

Я давно догадывался, что ранняя слава портит человека. Сейчас я убеждался в этом на практике. Великое открытие вскружило голову моему другу и не позволяло теперь мыслить логично.

Сема Птицин подошел к нам вплотную и сплюнул себе под ноги. Сплюнул жутко красиво — через сломанный в драке передний зуб.

Юрка покосился на Птицина и тоже сплюнул, но уже не так красиво, потому что у него не было сломанного зуба.

— Привет! — осуждающе сказал Сема.

— Привет! — прямо-таки хамски ответил Птицину Юрыч.

У меня засосало под ложечкой.

Сема озабоченно оглядел двор, ища реальных объяснений отчаянной храбрости Юрыча. Но двор был пуст, и ничего похожего на засаду в виде наших бабушек не проглядывалось.

Птицин обиделся окончательно.

— Ща бить буду, — сказал он, минуя этап дипломатических переговоров.

— Попробуй! — предложил Юрыч, не соизволив даже привстать.

— Ты чего? — участливо поинтересовался Сема. — Температуришь?

— Это ты сумасшедший! — ни к селу ни к городу вякнул мой друг.

Птицин оторопел.

— Понимаешь, Сема,— поспешно вмешался я,— ты не прав. Много веков назад один древний солдат в такой же ситуации убил великого ученого Архимеда, который открыл закон плавания. А если бы он не открыл этот закон, то мы, может быть, до сих пор не умели плавать.

— Ну и что?— удивился Птицин.— Я же его (он кивнул на Юрыча) убивать не буду. Я его только побью.

— А все равно! — храбро возразил я.— Всякое унижение человеческого достоинства может пагубно сказаться на умственных способностях великого ученого.

— Это он-то великий?— не сдавался Птицин.

— Он, Сема, он,— заискивающе сказал я.— Ты не гляди, что Юрыч с виду никакой, у него самое главное внутри. Он, Сема, знает, куда девается солнце.

И я торопливо изложил суть Юркиного открытия.

Птицин слушал внимательно, и его лицо все больше облагораживалось познанием великой истины.

Когда я кончил, он вздохнул и сказал уважительно:

— Это, конечно, это он голова...

Птицин переминался с ноги на ногу и, очевидно, горько раскаивался, что чуть было не совершил злодеяние.

Потом он перестал покачиваться, открыл рот, закрыл его, потом опять открыл и сказал нагло:

— Ну и что?

— Как это что?— возмутился я.

— А так вот и что! Пусть солнце девается, куда хочет, а вас обоих я сейчас отлуплю, и ничего от этого не изменится.— И Птицин для наглядности отвесил мне шелобан.

— Только попробуй! — пригрозил Юрыч.

— А что будет?

— А то и будет, что сегодня ты побьешь нас, а завтра мы тебя.

— Гы-гы-гы,— заржал Птицин.— Вы меня? Это ж как?

— А так. Съедим арбуз и побьем.

— Арбуз?— насторожился Сема,— а при чем здесь арбуз?

— При том,— небрежно ответил Юрыч.— При том, что Лешка тебе еще не все сказал про мое открытие.

— Чего ж он еще такого не сказал?

— А то, что в солнце вся сила и есть. А солнце в арбузах, и если хоть один арбуз съесть, то станешь таким сильным, что всех победишь!

— Говори,— ухмыльнулся Птицин,— я вот никогда их не ел, а вас одной левой раскидаю.

— А все почему?— распетушился Юрыч.— Потому что ты, Птицин, летом родился. Так?

— Так.

— А мы с Лешкой — зимой. А зимой какое солнце?

— Ерунда! — сказал Птицин.

— Как это?— удивился Юрыч.

— А вот так!— Сема щелкнул Юрыча по носу и вырвал у него необыкновенный ножичек.— Ну, побейте меня! Ну!

Я кинулся было на Птицина, но Юрыч остановил меня и сказал:

— Пока еще рано, Леша... Пока еще рано... Но мы ему еще покажем.

— Покажете,— приплясывал Сема,— покажете, когда бабушке расскажете, когда небо все побелите, когда дедушку побреете.

Блестящий ножик Юрыча, предмет зависти всех близлежащих дворов, печально поблескивал в неинтеллектуальных руках Птицина.

— Пойдем,— потянул меня за рукав Юрыч.— Пойдем, Леша. Он еще узнает... он еще наплачется.

Мы вышли со двора и медленно побрели по улице. У Юрыча дрожали губы, но он не плакал.

— Давай пожалуемся! — предложил я.

— Самим надо!— решительно сказал Юрыч.— Арбуз бы вот только достать, тогда бы...

— Где же ты его достанешь?

— Может, обменять на что?

Мы вывернули карманы. Из них посыпались шелуха от семечек, горелые спички, пульки от рогаток и камешки — все это не соответствовало арбузной цене.

— Нужно что-нибудь найти,— предложил я.— Например, деньги: их чаще всего теряют.

— Правильно,— согласился Юрыч.— Нужно только все время под ноги смотреть. Ты, Леша, смотри в левую сторону, а я в правую.

Я шел, согнувшись в три погибели, для полной уверенности пиная по пути всякие деревяшки и консервные банки.

Я так увлекся, что не заметил идущего навстречу дяденьку и ткнул его головой в живот.

Дяденька охнул и присел на корточки. Я хотел помочь ему встать, но он отпихивал меня локтем и не переставал охать.

Подошла какая-то бабушка и сказала дяденьке: «Перестань». И он перестал. А мне она сказала:

— Ты чего неправильно ходишь?

— Деньги ищу,— сказал я.

— Ты что, их потерял?

Говорить неправду было нехорошо, а говорить правду было долго.

— Много?— спросила бабушка.

— Двадцать копеек.

Бабушка засмеялась, достала кошелек и протянула мне двадцать копеек.

— Не надо,— сказал я.

Но бабушка сунула мне их в карман.

Я догнал Юрыча и протянул ему двадцать копеек.

— Нашел?— спросил он.

Я кивнул, потому что правду было опять говорить долго.

— Вот видишь!— обрадовался Юрыч.— Мы с тобой ходим каких-нибудь пять минут, а уже нашли двадцать копеек. Если каждые пять минут мы будем находить двадцать копеек, то за час мы найдем два сорок.

— А если не найдем? — возразил я.

— Если не найдем, то не получим назад ножик и не побьем Сему.

Мы вышли с Юрычем на маленькую площадь со множеством ларьков. Здесь чаще чем где-либо люди вытаскивали кошельки и, возможно, чаще теряли деньги.

Мы сели на пустые ящики около палатки, и Юрка осколком кирпича нарисовал на асфальте круг.

— Вот это площадь. Поделим ее на двадцать квадратов. Тебе десять квадратов и мне десять. Каждый квадрат нужно осмотреть за пять минут и найти в нем двадцать копеек. Понял?

— Не понял, — сказал я.

— Чего ты не понял? — удивился Юрыч.

— А если на нем нет двадцати копеек? Думаешь, всем охота терять деньги?

— Если ты не хочешь помочь мне побить Птицина, так и скажи! — рассердился Юрыч.

— Хочу, — покорно сказал я.

— Тогда ищи!

Мы разошлись по разным углам площади и стали искать деньги.

Я нашел три фантика, никелированную трубку, пружину от мышеловки и жестяную коробку из-под монпансье. Денег не было.

Вернувшись к ящикам, я разложил на асфальте свои находки и стал ждать Юрыча.

Его долго не было, и я стал глазеть на лоточника, который торговал ирисками.

После билетерши кинотеатра лоточник был для нас самым счастливым человеком на свете. Если билетерша могла каждый день смотреть кино, то лоточник каждый день мог есть ириски.

Но самое удивительное было то, что никто из мальчишек никогда не видел, чтобы лоточник ел свои ириски.

Я смотрел на лоточника так долго, что он тоже стал смотреть на меня и даже подмигнул. Я тоже ему подмигнул, а он поманил меня пальцем.

— Хочешь ирисок? — спросил он.

— Хочу, — сказал я.

— Наверное, денег нет?

— Есть, — сказал я и показал лоточнику двадцать копеек.

Он взял монетку, осмотрел ее со всех сторон, понюхал и положил в карман. От огромной коричневой плитки лоточник отломил четыре ириски и протянул их мне.

Ириски таяли, обволакивая пальцы липкой сладостью. Я облизывал пальцы и мужественно ждал Юрыча.

Он скоро подошел и сел рядом:

— Что это у тебя? — спросил он, заглядывая в мою ладонь.

— Ириски.

— А почему они такие маленькие?

— Тают, — сказал я и протянул другу его неполную долю.

— Здесь нет денег — сказал он. — Нужно искать в другом месте.

Около всех палаток толпился народ, только возле арбузной палатки никто не толпился. Люди покупали нитки, лук, капусту, чулки, кофточки, и никто не покупал арбузы. Они просто ничего не знали об открытии Юрыча и потому тратили деньги на всякую чепуху.

Сам продавец арбузов, от скуки глазеющий на площадь, не понимал, что при желании мог бы стать самым сильным человеком на свете.

Мы с завистью и сожалением глядели на продавца, а он глядел на площадь.

И вдруг я увидел арбуз. Он лежал у самой стенки палатки с трещиной в боку, похожей на приоткрытую пасть щенка.

— Юрка! — прошептал я и ткнул в арбуз пальцем.

Юрыч испуганно уставился на арбуз, ожидая, что продавец спохватится и выбежит за ним из палатки.

Мы подошли к палатке, и Юрыч, заискивающе улыбаясь, сказал:

— Дяденька, у вас выкатился арбуз.

Продавец зыркнул в сторону, указанную Юрычем, зевнул и сказал равнодушно:

— Ну и пусть...

— Дяденька, — заканючил я, — может, он вам вовсе не нужен?

— Не нужен...

— И мы можем его взять себе?

— Можете!..

Юрыч схватил арбуз и побежал. Я еле поспевал за ним, поминутно теряя сандалии.

Наконец Юрыч остановился.

— Ну, теперь все, — тяжело дыша, сказал он, — теперь он узнает, как отнимать ножики... Неси ложку.

Когда я вернулся во двор, Юрыч сидел у сломанного тополя и печально глядел на арбуз.

— Ты чего? — спросил я.

— Гнилой, — хрипло сказал Юрыч.

Я понюхал арбуз и сморщился.

— Теперь все...

— Слушай, — сказал я, вспомнив про травмированного мною дяденьку, который, сам того не желая, помог мне достать двадцать копеек. — Совсем и не все, я кое-что придумал.

Я взял кусок глины, размочил его в луже, размял и замазал трещину в арбузе.

— Ну и что? — уныло спросил Юрыч.

— А то, что теперь я возьму его и пойду на улицу. Там я встречу кого-нибудь, подвернусь под руку, он меня толкнет, арбуз разобьется, а нам купят новый.

— Здорово! — Юрыч стукнул меня по плечу. — Ты настоящий друг, Лешка. Пошли.

Мы вышли на улицу, и я приказал Юрычу:

— Ты отойди. А то увидят, что нас двое — не поверят.

Юрыч отстал, а я бодро пошел навстречу удаче.

Я ходил минут десять и никак не мог подвернуться кому-нибудь под руку.

Наконец мне надоело бесцельное шатание, я завернул за угол, чтобы вернуться во двор, и с кем-то столкнулся. Арбуз вылетел у меня из-

Леша разложил на асфальте находки и стал ждать Юрыча.

под мышки, хрястнулся об асфальт, обдав нас красной кашицей.

Я заревел, замахал руками и запричитал:

— Ах, что же теперь будет, что скажет бабушка, ах какой я несчастный!

Юрыч почему-то не появлялся. Я перестал орать и поднял глаза.

Передо мной стояла моя бабушка, а рядом с ней домоуправ Вить Витич и студент Васька.

— Так, — сурово сказала бабушка. — Что это все значит?

— Это значит, — радостно сказал домоуправ, — что ваш внук украл арбуз. Это значит, что всем нам стыдно, что у такой бабушки такой внук.

— Ну! — повторила бабушка. — Что же все это значит?

Я тупо глядел на арбузную слякоть и готов был перенести все пытки, но не выдать своего друга Юрыча.

— Этот мальчик, — торжественно, как на собрании, сказал Вить Витич, — плохой мальчик. Из него вырастет плохой юноша, а потом из этого плохого юноши вырастет плохой человек. И все будут спрашивать, где вырос этот плохой человек и кто был у них там домоуправом.

— Не крал он его, — сказал незнамо откуда появившийся Юрка.

Я молчал, потому что это была не моя тайна.

— Говори, — успокоил меня Юрыч. — Пусть они не думают, что мы какие-нибудь жулики.

Я, потупившись, изложил арбузную теорию.

— Чушь какая-то! — фыркнул Вить Витич. — В школу ходите, а такие глупые.

Бабушка молчала, а студент Васька почесал за ухом и сказал:

— А может быть, и не чушь... Это бы надо проверить.

Он полез в один карман, потом в другой, вытащил деньги и протянул их Юрычу.

— Ну-ка, сбегай на площадь.

— Стой! — приказала Юрычу бабушка. Она отобрала у него деньги и вернула их Ваське. Потом достала кошелек и вручила его Юрычу:

— Идите и купите себе арбуз.

— Мы не хотим! — дружно гаркнули я и Юрыч.

— А мы хотим, — язвительно сказала бабушка. — Потому что каждое открытие должно быть проверено на практике.

Мы охотно сдались и побежали на площадь.

Продавец уже закрывал свой ларек, когда мы налетели на него:

— Арбуз! — орал я.

— Продайте! — орал Юрыч.

Продавец испуганно оглядел нас и открыл ларек.

Юрыч вышел из палатки с арбузом под мышкой. Арбуз был с футбольный мяч, и даже хвостик был похож на незаправленную шнуровку.

— А хватит такого? — почему-то шепотом спросил я.

— На одного хватит, — уверенно сказал Юрыч, и мы вернулись во двор.

Вить Витич, бабушка и студент Васька сиде-

ли на лавочке и о чем-то спорили. У бабушки на коленях лежал поднос, а на нем медный с зубчиками ножик.

Студент Васька взял у Юрыча арбуз и отрезал у него верхушку, словно снял крышку с кастрюли.

Первый кусок Васька протянул мне. Я облизнулся и кивнул на Юрыча:

— Пусть он ест мою долю, а то не победит.

Потом от арбуза отказались бабушка, Вить Витич и Васька.

Юрыч начал бойко. Первый кусок исчез у него в животе вместе с семечками. Потом бабушка приказала ему выплевывать семечки, иначе она прекратит эксперимент.

Для быстроты дела я и Васька начали очищать ломтики, а Юрыч только заглатывал красную мякоть.

Наконец он вытаращил глаза и заявил:

— Все, больше не лезет!

Бабушка раздала оставшиеся ломтики болельщикам, и все дружно начали есть.

Когда от арбуза остались одни корки, Юрыч потребовал:

— А теперь уходите, мы с Лешкой все сами сделаем... Чтобы по-честному...

Все ушли в дом, а мы с Юрычем подошли к Семкиному окну и крикнули:

— Птицин, Пти-и-ицин!

— Чего вам? — недовольно откликнулся Сема, высовываясь в форточку.

— Выходи, Птицин! — храбро потребовал Юрыч. — Мы тебя бить будем.

— Чего? — удивился Сема.

— Выходи, — не очень уверенно пискнул я, — драться будем. Или отдай нож.

Сема подозрительно оглядел двор, увидел на лавочке поднос с арбузными корками и стушевался.

— Не выду... Мне неохота...

Выходи, Птицин. — Юрка сжал свои обычно никого не пугающие кулаки. — А то мы сейчас к тебе придем.

Семка как-то жалко скривился, полез в карман и выбросил ножичек.

— Психи! — не очень уверенно ругнулся он и закрыл форточку.

Юрыч поднял нож, и мы побежали к песочнице.

Минут пять мы играли молча, обдумывая победу. Потом я заглянул Юрычу в глаза и честно признался:

— Ты знаешь, а мне все равно страшно было...

— И мне, — шепотом признался Юрыч, оглядываясь на птицинское окно. — А вдруг бы оказалось, что как раз в этом арбузе солнце не пряталось?

Богдан ЧАЛЫЙ

Баллада о соловьях

Теплоход плывет по морю,
Приближается к Босфору.
Но бегут наперерез
Волны — чуть не до небес.

Море Черное чернеет,
Нету признака вернее:
Будет шторм. Все гуще тень.
Вечер, полночь или день?

Все равно весна настанет;
Гуси-лебеди в тумане,
К берегам родной земли
Потянулись журавли.

Крики их полны тревоги:
— Ох, не сбиться бы с дороги
И вернуться в отчий дом
Хоть не скоро, хоть с трудом!

Капитан следит за клином,
Стройным клином журавлиным:
— Журавли, скажите мне:
Страшно в мглистой вышине?

Берегитесь шторма злого —
Море Черное сурово!

И ему старик вожак,
Помолчав, ответил так:
— Знаешь сам, учить не стану:
Страх покорен капитану.
Пусть дорога нелегка —
Мы летали здесь века.
Что нам бури, что нам громы?
Мы ведь скоро будем дома!
Перетерпим, не беда,
Ну, а вы, друзья, куда?

— Бросим якорь мы в Марселе,
А потом через неделю
Важный груз в Анголе ждут,
Побываем там и тут.

Капитан вернулся в рубку.
— Полный ход! — гремит он в трубку.

Волны снова поднялись
И корабль взметнули ввысь.
В борт удар. Еще удар.
Не сдается «Коммунар».

Пять часов такого шквала!
Пять часов — и тихо стало.
И грохочущая мгла
Понемногу отошла.

Воспаленными глазами
Капитан взглянул и замер:
С высоты наискосок
За комком летит комок.

— Задает нам шторм загадки!
Что за новые осадки
Вдруг покрыли всю корму?
Извините, не пойму!

Капитан вздыхает тяжко —
У него в ладонях пташка.
Говорит: — Друзья мои,
Да ведь это соловьи.

Отогреем птиц в каюте,
Что ж вы все застыли? Нуте,
Принесите им воды,
Приготовьте им еды!

Кок ответил капитану:
— Где я гусениц достану?
Нету мух, жучков лесных...
Вкусен борщ, да не для них!

— Всех пичуг — да поскорее! —
Ближе к теплой батарее.
Позаботьтесь, молодцы,
Не простыли бы певцы!

Начался аврал веселый,
Не боятся новоселы,
Смело тянутся к рукам.
Верят птицы морякам.

И народец соловьиный
Собирали в три корзины,
В бескозырки, в два ковша
Осторожно, чуть дыша.

Крикнул кок: — Идет на лад!
Соловьи клюют салат.
Жаль, не пьют компота птицы —
Дайте им сырой водицы!

Вот и Турция вдали,
Вот к Босфору подошли.
— Для чего им заграница?
Дома надобно гнездиться!
Ждет их песен край родной,
Чтоб весна была весной.

— Погоди, слова словами,
Как же быть нам с соловьями?
Нет погоды за кормой...
Как отправить их домой?
Друг-радист, включай столицу,
Доложу Москве о птицах...
— Да!.. Товарищ адмирал,
Птиц я в море подобрал...

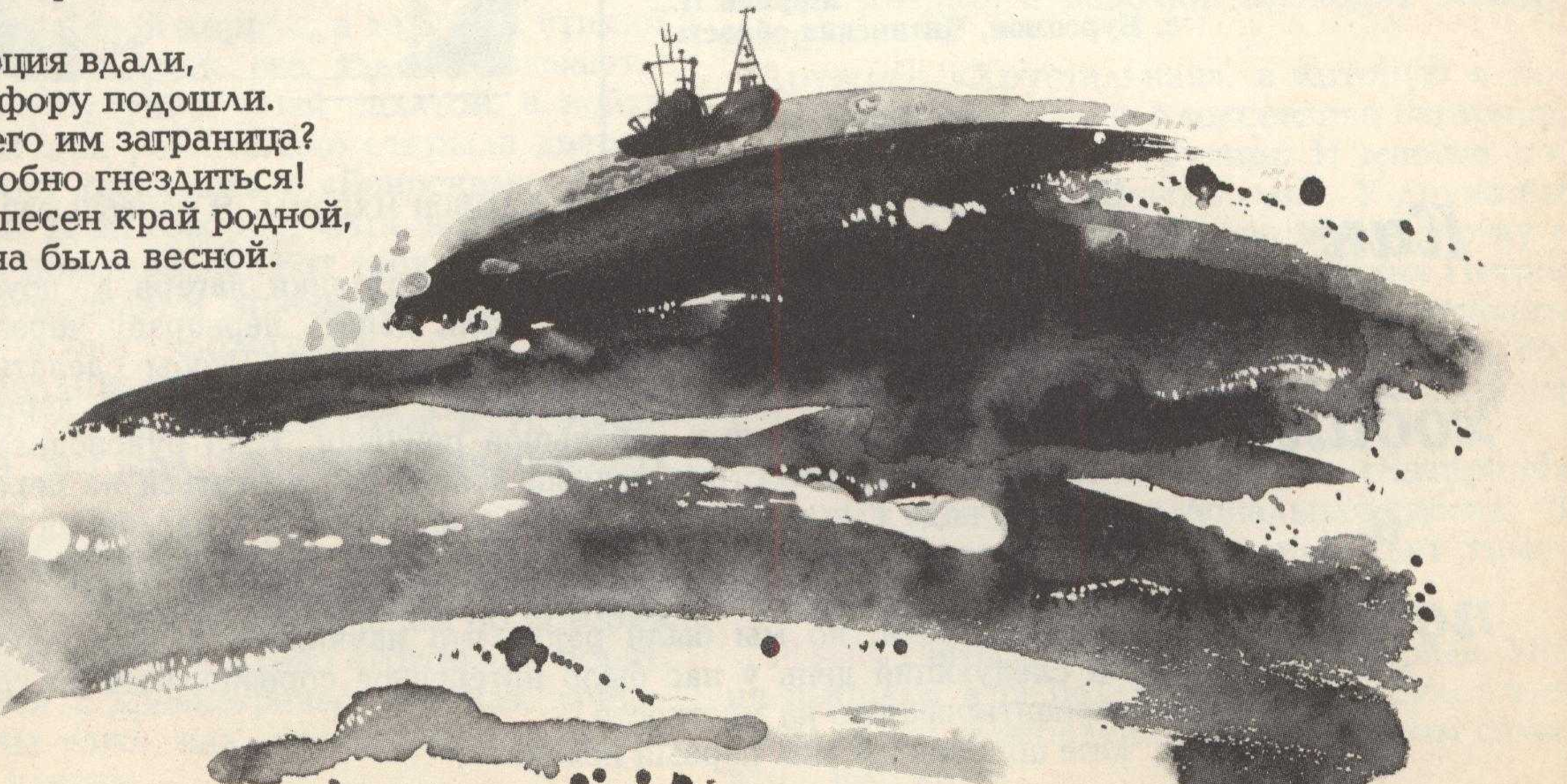
Слышен голос адмирала:
— Говоришь, зима прижала,
Обижает соловьев?
Раз беда — помочь готов.
Возвращайся, друг, в Батуми,
Там с утра тепло, как в трюме,
Положительный прогноз.
О весне решен вопрос.
Но прошу поторопиться:
Пассажир — лесная птица!
Доложите завтра в шесть.
Капитан ответил: — Есть!

Удивились на Босфоре:
Чудеса творятся в море —
Судно, сделав разворот,
Вдруг обратный курс берет.

В золотой пыльце тумана
Подошли к Батуми рано.
Все в цвету стояло там.
Капитан взошел на мостик,
Дал команду: — Ну-ка, гости,
Все летите по домам!

Слава каневским, рязанским,
Свирским, курским и кубанским
Звонким вестникам весны!
От Карпат и до Алтая
Ждет вас всех страна родная:
Вы ее воспеть должны!

Перевела с украинского
Людмила ТИТОВА.



Сами о себе

Когда я был октябренком

Когда я был октябренком, я познакомился со старой бабушкой. Жила она вместе со своей семьей в старом деревянном доме. Всех уже выселили из дома, только они с мужем остались. Скоро и они должны были получить квартиру. В семье этой три человека: бабушка, дедушка и их дочь. Старушка была больна. Когда-то на войне она была меткой пулеметчицей. Много раз была ранена. Муж ее тоже воевал. Участвовал в самых тяжелых боях за Сталинград. Его контузило в голову. Попал в госпиталь. После войны он работал в уголовном розыске. Рана все чаще давала о себе знать, он тяжело болел. У них еще молодая дочь. Добрая, она очень любит свою мать. Когда я впервые пришел к ним, дочь лежала в больнице.

Я собрал восемь ребят из нашего двора, и мы стали помогать этой семье. Мы кормили кур, ручных голубей, вскапывали их маленький огород, обрезали кусты, убирали в комнатах, ходили в магазин, носили воду, рубили дрова, топили печь...

Их дочь выздоровела. А я переехал в другой район. Живу в новой квартире и часто вспоминаю этих старых, но очень интересных людей.

Игорь МУСИЕНКО,
4-й класс,
г. Могилев.

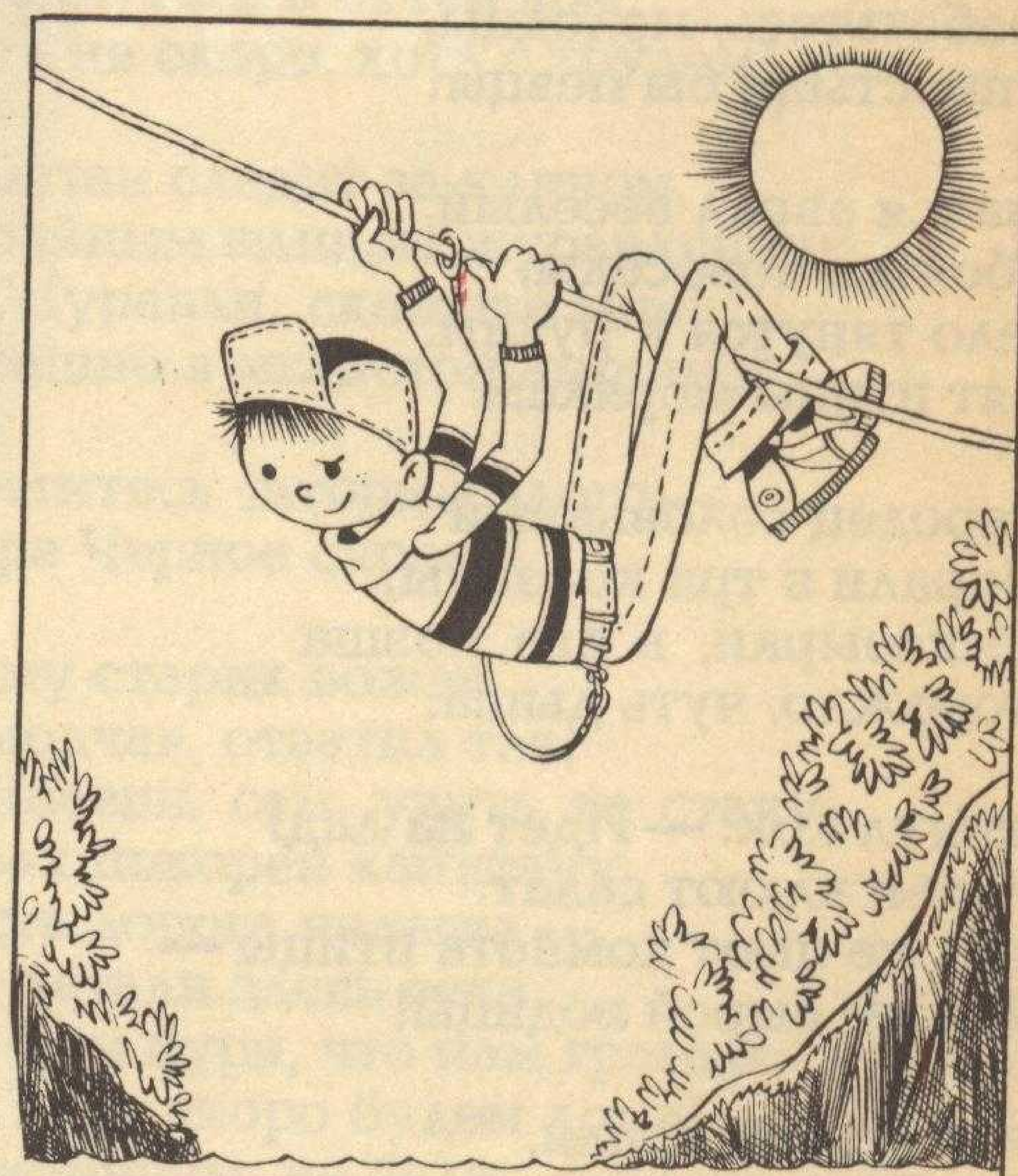
У нас много цветов

Я живу в селе Бурсомон. Село наше небольшое, но красивое, со всех сторон его окружают горы. Летом здесь очень много цветов.

А еще у нас есть тайга. И иногда поблизости от селения бродят волки. Несколько раз я видела коз, которые спустились с гор, чтобы напиться холодной речной воды.

Когда едешь в школу, часто хочется сойти с автобуса и идти пешком, любоваться лугами, рекой и растущими по ее берегам ивовыми лесами.

Марина Ц.,
с. Бурсомон, Читинская область.



Как я ходил в поход

В начале лета мы пошли в поход в район Яхромы. Я первый раз участвовал в таком походе.

На турбазе мы оборудовали место для стоянки лагеря и, поужинав, легли спать. Утром, после завтрака, стали делать переправу через реку, чтобы потренироваться в преодолении препятствий. Чтобы сделать переправу, надо было натянуть веревку между двумя большими деревьями, стоящими на разных берегах небольшой речушки. Наш руководитель показал нам, как надевать страховочный пояс и как двигаться по переправе. А двигаться надо было так: обхватив веревку ногами и перебирая руками. Сначала казалось, что это очень трудно. А когда ребята переправились на другой берег, я тоже успешно преодолел препятствие. Вечером у всех болели шея и плечи, но мы были рады, что научились делать переправу.

На следующий день у нас было интересное соревнование по спортивному ориентированию на местности.

Мне понравился мой первый поход.

В. МОСКАЛЕВ, 7-й класс, г. Москва.

Продолжается Всесоюзный пионерский Марш «Пионеры всей страны делу Ленина верны!»

Каждый день тебе, пионерскому активисту, приходится решать много важных вопросов. Как подружить в отряде мальчиков и девочек? Как организовать работу КИДа или спортивные соревнования? Провести трудовой десант? Как сделать, чтобы у ребят отряда не было пустых, бесполезных, скучных дней?

Ответить на эти вопросы помогает тебе школа пионерских активистов. Лучшей такой школой по праву можно считать пионерский лагерь «Артек».

Мне бы хотелось, чтобы ты прочитал дневник артековки Ани Вересаевой. Из него ты узнаешь о жизни одного отряда. О том, чему можно научиться за тридцать дней артековской смены.

Е. М. РЫБИНСКИЙ, член Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, кандидат педагогических наук.

ДЛИННЫЙ-ДЛИННЫЙ КОРОТКИЙ ДЕНЬ

13 мая. В поезде нас, будущих артековцев, 25 человек. Мы сразу подружились. У Саши (он перешел в 9-й класс) есть гитара. Оказывается, многих песен я совсем не знаю. Пришлось учить их прямо на ходу.

16 мая. Приехали в «Артек». Вылезли с чемоданами. Смотрим, отряд шагает. Ребята подошли к нам и хором говорят: «Всем, всем доброе утро!» И вручили нам цветы. Мы даже растерялись, стоим и глазами хлопаем.

Машу, Марину, Надю зачислили в первый отряд, меня — во второй, Валю — в четвертый.

...Пришла в свой корпус, а там уже «тихий час», «абсолют», как его здесь называют... Стою перед будущей моей палатой, а войти боюсь. Наконец решительно открыла дверь... и нос к носу оказалась с «Боярским». Даже испугалась. А он говорит: «Ага, вот еще одна синьорита пожаловала! Вот твоя кровать, отдыхай, а я пошел». Я спрашиваю девочек, кто это такой, а они: «Вожатый».

После полдника была экскурсия по «Артеку». Очень интересно. Памятник В. И. Ленину, музей истории «Артека», космическая выставка...

Нам рассказали, что мы поедем по Южному берегу Крыма и в город-герой Севастополь и вообще многое еще узнаем об истории Крыма и «Артека». А слово «Артек», говорят, переводится с древнегреческого, как «перепелка». Мы тоже, как птички: приехали, отдохнем и улетим.

Вечером мы знакомились. Каждый должен был рассказать про свой край, откуда он приехал, и про себя.

17 мая. Стены нашей палаты стеклянные и раздвигаются. В палате десять низких деревянных кроватей. Заправить кровать по-артековски нелегко, нужна тренировка.

В «Артеке» много интересных традиций. Отряд всегда ходит строем. Когда отряды встречаются, они приветствуют друг друга: «Всем, всем добрый день!» Мальчики всегда уступают девочкам. Если мы идем в столовую, мальчики выстраиваются двумя рядами перед дверью, а девочки проходят между ними.

Дружина «Хрустальная», в которую я попала, носит имя Юрия Алексеевича Гагарина.

В «Артеке» десять дружин. И многие носят имена замечательных людей. У дружины «Янтарной», она расположена по соседству с нашей «Хрустальной»,— имя Аркадия Петровича Гайдара. Он тоже бывал в «Артеке», встречался с ребятами. Здесь он задумал повесть «Военная тайна» (здесь же снимался фильм по этой книге).

В память об этом на корпусе «Янтарной» дружины открыта мемориальная доска. В «Артеке» проходил I Всесоюзный слет тимуровцев.

18 мая. Сегодня выбирали совет отряда. Меня выбрали в редколлегию. У нас будет три звена, и мы распределились по звеньям сами, кто с кем хочет.

Ребята в моем звене показались мне неин-

тересными. (Это потом я узнала, что все они очень добрые, отзывчивые.) А сначала чувствовала себя одиноко. И когда все запели «Если с другом вышел в путь, веселей дорога», у меня слезы сами собой полились. Галина Евгеньевна, тоже наша вожатая, подошла, обняла меня и спрашивает: что случилось? А я говорю: «Не могу себе друзей найти. В поезде подружилась с девочкой, да в разные отряды попали. А здесь все группами ходят, а я среди них, как пятое колесо телеги». Галина Евгеньевна говорит: «Это только сначала, потом все хорошо будет. Вот увидишь. В конце смены сама над собой смеяться будешь. А пока, хочешь, я у тебя подругой буду?»

А вечером мы танцевали. Здорово! На огромном стадионе вся дружина собралась.

19 мая. Сегодня нам выдали парадную форму: гольфы, голубую юбку с ремнем, белую рубашку и голубую пилотку. Девочки все старательно подшили, погладили. Мальчишки тоже брюки гладят — смешно на них смотреть. Но помощи не просят.

Была торжественная линейка. Зажгли костер в честь дня рождения пионерской организации. Вот это да! Он взметнулся выше деревьев.

И еще один сюрприз: к нам на праздник приехал композитор Д. Тухманов! А после праздника салют давали!

21 мая. Сегодня мы дежурили в столовой. Столовая огромная, вся из стекла. Построили ее недавно — художники еще расписывают стены. После завтрака нас повели в бассейн. Бассейн большой. Вода в нем морская, очень теплая. Огромная вышка. С нее даже олимпийские чемпионы прыгали — В. Васин, Е. Вайцеховская. Здесь висят их портреты с автографами. Вообще в «Артеке» часто бывали знаменитые люди, и все они на своих портретах расписались. Гостили здесь многие наши космонавты и один американский.

Купались мы в мелкой части бассейна. Я попросила физрука, чтобы разрешил поплавать на глубине. Узнав, что я третий разряд имею, разрешил. Рядом, тоже на глубине, плавали и наши мальчишки. «Мы тебя не узнали, думаем, кто тут так здорово плавает»,— сказали они мне. И тренер мне сказал: «Хочешь на соревнованиях выступать, выиграть вот такую золотую артековскую медаль? Это нелегко, будет сто пятьдесят участников».

22 мая. Этот день я навсегда запомню! Мы ходили в поход на Роман-Кош.

Утром в шесть часов мы на автобусе поехали на ялтинскую дорогу. Оттуда начался подъем. Сначала мы поднимались на холм. Целых четыре часа. Шли с привалами, но все равно тяжело.

Рюкзаки тащили мальчики.

Шли мы, шли и наконец пришли к подножию горы Ракушки. Здесь стоит памятник партизанам, которые погибли, прикрывая свой отряд, отходивший в горы.

По обычаю на этой горе все артековцы оставляют по камешку. Это был самый трудный подъем. Местами приходилось ползти, цепляясь руками за камни. И все-таки мы взобрались на вершину и кричали «Ура!». Здесь было так красиво! Мы видели в тумане и Медведь-гору, и «Артек», и море, и горы. Трава на Ракушке тоненькая, желтая, кругом россыпи камней.

23 мая. Сегодня был смотр талантов. Кто пел, кто рассказы писал и стихи, кто танцевал. Я рисовала. Нарисовала я балет. После ужина занявшим призовые места вручали награды. Красный значок дают за первое место, синий — за второе, зеленый — за третье.

Разговаривала со своими подружками по поезду — Надей, Мариной, Машей. У них тоже все интересно.

24 мая. После полдника был дружинный сбор, посвященный комсомолу. Выступали ветераны «Артека», те, кто когда-то приехали в лагерь по комсомольской путевке. Мы слушали Фаину Григорьевну, она была вожатой, начальником лагеря, а сейчас работает учительницей в артековской школе. Она рассказывала о себе, о своей работе. И еще Фаина Григорьевна пела, читала стихи.

Вечером все пошли смотреть фильм «Ох, уж эта Настя!».

25 мая. С утра сегодня отряд работал в юбилейном парке, его заложили, когда «Артеку» 50 лет исполнилось. Деревья здесь совсем маленькие.

В «Артеке» не бывает минуты, когда нечего делать. Если надо немного подождать, например, у столовой, мы сразу начинаем играть.

Вечером все собрались в палате у мальчиков и долго-долго говорили о дружбе. После отбоя к нам пришел вожатый Анатолий Александрович. Он нам говорил о мальчишках, о первой любви, о нравственной чистоте человеческих отношений. Позже мы узнали, что Галина Евгеньевна в это же самое время беседовала с мальчишками. Таких задушевных бесед с вожатыми у нас много.

27 мая. Утром просыпаюсь, а у меня горло болит. Отвели меня в изолятор, а я чуть не реву. Познакомилась с девочками. Ира и Элла из нашей «Хрустальной» дружины, Лариса и Таня — из «Алмазной». После абсолюта смотрели по телевизору «Внимание, черепаха!».

28 мая. В изоляторе тоже есть вожатые. Днем шили «котят», хорошие такие вышли — пригодились наши занятия в артековском кружке «Мягкая игрушка».

1 июня. Ура! Ура! Ура! Меня выписали. Сегодня Международный день защиты де-

тей. Была торжественная линейка. После этого мы написали письма протеста, закупорили в бутылки и отвезли на корабле в нейтральные воды. Это тоже традиция «Артека».

И сегодня у нас экскурсия на военный корабль. На корабле — страшные лестницы с наклоном в 70 градусов. Мы облазили все трюмы и все закоулки корабля вместе с моряком. Потом мы спели морякам песню «Морская душа» и ушли, пожелав им счастливого плавания.

После обеда были конкурсы: рисунков на асфальте, политплакатов, сочинений на тему «Пусть всегда будет мир!».

Вечером зажгли костер. Мы все сидели на бревнышках, читали и обсуждали книгу Леонида Ильича Брежнева «Малая земля». Какие это люди были «малоземельцы»! Какие они бесстрашные и человечные. Мне очень понравилось, как сказано в этой книге о комсомолке Марии Педенко. Она воевала вместе с моряками героически и даже на войне вела дневник и рисовала.

У нас очень хорошее место для костра — полянка, окруженная пальмами.

2 июня. Что-то забот у меня прибавилось... Теперь я — председатель совета отряда... В середине смены были перевыборы. Мы сначала не понимали — зачем? Все ведь хорошо работали, а их переизбирают. Потом стало ясно: чтобы все поруководили, поучились.

Сегодня — «День девочек», а раньше был «День мальчиков». Машенька выиграла конкурс и стала Ладой-78 «Артека». Потом мальчишки показали нам концерт. Это было интереснее, чем в день мальчиков получилось у нас. Машеньке дали приз — большой пирог, вкусный, она со всеми поделилась.

Вечером смотрели фильм. Когда возвращались, вожатая вдруг говорит: «Стойте! Слышите?» Мы прислушались. Было очень тихо, и где-то пела жалобно-жалобно птица. Так мы стояли долго и слушали ее. И смотрели на море, а на воде — лунная дорожка.

Солнце, воздух и друзья... («Артек», лагерь «Морской»).

4 июня. Я и Уля пошли в клуб интернациональной дружбы на очередное занятие. В КИДе нам рассказали о переписке со сверстниками из других стран, мы взяли адреса зарубежных детских организаций и личные адреса ребят.

А на пресс-конференции «Разноцветные галстуки за круглым столом» пришлось кое с кем и поспорить.

Представитель организации «Лесной народ» из Англии вдруг начал обвинять советских пионеров в том, что они строят свою работу, подражая военным: линейка, строй, рапорт, салют, форма, дисциплина строгая. Да к тому же в «Артеке» военно-морская вы-

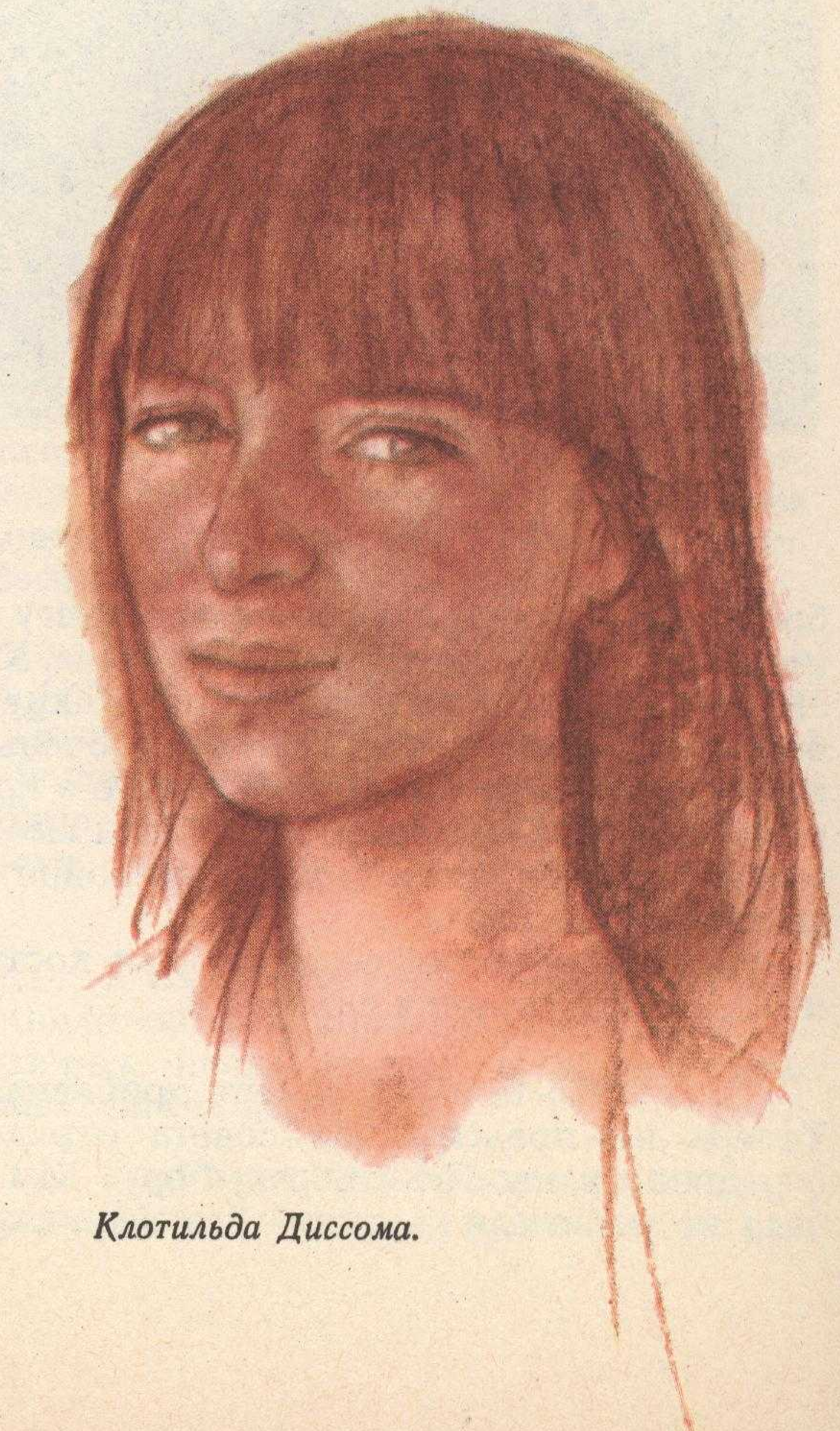
Алеша Русаков.

Вашку Инжаи.

Они стали друзьями в «Артеке» — Алеша Русаков из Москвы, Вашку Инжаи из Гвинеи-Бисау, Ариадна Сангес из Панамы и Клотильда Диссома из Италии, и, наверное, все-все рассказали друг другу о странах, где живут.

Рисунки Б. ШОЛОХОВА

Ариадна Сангес.



Клотильда Диссома.

ставка, пионерская пограничная застава, встречи с военными.

Наш мальчик ответил: «Форма, рапорт, знамя и строй — это символы и атрибуты нашей организации. У скаутов английских все это тоже есть. Главное не в этом. Главное в том, что мы мирные люди, но нам надо быть готовыми защищать то, что завоевали для нас деды и отцы».

Были общеартековские соревнования по плаванию, но меня не пустили из-за горла, и я ревела.

5 июня. Сегодня в лагере День Советского Союза. Каждая делегация должна рассказать всей дружине о своей республике. У нас в дружине — делегации РСФСР, Узбекистана, Белоруссии, Армении, Украины. Флаги этих республик подняли на высокие мачты.

6 июня. Как-то мне мама рассказала сказку о бабочке. Появилась на свет бабочка, и у нее была долгая-долгая жизнь. Сначала было утро, и казалось, утро это не закончится — так много она всего увидела и облетела. Потом день, когда было много солнца, света, простора. Наступил вечер — вначале золотой от солнца, потом краски стали меняться; вечер стал розовый, красный, зеленый. И пришла темнота, и с ней — конец жизни, но это только для бабочки. Как это много — один-единственный день...

Почему я вспомнила эту сказку о бабочке сегодня? Может быть, потому, что сегодня был длинный-длинный день. И еще, наверное, я соскучилась по дому, по маме. Соскучилась, а домой уезжать не хочется. Какой все-таки «Артек» милый. Наша «Хрусталинка» — плывущий большой корабль, кипарисы, оливки и пальмы. Солнце и море. А главное — наши отличные, всегда веселые вожатые и ребята.

Сегодня были в клубе юных друзей искусства. Мы слушали музыку Чайковского и рассказ о нем.

После ужина готовились к бальным танцам.

8 июня. Купались в море. Ну и холодное же оно! Разрешили зайти ненадолго.

Устроили выставку работ наших пионеров «Артек-2000 года». После полдника играли в «снайпер». Провели последнее заседание Школы пионерского актива. Хорошо, что нам не только рассказывают, но и показывают, как надо активисту работать. Все, что сделали мы за смену, это тоже школа актива.

11 июня. Последний день. Писать ничего не хочется. Сегодня провожали наших девочек и Андрея — они из Иркутска. Какие они хорошие, как мы все здесь сдружились. Такой дружбы, наверное, нигде больше не бывает. Все ходили зареванные, даже сейчас слезы на тетрадку капают. А те, кто уезжал, все пели «Артековскую клятву» и «До свидания, «Артек».

Оксана СЕНАТОВИЧ

Последний звонок

Белые,
Красные,
Голубые,
Желтые,
Синие...
Словом, любые!
С фабрик,
Заводов,
Ферм и полей
К ребятам
Бежали —
Кто скорей!
В касках и кепках,
В косынках крылатых,
В робах брезентовых,
В белых халатах,
В комбинезонах,
В защитных очках...

Пели,
Звенели,
Сверкали в руках
Пилы,
Лопаты,
Резцы
И зубила,
Сверла,
Болты,
Топоры
И точила,
Клещи,
Паяльники,
Иглы,
Кирки,
Кельмы,
Угольники
И молотки...

— Здравствуйте, хлопцы!
— Привет, девчата!
Жизнь только начата —
Край непочатый!
Какое дело
больше с руки?
Выбирайте, выпускники!

А первоклассники
Вышли гуськом
Вслед за последним
Школьным звонком:
— ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС!
ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС!
ВЫ ПЕРЕШЛИ
В РАБОЧИЙ КЛАСС!

Перевел с украинского
А. КРЕСТИНСКИЙ.

В июле в городе Тула состоится VIII Всесоюзный финал «Зарницы», посвященный 60-летию ВЛКСМ и 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Хорошо попасть в финал, но ведь в каждом пионерском лагере играют в «Зарницу». Как проходит она у вас? Случается и так, что иногда «Зарница» проходит неинтересно, ребята просто стараются, не жалея рубашек, содрать друг у друга погоны.

Между тем «Зарница» — это игра, которая должна учить разбираться в стратегии и тактике, воспитывать смекалку, наблюдательность, сообразительность, ловкость, взаимовыручку.

Мы расскажем тебе о «Зарнице», которую провели ребята под руководством старшего лейтенанта А. Луцевича в пионерском лагере «Спутник» Башкирской АССР.

Сражение на речке Безымянке

Взгляни на карту. Неподалеку от лагеря речка Безымянка, за нею — два больших пологих холма с лощиной между ними. На берегу, где расположился лагерь, — небольшой хуторок.

«Зарницу» по плану готовились провести двадцать второго июня, но вдруг двадцатого сразу после завтрака — сигнал тревоги:

«Внимание! Внимание! Лагерь на военном положении!»

В игре участвуют два полка: «синие» и «зеленые», батальон особого назначения из старшеклассников и десант «желтых».

Погончики пришиты. Пакеты с секретными заданиями получены. Воинские обязанности распределены.

Батальон старшеклассников покидает территорию лагеря. Согласно приказу, переправляется через речку, разрушив за собой мостки, и занимает круговую оборону на высоте Круглой. На самой ее вершине развевается знамя, которое батальон особого назначения должен защитить. Кто сумеет овладеть знаменем: «синие» или «зеленые»?

В прилагерном лесочке заканчивается сосредоточение сил «зеленых». Им предстоит трудная задача: форсирование речки. Командир полка «зеленых» посылает двух бойцов к речке через хуторок. Их задача — переполошить собак в хуторе. Собаки поднимают такой лай, что можно подумать, здесь наступает целый полк.

Комполка «зеленых» надеялся, что внимание обороняющихся переключится на хутор, а «зеленые» тем временем форсируют реку. Но расчет «зеленых» не оправдался. Передовые дозоры особого батальона обнаруживают основные силы «зеленых», скрытно подтягивающиеся к переправе. Зажигаются дымовые шашки. Это сигнал: «сильный заградительный огонь — прохода нет». «Зеленые» вынуждены перегруппировать силы. Один батальон штурмует высоту напрямую, а второй обходит оборону с правого фланга.

«Синие» в это же время проводят свой отвлекающий маневр. Одна их рота переправляется через речку и движется к высоте. А основные силы полка «синих» скрытно пробираются по дну лощины — они надеются, что с высоты Круглой старшеклассникам не видно их продвижения. И действительно, разведчики особого батальона все внимание сосредоточили на роте «синих», форсирующих реку, а основных сил «синих» в лощине не заметили.

«Зеленые» развертываются в цепь и наталкиваются на оборону особого батальона. Бой идет с переменным успехом. Дозоры обороняющихся отошли от реки, стягиваются к высоте. Отбита одна атака «зеленых», другая... Они перегруппировывают силы и вновь атакуют.

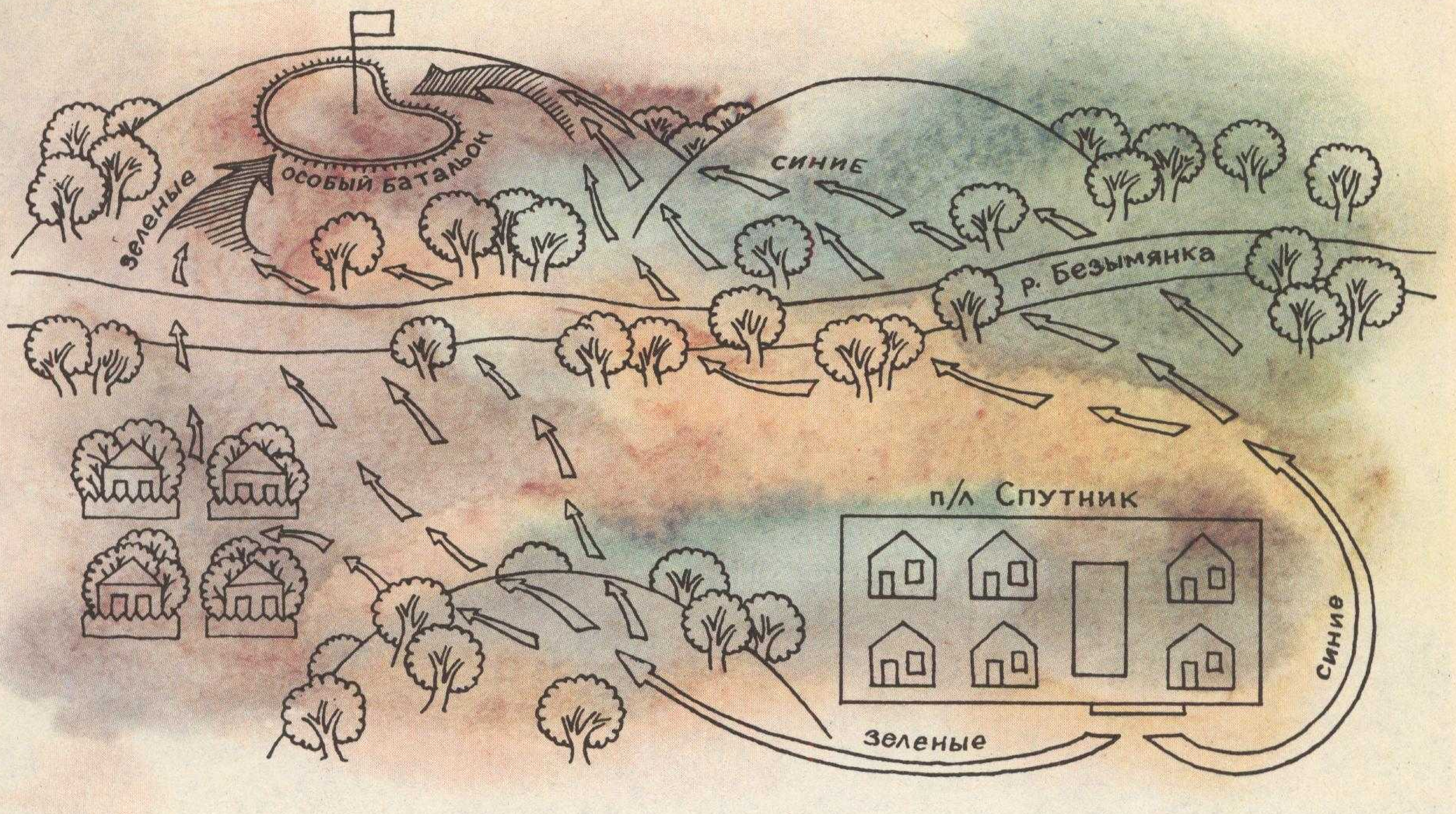
В это время связной, прибывший в штаб особого батальона, сообщает, что основная часть полка «синих» обошла высоту по лощине и готовится атаковать батальон с тыла.

Штаб особого батальона бросает последние резервы навстречу «синим». Схватка с «синими» была короткой. Бороться с полком «синих» и полком «зеленых» оказалось не под силу даже батальону старших ребят.

Точный расчет и скрытность маневра принесли успех «синим». Они захватили знамя.

Ракета в небе: «Отбой».

Общее построение. И вдруг опять ракета: «Тревога!». Объявляется начало второго этапа игры. Пока шли военные действия у высоты Круглой, октябрята — «желтые» — захватили пионерский лагерь. И победители («синие»),



и побежденные («зеленые»), и особый батальон должны вернуть захваченную территорию.

Кто из них первым проникнет в лагерь и появится на лагерной линейке, тот и будет победителем.

При этом одно условие: октябрята могут выводить из строя наступающих, а сами неуязвимы: с них нельзя срывать погончики.

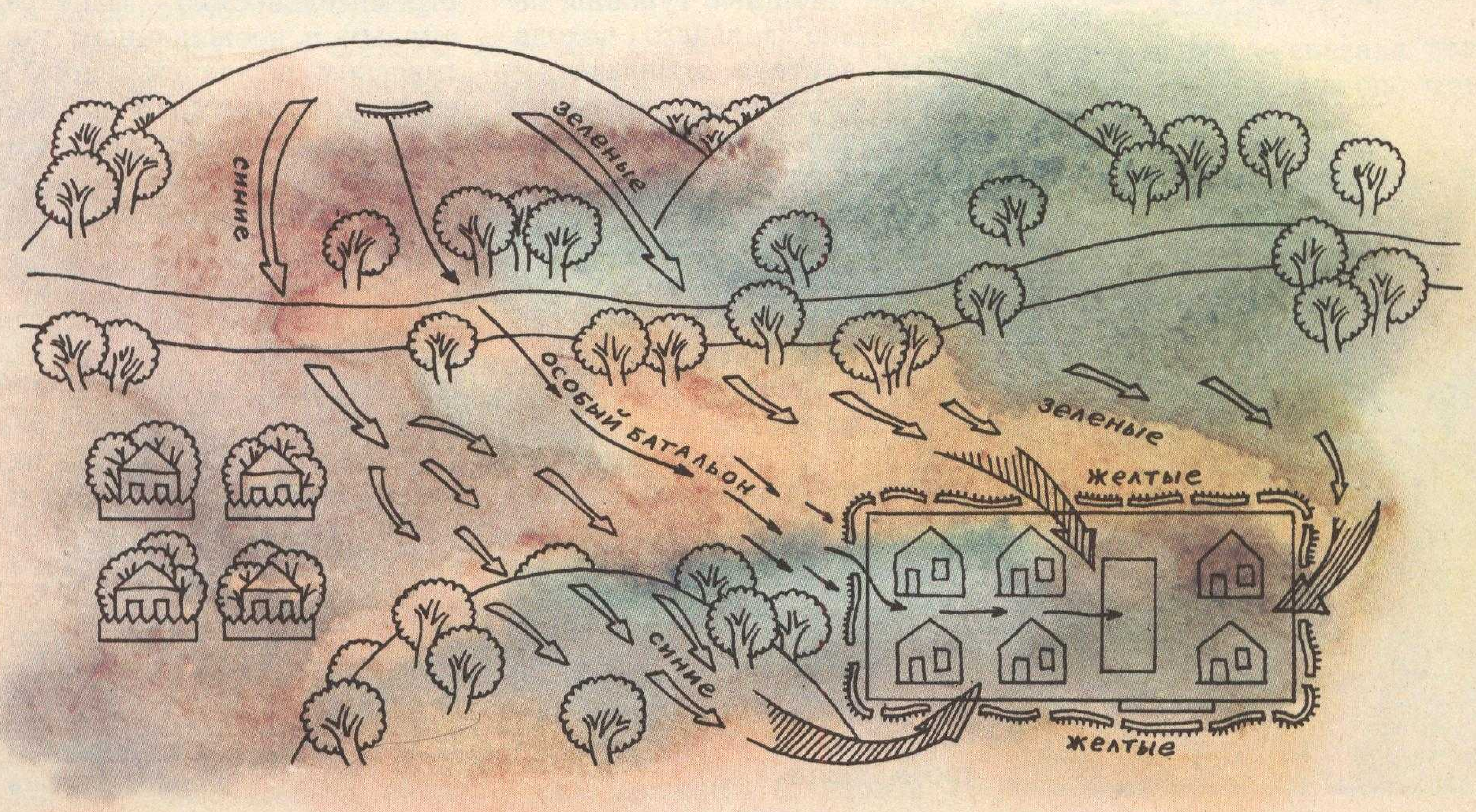
...Особый батальон подошел к переправе, которую сам же разрушил. Восстанавливать ее нет времени: справа и слева идут полки «синих» и «зеленых». Пока «синие» и «зеленые» теряют время на поиски брода, раздается приказ комбата старшеклассников: «Делай, как я!». И батальон форсирует речку вплавь вслед за своим командиром. Комбат направляет основные силы батальона на штурм лагеря, а сам с тремя товарищами находит лазейку и через несколько минут появляется на линейке.

Снова ракета. Отбой. Победил батальон особого назначения.

На линейке, где выстроились все полки и батальоны, командующий игрой старший лейтенант А. Лудевич проводит разбор операции. К знамени вызываются и получают благодарности отличившиеся сегодня бойцы.

Ребятам будет что вспомнить: и боевые эпизоды и подвиги бойцов. Такая «Зарница» не забывается.

Л. ЧУБАРОВ



ВСЕГДА НА ВАХТЕ

Давай, товарищ, поговорим с тобой о нашем Военно-Морском Флоте.

В те самые минуты, когда ты читаешь эти строки, где-то в далеких морях режут волну его корабли. Над треногими, чуть скошенными стальными мачтами вращаются, покачиваются, прощупывают пространство параболы и чаши радиолокационных антенн. Мощные турбины поют песню дальнего похода. И на карте в штурманской рубке чуть заметно движется маленькая светящаяся точка, обозначающая место корабля в Мировом океане...

Ты просыпаешься, идешь в школу, возвращаешься домой, отдыхаешь, делаешь уроки, ложишься спать. Флот наш не знает отдыха — он всегда на вахте.

В боевых рубках ракетных крейсеров, в отсеках атомных субмарин склонились над приборами, пультами, экранами матросы, старшины, офицеры. Может быть, и даже очень вероятно, что среди них есть и те, кто еще несколько лет назад гонял шайбу в твоем дворе.

Сейчас страна вручила морякам самую сложную, самую современную боевую технику — все лучшее, что изобрели наши ученые, что создали наши инженеры и рабочие, — и возложила ответственность за безопасность Советской Родины, за мир во всем мире.

Точностью ракетных и торпедных залпов, четкостью и стремительностью маневра, смелым и неожиданным тактическим решением вновь и вновь подтверждают на боевых учениях советские военные моряки, что это высокое доверие Родины они оправдывают.

Кто знает, может, пройдет еще несколько лет, и, когда настанет твой срок встать под славные знамена наших доблестных Вооруженных Сил, ты тоже вступишь на палубу боевого корабля. Что ж, помни тогда, что и тебя — как сейчас всех наших военных моряков, — в самом далеком походе будет сопровождать любовь советского народа.

Т. АРКАДЬЕВ,
капитан I ранга.

ЮРИЙ ТОМИН

КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ

ПОВЕСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ, ПРИДУМАННЫХ АВТОРОМ.

Продолжение. Начало в № 4.

Рисунки **В. ДУДКИНА**

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Испытание искусством

Шел третий день пребывания Феликса в спортивном лагере.

Феликса и Бориса видели только вдвоем. Из этого можно было понять, что они большие друзья. Те, кто помнил историю с пузырями и видел нападение Феликса на Дегтярева, считали даже его главным из них двоих. Но никто проникнуть в их компанию не пытался. Парочка держалась особняком, это было видно.

Лишь один Борис замечал, как меняется Феликс. Какая-то невидимая работа шла у него внутри. Он подчинялся Борису, но уже стремился к самостоятельности. Он догадывался, что не с Бориса начинается мир и не Борисом заканчивается. Его интересовали другие ребята, особенно девочки.

Но жизненный опыт Феликса был еще слишком мал. Он не знал забавных историй, а пузыри пускать ему запретили. Он не знал, как еще заставить девочек засмеяться, а потому молча, но упорно разглядывал их за столом, забывая о еде.

На третий день девочки поняли, что Феликс их чем-то интересует. Но одно дело интересоваться, а другое, как проявлять интерес.

Девочки держали Феликса в черном теле.

— Ну что ты на меня смотришь? — сказала Феликсу девочка с косичками. — У меня даже суп в горле застрял. Ты не можешь смотреть в другую сторону?

— Могу, — ответил Феликс. — Но мне не хочется. Мне хочется смотреть на вас.

Вот в этом и заключалась странность Феликса: то, что нормальные люди обычно пытаются скрыть, он говорил прямо. Бывают, конечно, люди, которые умеют острить с серьезными лицами. Но Феликс говорил правду. Это было совершенно ясно. Нельзя сказать, что девочки были в восторге от такой прямоты. Но скажем так: противно им тоже не было.

Девочка с длинными волосами была не столь красива, как ее подруга. Поэтому жизнь приучила ее думать немного быстрее. Она первая поняла, что Феликс может выпалить и не такое. Она сообразила, что на тему, кто кому нравится, Феликсу нельзя задавать прямых вопросов. Кроме того, она первая осознала свою власть над ним.

— Ешь, — сказала она. — И не мешай нам обедать.

Феликс послушно принялся за еду. Но длилось это недолго. Молчащий Феликс тоже почему-то не устраивал девочек.

— Твой друг всегда такой молчаливый? — спросила Бориса девочка с длинными волосами. На Феликса при этом она не смотрела.

— Всегда, — коротко ответил Борис.

— Почему?

— А тебе-то что?

Девочки к грубостям не привыкли. Кроме того, они умели за себя постоять.

— Оставь ты его в покое, — сказала девочка с косичками. — Разве ты не видишь, что он из деревни.

— А ты прямо из Москвы? — огрызнулся Борис.

Он понимал, что лучше бы промолчать. Но ведь и у кулеминцев есть свое самолюбие. Кроме того, Борис невзлюбил девочек с самого начала за то, что они прямо-таки излучали спортивное мастерство.

— Мы не из Москвы, — небрежно ответили Борису, — в Москву мы поедем только в июле, на первенство СССР.

— Смотри, не займи случайно первое место, — съехидничал Борис.

— Первое не занять, — сообщили Борису с таким смирением, что ему захотелось слегка врезать девочке ногой по ее спортивной коленке. — Разве что третье, в крайнем случае второе...

Девочки не знали, чем озабочен Борис. С первой встречи за столом он показался им

угрюмым и молчаливым. Такие ребята девочек не интересовали.

— Пойдем, Тома, — сказала девочка с косичками. — Вообще-то, не плохо было бы пересесть за другой столик... Как ты думаешь?

— Можно пересесть... — согласилась подруга, растягивая слова и давая тем самым время Феликсу осознать их ужасный смысл.

Феликс осознал.

— Не нужно пересаживаться, — с испугом сказал Феликс.

Испуг был отмечен не без удовольствия. Девочки и не ожидали столь быстрой победы. Впрочем, для чего нужна им эта победа, они и сами не знали. Просто так, победа ради победы. А ведь девочки рисковали: даже очень спортивным девочкам не разрешают пересаживаться без причины. Что, если бы их не попросили остаться?

Но девочкам и этого показалось мало. Им хотелось еще и прищемить нос Борису. Сам по себе Борис был нужен им не больше, чем стул, на котором он сидел. Но девочки привыкли быть первыми на финише любого забега.

— Можно и не пересаживаться... — согласилась девочка с длинными волосами. — Но мы боимся, что надоели твоему другу, — добавила Тома. — Верно, Ира?

— Да, — подтвердила Ира. — Я просто ужасно его боюсь.

Девочки хорошо понимали друг друга. Не сговариваясь, они разыгрывали спектакль на тему «укрощение нахала». Феликс принимал все за чистую монету.

— Девочки не могут надоесть, — твердо сказал Феликс. — Девочки лучше всех.

— Даже лучше твоего друга?

— Моего друга? — Феликс заколебался. — Я не знаю... Боря, наверное, знает. Боря, они лучше тебя?

Борису уступать не хотелось. Но он понимал, что спектакль этот можно прекратить только одним способом: выдать девочкам то, чего они добивались.

— Они лучше, — сказал Борис. — Они умнее. Они даже толще.

Девочки остались довольны. Им не понравилось замечание о толщине. Но Феликс со своим стремлением к справедливости тут же объяснил Борису, что девочки толще, если их взять вместе; по отдельности они намного тоньше Бориса.

На этом девочки успокоились. Они удалились вполне довольные. Борис набросился на Феликса.

— Я тебе разве говорил, что девочки лучше всех?

— Ты не говорил. Я сам так думаю. Ты мне утром говорил: думай больше сам. Я стал думать и увидел, что понимаю больше, чем ты мне рассказываешь.

— Думай, что хочешь. Не обязательно вслух говорить. Они надо мной смеются, а ты им поддакиваешь.

— Они не смеялись, они даже не улыбались.

— Не обязательно когда смеются, рот разевают. Можно говорить одно, а думать другое.

— А что они думали, когда говорили? — спросил Феликс.

— Это ты пойди у них спроси.

— Сейчас пойду, — Феликс охотно поднялся со стула, но Борис дернул его за руку.

— Сядь! Когда я говорил «пойди спроси», я вовсе не хотел, чтобы ты пошел и спросил. Я хотел сказать, что не знаю, о чем они думали.

— Почему ты тогда так не сказал?

— Я тебе уже объяснял: не всегда говорят то, что думают.

— А что важнее? — спросил Феликс.

Борис задумался. Вопрос, заданный Феликсом, был не так уж и глуп. Сам Борис перед собой никогда таких вопросов не ставил.

— Наверное, важнее, что думают... — неуверенно сказал Борис. — Но говорить все нельзя. Если все будут знать, что думают другие, то... — Борис остановился. Феликс ждал. — То... просто жуть какая-то получается! Тогда ни с одним дураком нельзя разговаривать! Придется говорить ему, что он дурак!

— А зачем с ним разговаривать?

— Тоже верно... — засомневался Борис. — Как будто незачем. Слушай, Феликс, у тебя нет вопросов полегче?

— Пока нет, — сказал Феликс. — Но теперь я понимаю: девочкам ты говорил не то, что думал. Ты не считаешь, что они умнее, лучше и толще.

— А они меня совсем не боятся, хотя говорили...

— Все это непонятно, — сказал Феликс. — Но я буду думать и скоро пойму. Я всегда говорю то, что думаю. Мне надо знать, хорошо это или плохо.

— Когда узнаешь, скажи мне, — усмехнулся Борис. — Будет просто здорово, если ты разберешься в этом деле.

После обеда Феликс исчез.

Борис оставил его на несколько минут. Он побежал к почтовому ящику опустить письмо для Алексея Палыча. Когда он вернулся, Феликса не было.

Борис обегал весь лагерь: футбольная площадка — там играли, но без Феликса; стадион — пусто; баскетбольная и городошная площадки — кто угодно, кроме Феликса; спальня, столовая, гимнастический городок — безрезультатно...

Борис уже подумал, что Феликса «отозвали», и ему вдруг стало не по себе. Пока Феликс маячил рядом, все время приходилось быть настороже и ждать неприятностей. Но вот его не стало, и что-то ушло вместе с ним. Может быть, так казалось, потому что в жизни Бориса еще не было человека, которого можно назвать другом.

Борис начал второй круг поисков...

А с Феликсом ничего страшного не случилось. Его увела библиотекарша Лилия Никола-

евна, или просто Лиля. Сегодня утром в столовой она объявила, что после обеда в клубе состоится сбор желающих участвовать в самодеятельности. Но погода стояла прекрасная, каникулы только что начались, и ни у кого не было желания что-то разучивать. Научились уже за зиму до тошноты.

Никто не пришел. Заведующий клубом нервничал. С утра он находился в творческом настроении — ему хотелось творить искусство немедленно. Он послал Лилю на поиски артистов. Лиля старалась, но ей не удалось никого завербовать, кроме Феликса. Феликс согласился сразу. Он не все понял в словах Лили, но там было слово «игра».

Заведующего клубом звали Марком Морковкиным. Так, во всяком случае, его звала мама. В мире искусства он носил другое, более звучное имя Вениамин Вениаминов, а для друзей просто Вен-Вен. В кулеминском Дворце культуры он руководил вокально-инструментальным самодеятельным ансамблем, исполнявшим зна-

— Слушай внимательно,— сказал Вен-Вен,— а ты, Лиля, попробуй представить себя на месте героев...

менитую песню: «Я иду к тебе, бе-бе-бе, бе-бе-бе...» Музыку и слова этой песни сочинил сам Вен-Вен, из чего можно понять, что он был композитором и поэтом.

Но слава у него была, так сказать, вечерняя. Те, кто ходил на концерты его ансамбля, мечтали хоть раз пожать ему руку. «Дневные» кулеминцы его не знали. А он мечтал о другой славе: создать театр, пусть какой-нибудь плохонький, например, детский.

Он прочитал несколько детских книг и пьес. Они показались слишком простыми. Впечатление было такое, будто их написали люди с детскими мозгами: что, значит, видят, о том, значит, и пишут. Это показалось несовременным. Вен-Вен не мальчик, он знал: в современной пьесе смысл нужно прятать глубоко, чтобы ни один зритель не мог до него донырнуть с первой попытки. Если, например, на сцене появляется заяц и говорит о том, что ему снился волк, то это означает, что зайцу хотелось бы стать медведем.

Вен-Вен сам написал пьесу, с помощью которой собирался перевернуть детский театр. Вен-Вен не догадывался, что совершает обычную ошибку обычных начинающих гениев — первым делом они стараются что-нибудь перевернуть. Весь мир кажется им стоящим «не так». При этом они не замечают, что это происходит оттого, что они сами пока еще стоят вверх ногами.

Пьесу Вен-Вен написал легко, за три недели. Ему не терпелось ее поставить. Но на лето кулеминский зритель разъезжался по лагерям, и Вен-Вен отправился в погоню за зрителем.

— И все? — спросил Вен-Вен, когда в зрительном зале появились Лиля и Феликс.

— А что я могу сделать? — виновато сказала Лиля. — Они не хотят. Не могу я каждого тащить за руку.

— Запомни, Лиля, — строго заметил Вен-Вен, — в искусство никого не тащат за шиворот. Это моя ошибка — не нужно было ехать в спортивный лагерь. В обычном от желающих отбоя бы не было. Но здесь единственная сцена: под крышей...

Вен-Вен скептически оглядел Феликса. Перед ним стоял длинноногий мальчишка в джинсовом костюме. Правда, смотрел он на Вен-Вена с почтением, и это понравилось.

— Подойди ко мне, — промолвил Вен-Вен.

Феликс подошел и остановился у эстрады, глядя снизу вверх на Вен-Вена и соображая, чем будет с ним заниматься этот тренер.

— Ты когда-нибудь играл?

— Играл, — сказал Феликс. — А ты?

— Кого ты мне привела, несчастная? — спросил Вен-Вен, не глядя на Лилю.

Лиля всполошилась. Она подбежала к Феликсу и дернула его за руку.

— Мальчик, ты разве забыл, что взрослых зовут на «вы»?

— Я не знал, что он взрослый, — сказал Феликс. — Я буду говорить «вы».

Вен-Вену было двадцать три года, выглядел он моложе, что было слегка обидно.

— Вон, — сказал Вен-Вен, не повышая голоса.

Феликсу это слово было уже знакомо. Молча направился он к двери. Покорность его понравилась режиссеру.

— Стой, — приказал Вен-Вен. — Подойди сюда.

Феликс опять подошел к эстраде.

— Кого ты играл?

Феликс не знал, что на свете существует театр. Для него играть можно было не «кого», а «во что». Не знал он и о существовании падежей. Но из практики Феликс уже понял, что в разговоре одно слово подчиняется другому.

— Я играл футбола, — сказал Феликс, стараясь говорить так же неправильно, как и Вен-Вен.

— Юмор? — спросил Вен-Вен, покачиваясь с носков на пятки и обратно. — Юмор — это хорошо. Сейчас ты увидишь юмор. Поднимайся сюда, бери вон тот стул, садись и слушай. Лиля, ты тоже перебирайся поближе.

Феликс послушно выполнил указание режиссера. Вен-Вен достал из заднего кармана джинсов свернутую в трубочку тетрадь, уселся и сказал Феликсу:

— Слушай внимательно. Реплики потом. Я прочту небольшой отрывок, а ты попробуй представить себя на месте героев. О чем они думают? Чего они хотят? Больше пока от тебя ничего не требуется. Лиля, ты тоже постарайся реагировать.

— Я слушаю, Вен-Вен, — отозвалась Лиля и покорно замерла рядом с Феликсом.

Лиле исполнилось восемнадцать лет. Самым крупным артистом, которого она видела не по телевизору, был Вен-Вен. Она была влюблена.

— Итак, — сказал Вен-Вен, — в отрывке этом действуют только три персонажа. Как их зовут и все остальное будет ясно из самого текста.

И Вен-Вен, положив ногу на ногу, начал читать.

«Небольшой современный двор большого современного дома в четырнадцать этажей. Действие происходит по вертикали. Откуда-то доносится музыка. Возможно, играют «Болеро» Равеля. Возможно, нет. Но скорее всего «Болеро». Да, кажется, «Болеро». Теперь уже явственно слышится «Болеро». Оно самое.

КОЛЯ ЗВЕЗДОЧКИН (высовываясь из окна тринадцатого этажа). Эй, кто там есть?

ОЛЯ МАМОЧКИНА (из окна второго этажа). Птицы, птицы, не пролетайте мимо.

ПОЛЯ ЧЕЧЕТКИНА (в лифте, поет). Та-ра-рира-ра, та-ра-ри-ра...

КОЛЯ ЗВЕЗДОЧКИН. Неужели там нет никого?

ОЛЯ МАМОЧКИНА. Звездочка, звездочка, не прячься за горизонт.

Поля уже на первом этаже. Молча выходит из лифта. В руках у нее коньки.

КОЛЯ ЗВЕЗДОЧКИН. Значит, никого нет.

Значит, мне опять показалось (прыгает вниз с подоконника)».

Вен-Вен остановился и пытливо оглядел слушателей.

— Ну? — спросил он.

Феликс молчал. Лиля слегка покраснела. Ей очень хотелось сказать приятное автору, но она не знала, что именно нужно хвалить.

— Настроение в сцене есть?

— Есть! — обрадовалась Лиля подсказке. — Настроения просто много. Очень!

— Тут все дело в настроении, — сказал Вен-Вен. — Ведь почему Оля обращается к птицам?

— Она хочет их покормить, — догадалась Лиля.

— Это дело десятое, — нахмурился Вен-Вен. — Можно кормить, а можно и нет. Может вообще не быть никаких птиц. У Оли трагедия в семье. У нее ушел папа. А потом от нее ушла мама. Осталась одна бабушка, да и та глухая. Оля дико одинока, ей не с кем поговорить. Это же совершенно ясно из текста. Она дошла до отчаяния, она готова разговаривать с кем угодно, хоть с птицами, хоть со звездой. Вот в чем смысл ее обращения к птицам.

— А куда ушли папа и мама? — спросила Лиля.

— Это дело десятое, — сказал Вен-Вен уже с легким раздражением. — Ну, пускай в кино. Какая разница? Важно, что они, все эти ребята, дико одиноки. Их разделяют этажи современных построек. Они ищут друг друга и не могут найти. Это мир без друзей. Коля хочет поделиться с кем-нибудь своей радостью — он сегодня получил три пятерки. Но и он зверски одинок. Его никто не слышит: каждый уединился в своей квартире. Вот в чем смысл. Даже веселая Поля... Она только хочет казаться веселой. На самом деле ей жутко тоскливо. Она поет, чтобы скрыть свою тоску. Но при этом все трое — мужественные ребята. Они переваривают свою боль в себе. Они глубоко чувствуют, но скупы на слова. Разве это непонятно? Впрочем, если есть замечания, я с удовольствием выслушаю.

— Замечаний у меня нет, — сказала Лиля.

— Нет, ты уж давай, — настаивал Вен-Вен. — Не может быть, чтобы все было так уж гладко. Я, понимаешь, пока не Шекспир.

— Один маленький вопрос... — решилась Лиля.

— Ради бога, хоть десять.

— Окна у всех открыты... Значит, это весна или лето?

— Конец весны. Уже тепло, но еще учатся. Не забывай о том, что Коля получил три пятерки.

— Почему же тогда коньки?

— Это абсолютно ясно. Поля занимается фигурным катанием на искусственном льду. Она не просто несет коньки. Она несет их так... Ну, это, конечно, надо сыграть... Она несет их так, что зрителям становится абсолютно понятно, что ее только вчера исключили из секции. Она идет, не нужная никому, с ненужными ей коньками. Но она поет. В этом ее трагедия. Впрочем, это абсолютно ясно из текста.

— Теперь все понятно, Вен-Вен. Только мне жалко Колю.

— Мне тоже жалко, — вздохнул Вен-Вен. — Но в этом его трагедия.

— А ты не можешь написать так, чтобы он не разбился?

— Кто тебе сказал, что он разбился? — нахмурился Вен-Вен.

— Но ведь он спрыгнул с тринадцатого этажа, — робко заметила Лиля.

— Дура, — сказал Вен-Вен. — Он не во двор спрыгнул, а в комнату. В пу-ст-у-ю комнату! В этом его трагедия.

Феликс молчал. Он уже понял, что эта игра не для него.

— Ну, а ты что понял? — обратился к нему Вен-Вен. — Кто тебе больше понравился?

— Оля, — сказал Феликс.

— Почему?

— Она меньше говорит.

Вен-Вен понял Феликса по-своему.

— Где-то ты прав, старик, — сказал он. — Чем меньше слов, тем труднее сыграть характер. Тут все, понимаешь, держится на настроении. Но для Оли мы подыщем настоящую девочку. А как тебе понравились остальные ребята?

— Никак.

— Это почему же? — с недоумением спросил Вен-Вен.

— Они говорят не то, что думают.

— Но, старик, — сказал Вен-Вен со средним раздражением, — так и должно быть. Ты представь себе, что живешь в таком же доме. Вы все жутко одиноки, вы стремитесь друг к другу. Но вас разделяют этажи. Неужели ты пойдешь на чужой этаж, постучишь в чужую дверь и скажешь: «приходите ко мне»?

— Пойду, — ответил Феликс. — А если меня исключат из секции, я не буду петь «та-ра-ри-ра-ра».

— Вон! — сказал Вен-Вен.

К тому времени, когда так неудачно закончилась для Феликса репетиция, Борис обходил лагерь уже в третий раз — обходил без всякой надежды. В клуб он так и не заглянул, да Феликса там уже и не было. Борис был растерян: он не знал, что делать, что сказать Алексею Палычу и что вообще теперь будет. Борис мысленно перебрал все происшедшее за последние дни и вины своей не нашел; он ничего не сделал такого, чтобы Феликса «отозвали». И все же Борис чувствовал, что Феликса ему не хватает.

А Феликс стоял уже там, где его оставили, и когда Борис увидел его, он обрадовался так, что даже разозлился.

— Где ты был, чучело космическое? — крикнул Борис, налетая на Феликса. — Я весь лагерь обыскал три раза!

— Там, — сказал Феликс, показывая в сто-

рону клуба. — Меня девочка Лиля позвала играть. Я думал, что мы будем играть. Но она сказала неправду. Там был тренер Вен-Вен. Сначала он читал, потом рассказывал. Девочка Лиля говорила, что все понимает, но я видел, что она ничего не понимает. Я еще меньше понимал. Боря, если девочка Оля говорит: «Птицы, птицы, не пролетайте мимо...», то почему это значит, что она хочет пойти к мальчику Коле?

Борис понял меньше даже, чем Феликс. Пьеса Вен-Вена в пересказе Феликса яснее не стала.

— Тебе голову не напекло? — спросил Борис, слегка встревожившись. — Какая Лиля? Какая Оля? При чем тут птицы? Что ты несешь?

— Лиля настоящая. И тренер Вен-Вен настоящий, а Оля и Коля — на бумаге. Вен-Вен много про них рассказывал, но на бумаге было совсем другое.

Борис вспомнил, что утром в столовой какая-то девушка объявляла о репетиции.

— Ты был на репетиции! — сообразил он. — Морковкин читал вам сценку и хотел, чтобы ее разыграли. Запомни: играть можно не только в футбол. Играть можно на гитаре или на сцене. Все это называется «играть». Морковкин не тренер, а культурник. Он здорово играет на барабане.

— Он меня выгнал, — сказал Феликс без всякой обиды. — Сначала он назвал меня стариком, а потом выгнал. Боря, разве я старик?

— Он назвал тебя стариком потому, что ты ему понравился.

— Тогда почему он меня выгнал?

— Наверное, ты что-то не так сказал. Ты ему не нагрубил?

— Нет. Я один раз назвал его на «ты», ему не понравилось.

— Ну и дурак, — сказал Борис, тут же спохватился, но слово уже вылетело. — Пора знать, что взрослых называют на «вы».

— Я давно знаю. Но я не думал, что он взрослый. Боря, почему ты...

— Хватит спрашивать, — прервал его Борис. — Я ничего не могу объяснить тебе про репетицию, если сам не видел.

На этот раз Феликс не послушался.

— Я не буду спрашивать про репетицию. Я хочу тебя спросить про другое. Ты мне все рассказываешь, объясняешь слова. Ты все время ходишь со мной. Почему другие ребята со мной не ходят и ничего не объясняют? Почему только ты один?

— Потому что я твой друг, — ответил Борис, радуясь тому, что Феликс не обратил внимание на «дурака».

— А у человека бывает только один друг?

— Бывает и ни одного.

— А два друга бывает?

— Бывает и пять.

— Тогда почему у меня не пять?

Это был один из тех вопросов, на которые невозможно ответить. Борис не смог бы объяснить, почему у него до сих пор и одного друга среди ровесников не было. На такие вопросы обычно отвечают: «Спроси сам себя». Но это тоже не ответ, а отговорка. Тем более нельзя было так ответить Феликсу. Он жил на Земле всего несколько дней. Ему не объяснишь, что друзей приобретают всю жизнь, а теряют за считанные секунды.

— Не знаю, почему у тебя не пять, — ответил Борис. — Просто так получается.

— А почему у тебя не пять?

— Мне больше никто не нравится. Кроме тебя, конечно.

— Теперь понятно, — сказал Феликс. — Мне понятно про тебя, но непонятно про меня. Мне нравятся все ребята.

— Даже Дегтярев?

— Дегтярев мне не нравится. Если я его увижу, то опять за тебя заступлюсь.

— Лучше не надо, — сказал Борис. — Он сейчас ни к кому не лезет. Кончил свои вопросы?

— У меня есть еще один.

Борис вздохнул. Феликс задавал вопросы о вещах, над которыми Борис никогда не задумывался. Но лучше было все же ответить самому, чем ждать, пока Феликс начнет спрашивать кого-нибудь другого.

— Давай. Только последний. Сегодня ты меня больше ни о чем не спрашиваешь. Договорились?

— Больше не буду, — согласился Феликс. — Мне непонятно... Ты назвал меня «чучело космическое»...

— Это была шутка.

— Ты назвал меня «дурак»...

— Тоже шутка.

— А Вен-Вен назвал меня «старик». Кто же я на самом деле?

— Я тебе объяснил: «стариком» называют человека, когда он нравится. А «чучело» и «дурак» — это шутливые слова.

— Нет, — твердо сказал Феликс, — это не шутка. Я уже знаю: шутка — это когда смешно. Ты не смеялся, а сердился. Это плохие слова.

— Вот чу... — сказал Борис, но вовремя остановился. — Вообще-то ты прав. Слова не совсем хорошие. Если тебе их скажет кто-то другой, то можно обидеться. Но если тебе говорит друг, то у них получается совсем другой смысл. Я могу назвать тебя дураком или свиньей. И ты не должен на меня обижаться. Это все говорится по-дружески. Понимаешь? Это все вроде «старика».

— Теперь понимаю, старик, — сказал Феликс.

— Вот и хорошо. А сейчас пойдем сыграем в футбол.

— Пойдем, дурак! — обрадовался Феликс. — Я уже давно не играл в футбол, свинья.

Борис вздрогнул, и Феликс это заметил.

— Это я только тебе, чучело, — пояснил он. — Другому я никому не скажу.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ
Начало конца

В это воскресенье в лагере был выходной день — никаких занятий.

Неподалеку от лагеря протекала речка Кулемка, но купаться в ней запрещалось. Виновные немедленно изгонялись из лагеря.

Обнаружить виновных было предельно просто: они окрашивались в синий, зеленый или красный цвета. Эта окраска за один раз не смывалась даже под горячим душем. Таково было свойство речки Кулемки. Свойство не природное, оно появилось не так давно.

Речка Кулемка имела синие, зеленые и красные дни. Все зависело от того, какую продукцию в этот день выпускала фабрика игрушек. Если делали пушки, танки и самосвалы, то из красильного цеха в речку лилась зеленая струя. Когда «нажимали» на флажки, мячики и матрешки, то струя приобретала праздничный красный цвет. Если же не выпускали ничего, то струя становилась почему-то синей и оставалась такой от вечера пятницы до утра понедельника.

Сегодня был синий день.

Лагерь предусмотрительно построили на берегу чистого лесного озера, ходить к речке не разрешалось, да и не было в этом никакой нужды. Но почему-то все же находились любители окунуться в запретные воды. За все годы существования лагеря из него были выдворены восемь синих, два красных и один зеленый — все мальчики.

Сегодня разрешили купаться в озере около лагеря. Пока первая смена барахталась в воде, Борис и Феликс наблюдали за ними с берега. Феликс смотрел с завистью. Он вообще не мог смотреть равнодушно, если собиралась группа ребят и они что-то делали вместе.

— А когда мы будем купаться? — спросил Феликс.

— Не наша смена, — сказал Борис.

Вторая смена залезла в воду. Веселья и шуму было не меньше, чем в первой.

— Опять не наша смена? — спросил он.

— Опять, — ответил Борис. — Ты же видишь, что я не купаюсь.

На этот раз Борис соврал. Смена была их с

— Читай,— приказала Тома, подавая Феликсу раскрытую книгу. Феликс послушно прочел небольшой кусок.

Феликсом. Борис не хотел, чтобы Феликс пошел купаться. Попробуй уследи за ним в такой толчее. Его могли схватить за ноги и опрокинуть, могли окунуть головой в воду и держать там, пока он не начнет задыхаться (популярная шутка под названием «огурец»). Да мало ли что мог выкинуть и сам Феликс в этой новой для него стихии.

Наконец и третья смена, отшумев, вылезла из воды.

— Опять не наша? — спросил Феликс.

— Не наша, — вздохнул Борис.

— А больше смен нет.

— Мы будем купаться завтра.

Но Феликс был уже не тот Феликс.

— Боря, ты меня обманул, — сказал он. — Купались все. Только мы не купались. Зачем ты меня обманул?

— Я за тебя боялся. Ты мог утонуть. Я тебя обманул, чтобы с тобой не случилось ничего плохого.

— Это я уже знаю — сделать плохо, чтобы стало хорошо. Но мне совсем не хорошо. Ты хотел для меня сделать плохо и сделал? Почему?

— Потому, что я твой друг, — пробубнил Борис.

— Значит, у них друзей нет? — Феликс показал на остальных ребят. — Они все купались, их никто не обманывал.

— Далось тебе это купание! — сказал Борис. — Я вот не купался, и мне ничего.

— Тебе ничего, а мне чего, — возразил Феликс. — Разве я хуже их?

— Ты не хуже.

— Тогда я сейчас пойду купаться.

— Одному нельзя. Тебя сразу заметят, и тебе попадет.

— Пускай попадет, — заупрямился Феликс. — Мне попадет, но зато мне объяснят, почему я один не купался.

— Я тоже могу объяснить, но долго рассказывать.

— Я могу слушать долго.

— Ты все равно не поймешь.

— Не глупее тебя, — ответил Феликс. — Я хочу знать, почему только ты один отвечаешь на мои вопросы? Я хочу знать, кто отвечает на вопросы других ребят? Я хочу знать, почему я не пойму то, что ты понимаешь? Разве я не такой, как ты?

Вот такой небольшой мешок вопросов высыпался на голову Бориса.

Но Борис уже знал и прием, с помощью которого можно выйти из положения. На время, конечно, потому что Феликс ничего не забывал. Его можно отвлечь, как отвлекают маленьких детей. Опыта в воспитании детей Борис не имел. Но за последнее время кое-чему научился.

— Ладно, — сказал Борис, — пойдем, будешь купаться.

Феликс захлопнул рот, из которого уже показался кончик следующего вопроса.

Борис повел Феликса на дальний конец озера. Там деревья и кусты подступали к самой воде, берег довольно круто спускался в озеро. Место для купания неудобное — для обычного купания. Для тайного — лучше не придумаешь.

Небольшая полянка оказалась занятой. Неподалеку от воды на синем костюме чистой шерсти лежала Тома с книжкой в руках. Костюм подруги валялся рядом, но самой ее не было видно.

— Привет, — сказала Тома, не отрываясь от книги.

Они уже виделись за завтраком, но Феликс поздоровался еще раз.

— Пойдем отсюда, — сказал Борис.

Еще минуту назад, заслышав шаги, Тома хотела, чтобы ребята прошли стороной. Но Тома не привыкла к тому, чтобы знакомые мальчики поступали так, как им вздумается. Чтобы уйти спокойно, Борису нужно было захотеть остаться. Он же захотел уйти, и сделать это теперь оказалось не так просто.

Тома отложила книжку и села. Она не торопилась: сначала откинула назад волосы, потом перетянула их лентой, затем сказала:

— Мальчики, не уходите, мне скучно.

Феликс все сделал так, как ему полагалось.

— Мы не уйдем, если ты не хочешь, — сказал Феликс. — Ты мне нравишься.

Это было уже чуть больше, чем полагалось. Знакомые мальчики никогда не говорили о таких вещах прямо. Они чаще говорили совсем противоположное. Один мальчик говорил только противоположное. Именно он и ходил за ней как привязанный.

Тома сделала вид, что последней фразы она не слышала.

— Хорошая сегодня погода, — сказала она.

Феликс согласился.

— Но немного жарко, — добавила Тома.

Феликс согласился и с этим.

Борис мрачно молчал, постукивая носком ботинка о землю. Если бы у него были копыта, то вокруг него давно образовалась бы яма.

— Феликс, пойдем купаться, — сказал Борис, упирая на последнее слово.

Феликс взглянул на Тому. Она отрицательно покачала головой.

— Сегодня слишком прохладно...

— Слишком прохладно, — повторил Феликс.

— Феликс не хочет купаться, — сказала Тома голосом влюбленной змеи.

— Не хочу, — подтвердил Феликс.

Борис начал злиться. Столько сил он потратил на воспитание Феликса, но стоило девчонке шевельнуть пальцем — и все полетело к чертям.

— Ты можешь оставаться, а я пойду, — сказал Борис.

— Видишь, Феликс, тебе разрешили остаться, — иронически заметила Тома. — Но, может быть, ты не хочешь оставаться?

— Я хочу остаться.

Тома вздохнула.

— Нет, уж лучше иди. Мне, конечно, будет скучно, но я привыкла, — сказала Тома таким

голосом, будто ее собирались оставить одну в пустыне Сахаре.

Однако тут Тома слегка промахнулась. Она понимала, что власть ее над этим мальчишкой велика. Но она не знала, что каждое ее слово равносильно приказу.

— Хорошо, я уйду, — покорно и грустно сказал Феликс.

Борис улыбнулся. Он взял Феликса за руку и повел прочь. За спиной Бориса Тома увидела известную фигуру, сложенную из трех пальцев. Вот это уже было ошибкой Бориса.

— Феликс, вернись, пожалуйста, — сказала Тома. — Я не хочу, чтобы ты уходил.

Феликс вырвался из рук Бориса и подбежал к Томе.

Тома показала Борису то же самое, только на двух руках.

Борис сплюнул, удалился за ближайший куст и улегся там. Как ни злился он на Феликса, оставить его одного он не решился.

Тома опять победила. Теперь она не знала, что делать дальше.

— Ну, садись, — сказала она. — Ты читал эту книгу?

— Не читал, — ответил Феликс, даже не взглянув на обложку.

— Откуда ты знаешь?

— Я никаких книг не читал. Это интересно — читать книги?

Тома с подозрением взглянула на Феликса. Может быть, этот мальчишка не так и прост, как кажется.

— Ты откуда приехал? — спросила Тома.

— Я не приехал, а пришел. Из лаборатории.

— Ага, понятно, — сказала Тома. — Ты из инкубатора. Ты вылупился из яйца. Вас там было много таких цыпляточек. И никого не учили читать.

— Цыпляточек не было. А читать я умею.

Тома никак не могла понять, шутит Феликс или говорит серьезно. Если шутит, то не смешно. Если серьезно, то странно.

— Как же ты умеешь читать, если не читал книг? Или ты читал только учебники?

— Учебников я тоже не читал.

Если бы Феликс не выглядел таким честным, Томе давно бы надоел этот разговор. Глупо было врать так неумно. Но совсем другое дело, если Феликс не врет. Да и вообще он очень-очень отличался от остальных. Тома это чувствовала. А девочки, когда чувствуют, ошибаются редко.

— Читай, — приказала Тома, подавая Феликсу раскрытую книгу.

Феликс послушно взял книгу и прочел небольшой кусок.

— Ира! — крикнула Тома. — Иди скорей сюда!

— У меня окунь сорвался *, — отозвались с берега.

— Иди, говорю, не пожалеешь.

Из прибрежных кустов выбралась Ира.

— А-а-а, — сказала она, — кого я вижу!

— Меня и Тому, — объяснил Феликс.

Ира засмеялась.

— Тебя и Тому, — сказала она. — Тому и тебя. Тебя с Томой, а Тому с тобой. Колоссально! Тома, я тебя поздравляю...

— Читай, — снова приказали Феликсу.

Феликс не заставил себя упрашивать.

— Колоссально! — сказала Ира. — Мы не знали, что рядом с нами живет гений.

— Он не просто гений, — сказала Тома. — Он Маугли. Его вскормили волчьим молоком. Он в детстве рос вместе с волчатами и не прочел ни одной книги. А теперь он встретил прекрасную девушку.

Книга, которую Феликс держал вверх ногами, и была «Маугли».

— А эта девушка ты! — воскликнула Ира, пока еще в шутку.

— Он сказал, что я ему нравлюсь.

— Правда? — спросила Феликса Ира.

— Правда, — ответил Феликс. — Я всегда говорю правду.

— А я тебе нравлюсь?

— Нравишься.

— А кто больше — я или Тома?

Феликс задумался, переводя взгляд с одной девочки на другую. Борис за кустом прекрасно слышал весь разговор. Он не торопился на выручку Феликсу. Он ждал той минуты, когда выручка потребуется девочкам.

— Вы мне нравитесь одинаково, — сказал Феликс.

Ни Иру, ни Тому это почему-то не устроило. Конечно, они были подругами, но всякой дружбе наступает предел, когда друзей начинают сравнивать.

— Так не бывает, — сказала Ира. — Одна обязательно должна нравиться больше.

— И эта «одна» — ты, — сказала Тома.

— Не обязательно. Но и не обязательно ты, хотя я уверена, что ты, — сказала Ира все еще в шутку.

— Феликс, — сказала Тома, — посмотри на нас внимательно. Мы ведь не одинаковые?

— Не одинаковые.

— Значит, кто-то из нас лучше, а кто-то хуже. Если ты не можешь сказать, кто лучше, то скажи, кто хуже. Мне кажется, что я.

Напрасно Тома была так в себе уверена. Она получила вовсе не такой ответ, какого ждала.

— Правильно.

— Вот как! Это почему же?

— Ты говоришь не то, что думаешь. Ты не думаешь, что ты хуже.

Тома слегка покраснела. Но при ярком солнце этого не было заметно. Ира засмеялась. Она была красивей Томы и знала об этом. Но Феликса, как видно, мало интересовала внешняя человеческая красота. Людей он оценивал по другим качествам.

— А ты тоже хуже, — сказал Феликс Ире.

---

* Окунь — такая свежезамороженная рыба; иногда встречается в живом виде, но до сих пор не установлено, как она размораживается.

Феликс и не думал грубить. Просто ему хотелось, чтобы девочки, которые ему очень нравились, не имели никаких недостатков. У нас, обитателей Земли, это называется дружеской критикой.

Ира перестала смеяться.

— Интересно... — сказала она. — Что значит тоже?

— Ты думаешь, что нравишься мне больше, а говоришь, что мне больше нравится Тома.

— Да откуда ты взял, что тебе кто-то хочет понравиться?

— Я думал, — сказал Феликс, — и догадался. Ведь я красивый мальчишка.

Это было правдой. Тут все было правдой: девочки видели, что они нравятся Феликсу, и хотели нравиться еще больше, хотя сами не знали, для чего это им нужно. А Феликс был красивым мальчиком. Это его совершенно не волновало. О своей красоте он сообщил спокойно и просто. Для него красота была нечто вроде мыльных пузырей — привлекательное свойство человеческое, которое должно нравиться девочкам. Так, во всяком случае, объяснил ему Борис слова «красивый мальчишка». А слова эти были произнесены вчера докторшей за спиной Феликса.

Девочки временно онемели. Парень, выглядевший таким скромным и послушным, оказался нахалом. Правда, нахальство, как и все в этом парнишке, было каким-то странным. Его можно было назвать правдивым нахальством.

— Тома, — сказала Ира, — что же нам теперь делать?

Тома пожала плечами.

— Я тебе его дарю, — сказала Ира.

— Спасибо, — сказала Тома.

— И вообще, у меня уже давно, наверное, клюет, — сказала Ира.

— Не здесь, так там, — сказала Тома. — У тебя всегда где-нибудь клюет.

До Феликса наконец дошло, что девочки в эту минуту не слишком любят друг друга. Этого ему не хотелось. Он хотел мира. Он хотел сидеть с девочками, смотреть на них, слушать их и говорить им, как они ему нравятся.

— Ира и Тома, — сказал он, — не нужно так разговаривать.

— А как мы разговариваем?

— Плохо и громко.

— Да ты что! — удивилась Ира. — Тома — моя лучшая подруга! Верно, Тома?

Ира подошла к Томе и поцеловала ее в щеку.

— Самая лучшая! — сказала Тома и проделала обратную операцию.

Феликс смотрел на них с удивлением. Рукопожатие было ему прекрасно известно, но чтобы люди облизывали друг друга, он видел впервые. Однако он быстро сообразил, что присутствует при обмене самыми дружескими чувствами. Он обрадовался, что девочки больше не ссорятся. Ему тоже хотелось стать самой лучшей подругой.

Феликс подвинулся к Томе и лизнул ее в щеку.

Тома, ожидавшая от Феликса чего угодно, кроме этого, завизжала и вскочила на ноги.

Феликс прицелился было к Ире, но та отпрыгнула и убежала, заливаясь хохотом.

Борис за кустом чуть не плакал от смеха. О таком повороте дела он не мог даже мечтать.

Тома — красная, гневная, решительная — смотрела на Феликса сверху вниз.

— Ты с ума сошел?!

— Разве я сделал плохо? — спросил Феликс, не понимая, за что на него сердятся.

— А ты сам не понимаешь?

— Не понимаю. Почему Ире можно, а мне нельзя?

— Ты дурак? — спросила Тома.

— Нет, — сказал Феликс. — Я тоже хочу быть твоей лучшей подругой. За что ты на меня сердишься? Если тебе не нравится, я больше не буду.

Как ни была рассержена Тома, она видела, что Феликс искренне огорчился.

— Почему мне это должно нравиться? — строго спросила Тома. — Ты со всеми девочками так себя ведешь?

— Нет, только с тобой, — откровенно признался Феликс.

Тома лучше дала бы разрубить себя на куски, чем призналась, что в последних словах Феликса была некоторая приятность. Но, как девочка умная, отношений сама с собой она выяснять не стала. Ей захотелось выяснить кое-что другое.

— Ты лучше иди к Ире, — посоветовала она. — Вот с ней можешь целоваться хоть до обеда.

— А она не будет сердиться? — спросил Феликс.

— Нет, не будет. Это ее любимое занятие. Что же ты стоишь, беги к ней.

Тома была уверена, что Феликс никуда не уйдет. Худо ли, бедно ли, но Феликс дал ей понять, что она для него единственная на этой планете. За это она даже готова была простить ему безобразную выходку.

Феликс встал и пошел. Тома не знала, что он уходит без особого желания. Что-то сместилось в инопланетной душе за эти минуты. Девочки уже не были для Феликса одинаково хороши. Они обе были прекрасны, но Тома стала чуть-чуть прекрасней. Именно поэтому и не решился Феликс ее ослушаться.

Тома в растерянности смотрела на уходящего Феликса. Поведение этого парнишки было явно нестандартным.

Борис, увидев, что Феликс направился к воде, вылез из своего укрытия. Он был очень доволен, но всему есть пределы.

— Не вздумай к ней приставать, — предупредил Борис Феликса. — Можешь получить по мор... Я хочу сказать: ей это не понравится.

— А Тома сказала...

— Тома — змея, — пояснил Борис. — Они, девочки, все змеи.

— Ничего ты в девочках не понимаешь, — заявил Феликс.

— Ого! — сказал Борис. — Быстро ты разобрался... Кто же тебе больше нравится?

— Теперь Тома.

— Зачем же ты идешь к Ире?

— Потому что Тома сказала...

— Идем лучше в лагерь, хватит тебе девочек на сегодня. Ты их еще в столовой увидишь.

— Нет, не хватит, — твердо сказал Феликс. — В столовой они совсем не такие. Там они сердитые.

— Они и здесь не сахар, — заметил Борис.

— Конечно, не сахар, — согласился Феликс. — Это я и сам понимаю. Не сахар, не масло, не хлеб, не компот. Ты, Боря, не смешно шутишь.

— Какие уж тут шутки, — вздохнул Борис.

Ира сидела на берегу с удочкой. Заслышав шаги ребят, она обернулась. Взглянув на Феликса, она засмеялась. Феликс тоже заулыбался.

— Ира, я пришел с тобой целоваться, — объявил он.

Ира стала сразу серьезной. Она положила удочку и показала кулак.

— А вот это ты видел?

— Он шутит, — сказал Борис.

— Нет, не шучу, — возразил Феликс. — Тома сказала, что это твое любимое занятие.

— Ах, Тома! — Ира сразу успокоилась. — Тогда все понятно. Феликс, давай отложим мое любимое занятие до завтра. До завтра ты можешь обождать?

— Могу, — сказал Феликс. — А завтра когда?

На этот раз засмеялся Борис.

— Два дурачка, — сказала Ира. — Я-то думала, что вы умнее. А тебе, Борька, я это припомню.

— А почему мне? — спросил Борис. — У него своя голова есть.

— Что-то незаметно. Не могу понять, кто из вас остроумнее. Наверное, все-таки Феликс: таких я еще не видела.

— Не видела, — согласился Борис. — И никогда не увидишь. Никогда в жизни.

— Ты даже не понимаешь, что ты наделала! Девочки притихли, сразу стали послушными.

— Боря, — сказал Феликс, — ты опять не смешно шутишь. Она увидит меня сегодня, и завтра, и послезавтра...

Вот тут-то Феликс здорово ошибся. Он знал, что срок их кончается почти через месяц. Но он не мог знать, когда кончается его срок.

Из-за кустов подошла Тома, уже в костюме. На раскрытой книге она несла стебелек с двумя красноватыми ягодами.

— Земляника уже поспела, — сказала она. — Мальчики, пойдемте искать землянику. Ира, ты пойдешь?

— Что-то не хочется.

— Я так и думала, — заметила Тома.

— Ира, — сказал Феликс, — мне непонятно. Если вы лучшие подруги, то должны идти вместе. А если вы не хотите идти вместе, то вы не лучшие подруги. Зачем ты обманываешь Тому?

— Чем я ее обманула?

— Ты сказала, что она твоя лучшая подруга.

— Это правда. Ты же видишь, что мы всегда ходим вместе.

— Но не сегодня. Я догадался: сегодня день отдыха, вы отдыхаете от дружбы.

Феликс был прав. Девочки и сами чувствовали, что слегка друг от друга устали. Они дружили давно, но на стадионе они были соперницами.

Тома имела скверную привычку — приходить к финишу чуть раньше Иры. Если бы она поступала так через раз, то все было бы в порядке. Но вредность характера Томы в том и заключалась, что она на каждой тренировке оказывалась на несколько сантиметров впереди Иры. Из-за этого между девочками пробежала уже, как говорят, черная кошка. Ну, не большой жирный кот, а маленький, почти симпатичный котенок. Но черного цвета. Он всегда караулил их возле финиша. Однако девочки делали вид, что никакого котенка не существует.

— Глупости, — сказала Ира. — Просто я хотела еще поудить. Но вы тут всю рыбу распугали. Можно и за земляникой.

Борис не стал спорить. Он понимал, что до обеда Феликса от девочек за уши не оттянешь. Впредь он решил быть поосторожнее, а сейчас смирился.

Ира надела свой спортивный костюм, и все четверо побрели вдоль опушки.

Как-то так получилось, что Тома и Феликс пошли чуть в стороне, а из этого уже само собой вышло, что Борис и Ира остались вдвоем.

Борису совершенно не о чем было говорить с Ирой. Он даже немного побаивался ее; вместе с прекрасным спортивным костюмом Ира как будто надела на себя маску неприступной спортивной девочки. В компании, за столом Борис ее не боялся. Наедине все выглядело по-другому.

Они шли молча. Оба ощущали, что в молчании этом есть какая-то неловкость. От молчания они молчали еще молчаливее, а от неловкости без нужды окликали Тому и Феликса. При этом Борис, разумеется, обращался к Феликсу, а Ира к Томе.

Земляники попадалось очень мало. Видно, кто-то шустрый уже прошел здесь до них.

Тома и Феликс перестали отвечать. Иру это не особенно взволновало, но Борис забеспокоился по вполне понятной причине.

— Надо их найти, — это была первая фраза, обращенная к Ире.

Ира охотно согласилась. Это все-таки лучше, чем ходить без толку и молчать.

Они покричали. Издалека, еле слышно отозвалась Тома. Вскоре все трое сошлись на опушке.

— Феликс с вами? — спросила Тома.

— Он же с тобой был!

— Он ушел. Я его искала и не нашла.

— Куда он ушел? — спросил Борис.

— В лес.

— Почему ушел? — строго спросил Борис.

— Я не знаю...

— Знаешь, — сказал Борис. — И не ври! О чем вы разговаривали? Что ты ему сказала?

— Ничего такого я не сказала.

— Не ври, — снова повторил Борис. — Он от тебя сам бы не ушел. Я его знаю.

Такого Бориса девочки еще не видели. Решительный и серьезный, Борис выглядел сейчас так, как будто имел право распоряжаться.

— Что ты ему сказала?

— Ну... я показала ему, как растет земляника... он не знал, как ее искать...

— Дальше.

— Он сказал, что теперь каждый день будет для меня собирать...

— Я тебя спрашиваю, не что он сказал, а, что ты сказала.

— Я села переобуться: мне в туфлю камешек попал.

— Пока ты болтаешь, он уходит все дальше! Что ты ему сказала?

— Сказала... — ответила Тома, уже чувствуя себя виноватой. — Сказала, чтобы он собрал пятьдесят ягод, а я подожду его на полянке. Но ведь я его ждала... И я ничего не соврала — все так и было.

Пятьдесят ягод! Да, может быть, их и во всем лесу не было. Так и будет бродить Феликс по лесу, пока не наберет эти ягоды. А куда он может уйти — ему и самому неизвестно.

— Ты даже не понимаешь, что ты наделала! — сказал Борис.

Девочки притихли. Девочки сразу стали послушными.

— Мы его найдем. Разойдемся и будем искать.

— Никуда вы не пойдете, — распорядился Борис. — Будете ходить здесь, возле опушки. Он может сам выйти.

Девочки даже не пискнули. Те самые девочки, которым даже тренер старался не слишком часто приказывать, послушно остались. Они чувствовали, что Борис сейчас имеет право командовать.

Борис побежал в лес.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Юлиан ТУВИМ

Чудеса

Однажды в июле,
В чудесный денек
Вдруг выпал
Оранжевый снег
На лужок.
И в небо над лугом
Привычно и ловко
Взлетела корова,
Как божья коровка.
А бабочки
Гнезда из прутиков
Вили
И в сети
Зеленое солнце ловили.
Залаяли птицы,
Запели собаки.
Я вас уверяю,
Что это не враки.
Зажмурив глаза,
Я улегся в траву
И все чудеса
Увидал наяву.

Сколько забот

Сколько забот на свете?
Одна забота — весна,
Но солнышко ярче светит,
И почка листку тесна.

Вторая забота — лето,
Работы невпроворот,
Но спелых ягод из леса
Нам кто-нибудь принесет!

Осень — забота третья.
Тепла уже больше нет,
Но падают в руки детям
Антоновка и ранет.

А там — открывай ворота! —
Приходит зима-забота.
Морозы... Поет метель...
Но близок уже апрель!

Апрельская березка

Это не листы
И не листки,
Даже не листочки молодые,
А зеленовато-золотые
Облачка прозрачного клочки.

Если есть лесные небеса,
С них, наверно,
Облачко спустилось
И у нас в саду остановилось...
Посмотри, какие чудеса!

Но что может возмужать оно
И березой станет настоящей,
Тень дарящей,
На ветру шумящей...
Не поверю в это
Все равно!

Перевел с польского
Владимир ПРИХОДЬКО.

Рисунок А. ВАСИЛЬЕВА

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Л. СИМОНОВА

Такой помнят Марию Васильевну Смирнову, свою пионерскую вожатую, первые тимуровцы 460-й московской школы.

Любимый герой

В Москве и в Свердловске, в Каневе и в селе Карабиха — повсюду, где мне приходилось бывать, я спрашивала у девочек и мальчиков: какой герой современной детской литературы больше всего им нравится? И неизменно получала ответ: Тимур.

Я хотела добавить: Тимур — герой повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда», но подумала и не стала — зачем? Кто же из читателей «Пионера» не знает этого? Теперь не только в Карабихе, но и в Дрездене и в Ханое не сыщешь такого человека двенадцати — пятнадцати лет, который не слышал бы о Тимуре и его команде.

В последние десятилетия, пожалуй, померкла даже слава таких замечательных мальчишек, как Том Сойер, Гек Финн и Гаврош. Нет, не померкла, конечно, просто Тимур ближе и понятнее сегодняшним ребятам.

И Марк Твен, и Виктор Гюго, и Аркадий Гайдар были величайшими мастерами литературного дела. А еще, что очень для нас с вами важно, хорошо понимали людей, которые, допустим, не стали пока взрослыми, но и мириться с тем, что их считают детьми, не хотят. Если говорить честно, не так уж часто встретишь такое понимание!

Но, кроме тайн ребячьих душ и тайн литературного мастерства, А. П. Гайдар знал и свято хранил Военную Тайну, открывшуюся ему в юности. И так сумел прожить свою жизнь, что мудрая и героическая правда его жизни умножила художественную правду созданных им литературных героев.

Я спрашивала у ребят: почему им так нравится Тимур? И неизменно получала в ответ: он честен, он смел и добр, он хороший товарищ, он отстаивает свое мнение...

И главное. Главное, пожалуй, то, что Тимур живет не бездумно: он понимает, где может быть полезен людям, своей стране, он уже определил жизненную позицию. И хотя не все ребята умеют сказать об этом, я уверена: думают они так.

Поэтому растет все время тимуровская команда, и теперь у нас уже пять миллионов тимуровцев. И приходят все новые весточки: то в Чехословакии, то в Болгарии родилось славное тимуровское дело.

Кто был первым?

Было бы несправедливо, если бы, встречаясь с ребятами, только я задавала вопросы. Так разговор не сложится — вроде урок не кончился, и учитель продолжает спрашивать...

И вот среди тех вопросов, которые я слышу от тимуровцев, один повторяется от раза

к разу: где, когда, кем была создана первая тимуровская команда? Самая первая.

Из воспоминаний тимуровцев прифронтового Киева мы знаем, что А. П. Гайдар встретился с ними 5 августа 1941 года. Он сказал тогда: «Когда я писал повесть о Тимуре и его команде, в глубине души надеялся, что многие ребята, прочитав книгу, тоже захотят, чтобы у них была команда. И все же я не думал, что вы и ваши товарищи в первые дни войны успеете столько сделать. И я не только рад — я счастлив и горд сегодняшней встречей».

12 марта 1942 года в Москве открылся слет московских тимуровцев. Стенограмма этого слета (она находится в архиве ЦК ВЛКСМ) сохранила для нас слова благодарности, сказанные ребятам батальонным комиссаром, орденоносцем товарищем Ананьевым и женой бойца Молчановой.

3 апреля 1943 года Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ награждена тимуровская команда города Пласт Челябинской области.

Но самая первая? Какая из них самая первая? Я всегда честно признавалась ребятам: не знаю...

А теперь мне хочется поделиться с вами своим открытием.

Заметка в газете

Прежде всего попробуем восстановить ход событий.

В июле и августе 1940 года журнал «Пионер» публикует киносценарий «Тимур и его команда».

27 августа Аркадий Петрович записывает в своем дневнике: «Сегодня закончил повесть о Тимуре — больше половины работы сделал в Москве, за последние две недели».

5 сентября повесть «Тимур и его команда» начинает печатать газета «Пионерская правда». Повесть передают по Всесоюзному радио.

23 марта 1941 года в газете «Известия» появляется первое упоминание о том, что тимуровские команды появились в жизни. Рассказывает корреспондент А. Крылова: «С некоторых пор в Москве, у заставы Ильича, на Рабочей улице и в прилегающих к ней шестнадцати рабочих переулках начали твориться поистине странные дела.

Вот отъявленные шалуны, известные всей округе, одним из излюбленных развлечений которых было баловаться водопроводными колонками, в один прекрасный день начали относиться к этим самым колонкам с отменным вниманием. Установили дежурство, следят за их исправностью, скалывают намерзший лед — словом, прямо-таки шефствуют над ними.

Вот они, эти тимуровцы предвоенных лет. Обсуждают только что опубликованную повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда».

Вот у старушки К., отдавшей двух сыновей в Красную Армию, происходит, точно в сказке, чудесное превращение внучек: раньше бабушка надрывалась, таская воду с улицы и выполняя все тяжелые домашние работы, а внучки, учившиеся в четвертом и пятом классах, ничего не делали по дому; теперь они без всяких понуканий распределили между собой всю работу по хозяйству...

Пора дать объяснение всем этим чудесам. Впрочем, никаких чудес тут нет, все это сви-

А это их учителя. Они тоже прочитали новую повесть Гайдара и думают, как лучше помогать тимуровской команде.

детельствует, что «команда Тимура» увеличивается».

Это рассказ о ребятах 460-й московской школы.

29 июня 1941 года (заметьте: через несколько дней после начала Великой Отечественной войны) об этой же тимуровской команде рассказывает писатель Юрий Нагибин в статье «На клич Тимура», опубликованной в «Литературной газете».

«...Комсомольцы и пионеры 460-й школы (Москва) совместно с учителями, активистами обходят дома своего района. Они беседуют с женщинами, узнают невзгоды и потребности их семей. Десятки и сотни патриотов— рабочих заводского района уходят на фронт. Их места за станками и машинами занимают жены... И ребята ставят себе целью, чтобы в квартирах этих женщин не убавилось ни порядка, ни опрятности...»

Видимо, эта тимуровская команда и была первой?

Исторический педсовет

Мне захотелось побывать на Рабочей улице в 460-й московской школе.

Изменилась улица: выросли на ней огромные дома со всеми удобствами, а колонки выглядят одиноко — никто ими не пользуется. Рядом со школой выстроили огромный спортивный комплекс, и учатся здесь ребята-спортсмены, олимпийские надежды.

Но по-прежнему висит в пионерской комнате тимуровская карта — на ней красными звездами отмечены дома, где живут ветераны войны и труда, детский сад и аптека, и все та же родная Рабочая улица, которая всегда должна быть чистой, зеленой и красивой.

Я познакомилась с учительницей Марией Васильевной Смирновой. В 1940 году она была старшей пионерской вожатой. Тимуровская команда 460-й школы действовала под ее началом.

Мария Васильевна уверила меня, что их тимуровская команда была создана сразу же, как прочитали ребята о Тимуре и его команде.

Мария Васильевна сохранила протокол педсовета, на котором говорилось о создании тимуровской команды. Сохранился у нее и отчет о работе с пионерами в 1940/41 учебном году. Это теперь исторические документы. И реликвиями стали фотографии первых тимуровцев.

Скоро откроется в школе музей боевой славы. Ребята хотели поместить эти ценные документы в своем музее, но вместе мы приняли решение, на мой взгляд, единственно правильное: отправить «Протокол педсовета», «Отчет о работе» и фотографии в библиотеку-музей А. П. Гайдара в Каневе (там каждый год бывает более 200 тысяч ребят), а в школьном музее показывать копии.

Чтобы и вы смогли познакомиться с этими интересными материалами, мы публикуем выдержки из них.

Итак, публикуем впервые...

«ИЗ ПРОТОКОЛА педсовета 460-й средней школы города Москвы от 30/I-41 года

Повестка дня: Доклад о художественном произведении детской литературы — «Тимур и его команда» Гайдара.

Слушали:

Директор школы В. Ф. Бондюк

Сегодня у нас необычный педсовет, поставлен доклад о художественной детской книге Гайдара «Тимур и его команда» и применении ее в воспитательной работе нашей школы.

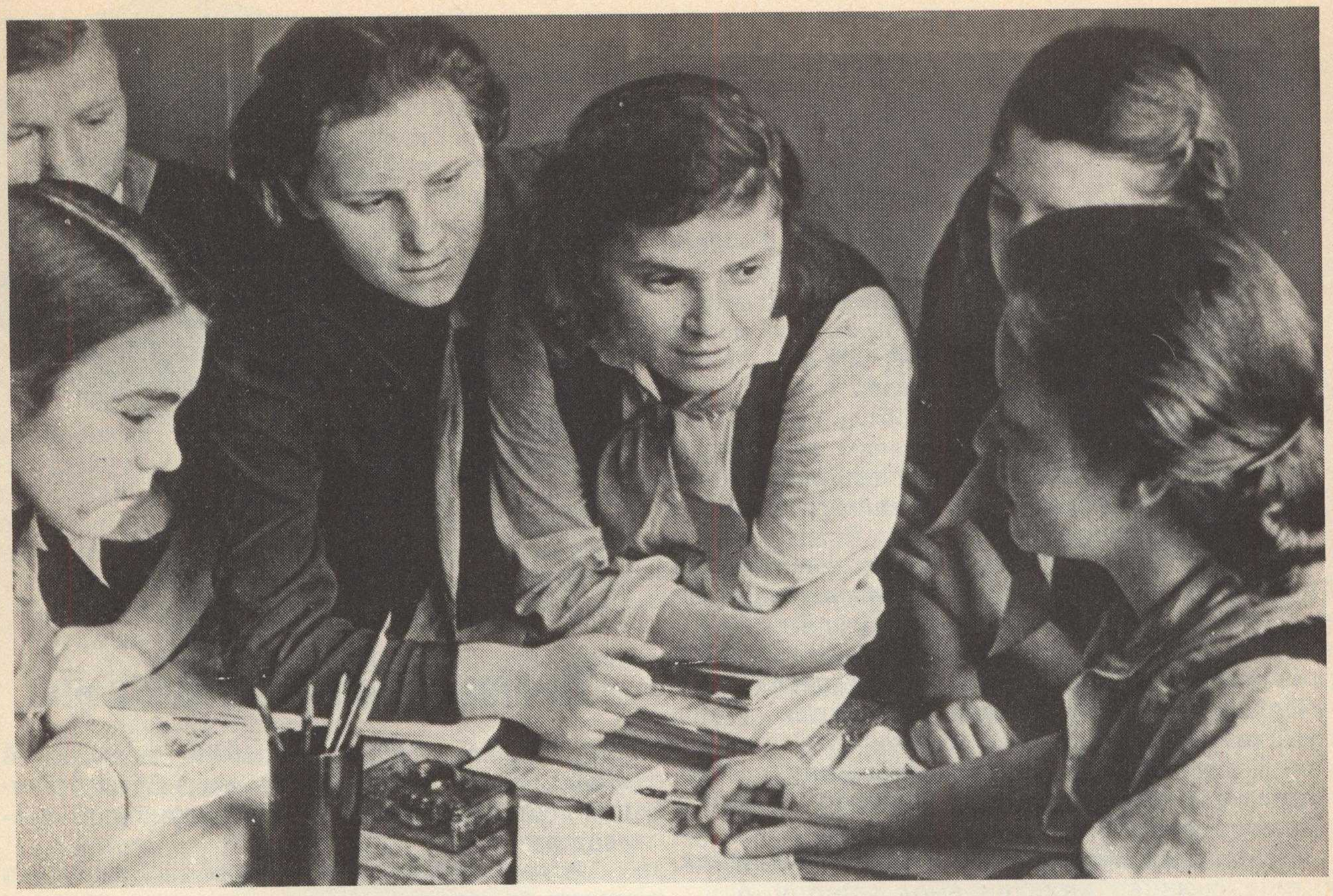
На совещании в ЦК комсомола по изданию литературы о трудовом и военно-физкультурном воспитании выступали многие писатели. Сделал доклад писатель Шкловский «О трудовом воспитании в школе и семье». Выступали Гайдар, Барто, Кассиль и целый ряд других писателей...

...Я сидел на этом совещании и думал, а мы как воспитываем патриотизм к нашей Советской Родине? Мы на воспитание патриотизма должны обратить особое внимание.

Учительница Е. И. Шишеева

...Часто мы не знаем своих учеников, не знаем, почему ученик плохо учится, и мы счи-

Алексей Малашин был тимуровцем, стал героем войны. Пионерская дружина 460-й школы носит его имя.



Тимуровец в детстве — тимуровец на всю жизнь — так считают многие взрослые теперь уже люди.

таем, раз он плохо учится, значит, он никудышный человек.

Надо чутко подойти к ученику, найти в нем хорошие стороны, ухватиться за них, развить их и сделать из дезорганизатора хорошего ученика.

Что мы должны сделать практически?

...Мы должны организовать актив ребят на полезные дела, выяснить полезные дела дома и в школе. У нас много ребят, которые нуждаются в помощи товарищей. Например, в 9-м классе ученица Чижикова, на руках которой целая семья; Чижикова ухаживает за маленькими, за больным дедом, готовит, моет, стирает, ей очень трудно учиться. С другой стороны, в классе есть девочки, не загруженные домашней работой. Можно сделать так, чтобы эти девочки помогали Чижиковой и в делах по хозяйству, и дать ей возможность заняться учебой. В 6-м «А» классе есть ученик Синюхин, у которого братья в Красной Армии, мать больна. Он часто бывает беспомощен в хозяйственных делах по дому.

Учительница Н. Л. Попова

...Дела найдутся и в школе и за стенами школы: следить за колонками водопровода, которые у нас часто портятся от игр с ними ребят, следить за целостью наших древонасаждений и в сквере, главное, на улицах; в квартирах бороться за бережное расходование электричества, да и на улице у нас не все благополучно с этим делом. Есть у нас и старухи, которым не только не помогают, но и вредят их небольшому хозяйству. Одна из старух держит коз и кур. Коз ее угоняют, а кур вылавливают на удочки...

Учительница Н. Я. Калашникова

...У нас есть ребята хорошие, отличники, учатся хорошо и несут большую ответственность за всю работу класса, и есть такие, как, например, Кокин, который отошел от коллектива, и ребята не замечают его. Надо все внимание лучших ребят направить на переделку Кокиных, по-своему, по-детски.

...Большое дело будет, если отличник возьмет шефство над плохим учеником, с душой подойдет к слабому и передаст свой опыт работы...

Т. В. Бондюк

...Молодежь и сама должна кое-что давать в ответ на заботу о ней. Наш школьник должен выработать волю, геройство, мужество, но вместе с тем должен научиться делать маленькие повседневные дела, без которых не-

возможна жизнь как школьная, так и домашняя...

ИЗ ДОКЛАДА
о работе пионерской организации школы № 460 в 1940/41 уч. году

...По решению педсовета книгу Гайдара проработали во всех отрядах и классах, потом вся школа просмотрела фильм «Тимур и его команда», и вновь обсудили, что может каждый пионер, звено, отряд сделать полезного в школе, в семье, на своей улице.

...Ребята решили сами обслуживать потребности школы и сами делают колышки и ящики для цветов, так как часть ребят увлекалась озеленением школы и потребность в этих предметах велика.

Ребята ремонтируют стулья, занялись поделкой мусорных ящиков, классных линеек. Токари выточили в подарок матерям скалки, толкушки — картошку толочь, — а себе чертежные доски, слесари делают детали для приборов: треугольники, квадраты, угольники.

К шестикласснику Коле Синюхину, у которого два брата служат в Красной Армии, а мать тяжело заболела, оказавшемуся совершенно беспомощным в хозяйственных делах, сами, по собственной инициативе пришли девочки-пионерки из его отряда. Они помогли ухаживать за больной, убрали комнату, сходили за продуктами, принесли больной цветы из зеленого уголка школы.

Теперь эти девочки крепко подружились с матерью двух бойцов Красной Армии, постоянно к ней приходят и помогают ей, а иногда забегут и просто поболтать, справиться о здоровье, наладили переписку с бойцами.

Ученицы 7-го «Б» класса решили помогать своей подруге по классу Гвоздевой, которая имеет больную мать и маленькую сестру на руках.

Девочки стараются всячески освободить свою подругу от тяжелых хозяйственных работ и дать возможность уделить время на учебу. Таких примеров в школе немало, на всех них я не имею возможности останавливаться...»

Герой Советского Союза С. П. Шпуняков рассказывает ребятам о воздушном бое, в котором погиб его друг А. А. Малашин.

Имени Алексея Малашина

Пионерская дружина 460-й московской школы носит имя героя Великой Отечественной войны летчика Алексея Архиповича Малашина.

...В марте 1944 года гитлеровцы старались во что бы то ни стало удержаться в Крыму. Шли бои за переправу через Гнилое море — озеро Сиваш. Самолеты прикрывали жестокие бои на земле. Два летчика, два аса — Малашин и Шпуняков — вступили в сражение с десятью «фоккевульфами» и «юнкерсами». Пять самолетов им удалось уничтожить. К переправе врага не пустили. Но самолет Малашина в этом бою был сбит.

Долгое время Малашина считали пропавшим без вести.

Но вот однажды засушливым летом, когда Сиваш обмелел, пионеры заметили показавшийся из воды остов самолета...

Возвели небольшую дамбу, выкачали воду из образовавшегося озерца и увидели самолет-истребитель ЛАГ-5. В кабине самолета нашли останки летчика. По комсомольскому билету установили его имя.

Самолет осмотрели специалисты и высказали предположение, что, видимо, Малашин пошел на таран. О подвиге героя сообщили родным, которых разыскали пионеры, и в школу, где Малашин учился.

Мария Васильевна рассказала, что Алексей Малашин был одним из первых тимуровцев. Перед войной Алексей Малашин вступил в комсомол.

Нет в 460-й школе ни одного мальчика, ни одной девочки, которые не знали бы о подвиге Малашина, о подвигах первых тимуровцев и не хотели бы быть на них похожими.

Пожелаем им достойно принять тимуровскую эстафету и в летопись тимуровских дел вписать еще немало славных страниц!

МАСТЕР РОЗА, ИЛИ СПОР О ГЛАВНОМ В ПРОФЕССИИ

С. БОГАТЫРЕВА

Разное бывает умение

— А по мне,— сказала Лена,— расческу бы научиться в руках держать — и ладно. Я бы довольна была.

— Ты... не умеешь... держать расческу? — тихим от возмущения голосом, с расстановкой спросила Марина.

— Про обычные вещи все говорят: умею. Только умение — оно разное бывает. Ты суп умеешь варить? И моя мама умеет. И повар в ресторане «Прага» умеет. Твой суп только с большого голода проглотить можно — не спорь, не спорь, знаю. У моей мамы съешь и добавку попросишь. А в ресторане «Прага» вообще не суп, а произведение искусства.

— Ты и в «Праге» пробовала? — поддела Марина.

Кругом засмеялись, но Лену так легко не собьешь.

— Пока не пробовала,— отвечает.— Я кино про поваров смотрела, как они работают. И вообще, когда человек много лет учится своему делу — должен быть толк!

Разговор этот начался в группе после уроков, и девочки, кто не успел сразу уйти, теперь подошли поближе: когда Лена с Мариной «заведутся», всегда интересно.

Лена Гусева и Марина Маклакова сидят на одной парте, ходят парой — отличницы-неразлучницы. Их даже учителя путают: то Лену назовут Маклаковой, то Марину — Гусевой. А думают они по-разному, потому и спорят часто.

Парикмахером родился...

Марина всегда знала, что будет парикмахером. Это у нее в крови: мама — парикмахер, бабушка была парикмахером.

В детском саду девочки кукол наряжают, обшивают, лечат, а Марина своих стрижет. Куклу знаешь как опасно стричь? Чуть ошибешься — все, пропали волосы: небось, не человек, новые не отрастут. В школу пошла — с первого класса стригла подруг. Потом — соседей. Еще подросла — на маминых знакомых перешла. Те ничего, не жаловались, даже лишний раз в гости приходили: «Мариночка, подстрижешь?»

После восьмого класса у Марины сомнений не было что делать. Подала документы в ПТУ № 69 — там готовят парикмахеров широкого профиля. Учиться ей показалось легко: многое она и раньше знала понаслышке. Ребята на уроке еще только разбираются, что к чему, запоминают, а Маклакова уже руку тянет, торопится ответить, да еще старается что-то новое предложить, фантазирует. Ну что ж, ей легче, с нее и спрос больше.

А у Лены дома никаких парикмахерских традиций не было, она себе дорожку сама протаптывает. В ПТУ ей особенно легко не показалось — нормальное учение, зато все в новинку, все любопытно.

Кораблик с алыми парусами

— Надо, конечно, чтобы руки научились поспевать за фантазией,— говорит Марина.— Но фантазия все-таки главнее. Грамотно фантазировать не каждый умеет. Есть у нас такой предмет — спецрисование. Прически сочиняем, рисуем их. Красиво получается. Одна девочка — вот поглядите, что изобразила: целая башня из волос, а на самом верху кораблик с алыми парусами. Вообще-то нарядно. Только неправда это, недостижимо. Вот смотрите: вóлос нарисован светлый, по виду сказать — вторая или третья группа волос. Значит, он тонкий, нежный, много пушковых. Куда на него украшение ставить! Не будет кораблик держаться, осядет на макушку, получится одна неопрятность, неэстетический вид.

— А если бы держался на башне кораблик,— вмешалась Лена,— думаешь, хорошо было бы? Да кому они нужны, финтифлюшки всякие? На бумаге, может, и ничего, а в жизни к чему? Не то что на работу, на улицу выйти и то неудобно с такой головой.

Лена говорит солидно, рассудительно, а Марина так и прыгает на месте от возмущения.

— Да ты что,— говорит.— Как это зачем?— И объясняет наставительно, словно по учебнику читает: — Сложные прически не для работы, не для улицы делают, а для развития парикмахерской науки. Для того и конкурсы парикмахеров, чтобы лучшие мастера могли показать свое искусство, а другие — посмотреть и у них поучиться. Если не давать волю фантазии, не экспериментировать, будут у тебя все ходить под одну гребенку стрижены. Я непременно буду среди тех, кто прокладывает новые пути!

Лена слушает Марину, как старшая сестра младшую, и любуется ею и посмеивается.

— Давай,— говорит,— ты прокладывай новые пути, а я поскромнее мечтаю. Научиться бы так волну укладывать, чтобы лежала прическа естественно, чтобы работа моя не была бы заметна. По-моему, тут-то в нашем деле и будет главное искусство.

И еще бы мне научиться так с людьми разговаривать, чтобы они мне доверяли. Я скажу: «У вас лицо круглое, вам короткая стрижка не пойдет», а он или она отвечает: «Как вы, товарищ мастер, посоветуете, так и хорошо».

«Завтра» и «сегодня»

У Лены с Мариной, да и у всех в ПТУ, любимое слово — «буду». О завтрашнем дне здесь говорят куда больше, чем о сегодняшнем,— там, в будущем, ждет их настоящая работа и таинственная взрослая жизнь. Завтрашний день обсуждают, планируют, даже рисуют: на уроках эстетики изображают девочки прически будущего, парикмахерские будущего и, конечно же, себя в будущем. Жанна Арама из третьей группы нарисовала парикмахерскую в космосе: рядом с космическим кораблем парит салон-спутник, и все там по-космически необыкновенное, даже коса у девочки, которая пришла стричься, метра в два длиной.

А у мастера Искаковой — все в настоящем времени, все сейчас. Она уж который год работает в парикмахерской, много раз участвовала в конкурсах (и побеждала почти всегда), потом — в жюри конкурсов, теперь — член художественного совета. Человек она уважаемый: награждена медалью «За трудовую доблесть», дважды выбирали ее депутатом районного Совета.

У нее старинное татарское имя Хамсяня, красивое, да непривычное, и ребята в детстве окрестили ее для простоты Розой — так и зовут по сей день. И мы так будем.

Вот ее, Розу Искакову, попросила я рассудить Лену с Мариной: кто из них прав, что в парикмахерском деле всего важней?

Очень интересно смотреть, как работает Роза!

— А чего их судить? — удивилась Роза.— Тут и спорить не о чем: и фантазия нужна и руки умелые. Только это в нашем деле не главное. Необходимое условие, но не самое главное.

— А что самое главное?

— Интерес к человеку, которым ты занимаешься. И симпатия к нему.

Разговор в зеркале

Очень мне нравится смотреть, как работает Роза. Всегда кажется, что перед нею у зеркала — самая лучшая ее подруга: что-то Роза ей говорит вполголоса, о чем-то спрашивает. Переглядываются они в зеркале, улыбаются... Окликнешь Розу в такой момент — посмотрит на тебя неузнающим взглядом, как на чужую. Поначалу я обижалась, а потом поняла: ей «разговоры в зеркале» для работы нужны.

Круглому лицу идет стрижка подлиннее, продолговатому — покороче, это и Лена с Мариной знают. А Розе такой информации мало, ей требуется заглянуть поглубже, узнать — веселый перед ней человек или, может быть, строгого нрава, застенчивая девушка или побойчее. Прическа не только к лицу должна подходить, но и к характеру, к образу жизни: учительнице нужна строгая, классическая, спортсменке — короткая, медсестре — такая, чтоб не измялась под белой шапочкой... Роза не просто прическу к лицу выбирает: она человеку, личности подсказывает внешний облик.

Сколько профессий у парикмахера?

Рассказ Розы Искаковой

— Женщины все красивые — я это точно знаю. Наше дело, парикмахеров, модельеров, их красоту разглядеть, проявить. Кто фотографией занимается, знает: отснятая пленка вся ровная, тусклая, ничего на ней не увидишь. Опустишь ее в проявитель — появится изображение, подержишь в закрепителе — сохранится, отпечатаешь — осталось тебе навсегда.

Разглядеть, проявить красоту и найти ей достойное обрамление — для этого парикмахер должен быть художником. Должен быть и психологом: заставь свою модель в себя поверить, пусть она на себя посмотрит и увидит, что она лучше всех! Уверенность в себе обретет. Радость.

А то, о чем Лена мечтает — чтобы верили твоему слову,— для этого надо быть педагогом. Все мы консерваторы, редко кто решается резко изменить свою внешность. Парикмахеру приходится быть терпеливым: постепенно, от стрижки к стрижке приучать свою модель к новому облику, пока не добьешься точного рисунка.

Вот каким человеком — разносторонним — должен быть современный парикмахер.

И еще о спорте не забудьте! Парикмахерская работа не легкая: попробуй подсчитай, сколько километров проходим мы за смену! К вечеру руки и ноги гудят от усталости.

Прическа «Светлана Климчук»

Очень интересно смотреть, как работает Роза. Вот перед нею девушка — щуплая фигурка, невыразительное личико. Смотрит букой, можно подумать — силой ее сюда привели.

— Вам какую хочется прическу? — спрашивает Роза.

— Модную,— хмуро отвечает девушка.

— Модная прическа — это прежде всего удобная прическа, — весело объясняет Роза.— Вы учитесь?

— Работаю.— И добавляет нехотя в ответ на вопросительную улыбку: — Неважно где. Я там временно. Осенью буду поступать в институт.

На этот раз Роза работает молча. Позвякивают ножницы, на разные голоса гудят фены: один, с насадками-гребеночками — фистулой, второй — пистолетик с широким дулом — басом. Неуловимо меняется хмурая девчонка. Вот открылся лоб — высокий, чистый. Вылезли на свет маленькие аккуратные уши. Шея оказалась длинная, стройная. Постойте, да она симпатичная, девчонка-то! Умненькое серьезное личико глядит из зеркала. И хмурость куда-то ушла — состригла ее, что ли, Роза? Изумление зажглось в глазах, недоверие, и вдруг широченная ясная улыбка засияла от уха до уха.

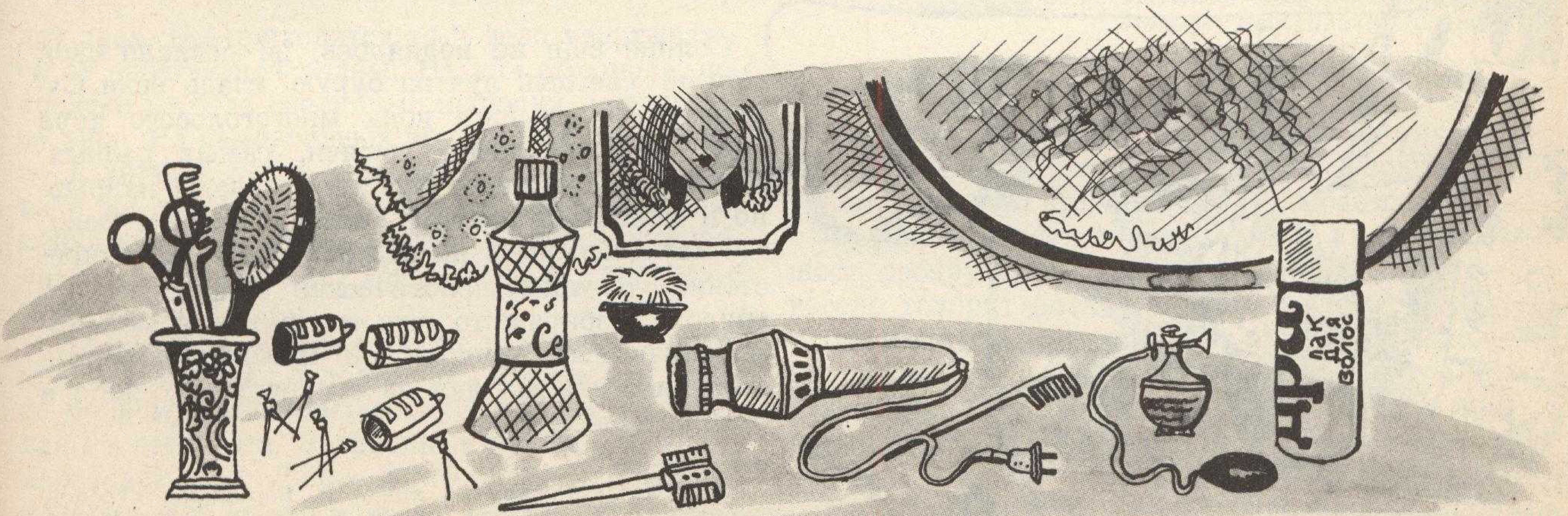
— Ой,— говорит девчонка,— вот здорово! Это,— говорит,— я или кто другой? А как такая прическа называется?

— А вас как зовут? — вопросом на вопрос отвечает Роза.— Светлана Климчук? Значит, и прическа называется «Светлана Климчук»; ни у кого такой не увидите.

— Надо же,— вздыхает вслед счастливой девчонке тетка из очереди,— как вы ее принарядили! Ведь совсем была неинтересная.

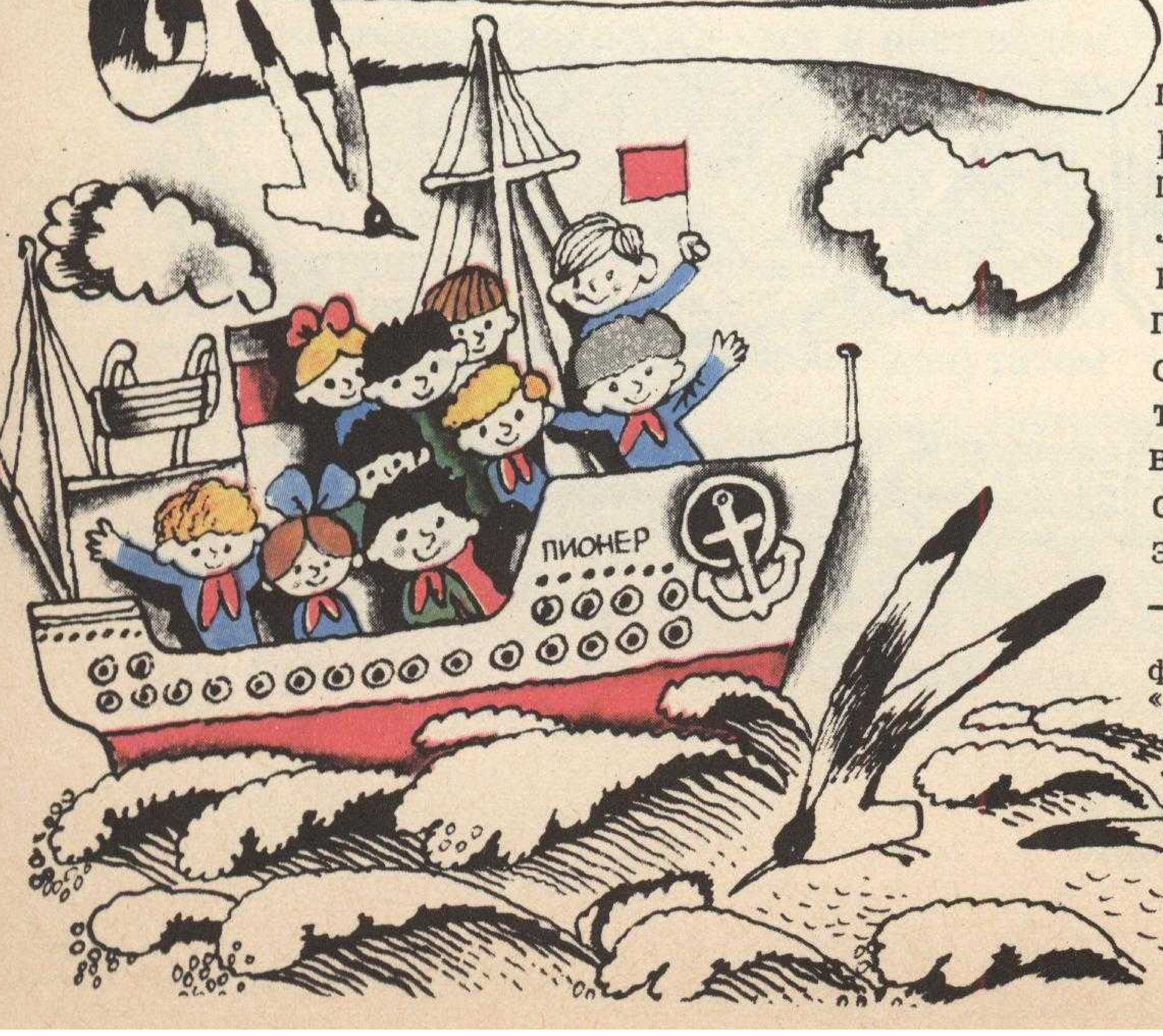
— Нет,— строго говорит Роза.— Она была интересная. Это вы ее не разглядели.

Честно говоря, я так и не сумела понять, от чего так чудесно похорошела девчонка — от новой прически или от той улыбки, которая на новую прическу отозвалась? Но зато вот что стало понятно: каждая прическа, даже самая, казалось бы, простая, требует и мастерства, и фантазии, и умения понять другого человека. И конечно же, симпатии к нему.



В ГОСТЯХ У ЛЕСНЫХ НЕГРОВ

Наш корабль — в водах Атлантического океана. Он держит курс к одному из государств Латинской Америки, в Республику Суринам. На капитанском мостике — собственный корреспондент газеты «Известия» Владимир Леонидович ВЕРНИКОВ. Ему слово.



Нет, не близкий свет, эта страна Суринам! Даже для меня, человека, живущего в Латинской Америке, попасть в Суринам трудно. Только две авиалинии связывают столицу этой страны — Парамарибо с внешним миром: одна — через Джорджтаун, столицу соседней Гайаны, другая — через Рио-де-Жанейро. И все. И даже с соседней французской Гвианой нет никакого транспортного сообщения.

Впервые я прилетел в Суринам в ноябре 1975 года, в дни больших торжеств: Суринам был провозглашен независимой республикой.

Суринам ликовал. И Парамарибо, расцвеченный флагами и транспарантами, шумел, и веселился, и не хотел засыпать ночью. Парамарибо пел и танцевал под музыку сотен оркестров, народ древней земли Суринама праздновал победу... Долго бродил я по старинному деревянному особняку, в котором расположился исторический музей Парамарибо. Я познакомился с историей жестоких схваток колонизаторов — испанцев, англичан, голландцев — за эту землю, с историей борьбы народа Суринама против колонизаторов. Я услышал рассказ о том, как непокорные индейцы, а позже и африканские негры-рабы, насильно привезенные в Суринам, отказывались работать на плантациях своих хозяев, убегали от них и скрывались в недоступных для белых дебрях джунглей.

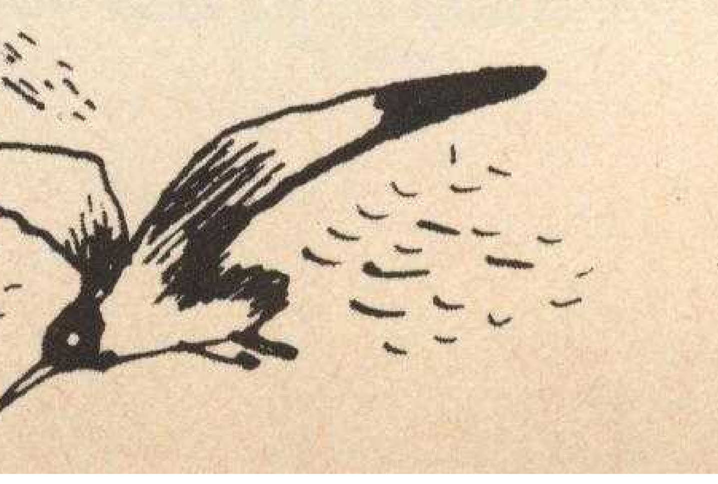
За беглыми индейцами охотились, как за дикими животными, нечеловеческими пытками расправлялись с африканскими рабами, но так и не смогли запугать их ни угрозами, ни преследованиями, ни казнями.

Я слышал о гордых, вольнолюбивых лесных неграх (так их называют в Латинской Америке) и до приезда в Парамарибо, но мне казалось, что это старинные и почти забытые всеми, кроме ученых, страницы истории. В музее Парамарибо я увидел фотографии лесных негров, сделанные совсем недавно. Удивление мое было столь велико, что я решил во что бы то ни стало немедленно отправиться в сельву — вечнозеленые тропические леса.

ВНИЗ ПО РЕКЕ КОТТИК...

Солнце еще не поднялось, не послало свой первый светлый луч на бурую гладь реки Суринам. Не слышно пока многоголосого хора птиц, которых здесь тысячи, самых разных. Лишь бодрствующие всю ночь цикады надрывно и монотонно сверлят тишину. Даже у реки, где нет поблизости ни одного дерева, их свиристение заглушает человеческие голоса, и я с трудом разбираю то, что говорит мне мой новый знакомый Хендрик. По просьбе министерства иностранных дел он сопровождает меня в этом путешествии.

Мы печатаем главу из книги В. Верникова «Тропой флибустьеров», которая скоро выйдет в издательстве «Детская литература».



Хендрик — сотрудник исторического музея в Парамарибо. Он — креол, учился в Голландии. Легко и красиво говорит по-английски, по-голландски, по-французски и знает язык лесных негров. По отцовской линии — португалец, по материнской — африканский негр. Он поддерживает связь со своими африканскими родственниками. К ним мы и отправляемся.

Дюралевые моторки стремительно одолевают быструю и чистую реку Коттик, мягко причаливают к берегу. Мы выгружаем нехитрое снаряжение, взваливаем его на плечи и километра полтора шагаем по берегу к тому месту, где река впадает в залив. Здесь нас уже ждут. В широком и длинном каноэ, сплетенном из толстых стеблей неизвестного мне дерева, сидят двое. Им приходится то и дело увертываться от набегающей волны. На них странные, непонятно из чего сделанные шапочки, натянутые на уши. Из самодельных трубок они курят резко пахнущий табак. Увидев нас, они выскакивают из лодок и бегут по воде навстречу нам, крича что-то на своем языке. Хендрик останавливается. Показывает мне, что надо сбросить с плеч рюкзаки.

Не здороваясь, люди берут рюкзаки и молча идут впереди нас к лодке. Мы следуем за ними по мокрому, влажному песку, с трудом вытаскивая из него ноги. Забравшись наконец в каноэ, переводим дух. Лодка легко скользит по воде, ускоряя свой бег всякий раз, как длинный упругий шест отталкивается от дна.

Меня усадили на корму, Хендрика — на нос лодки. Один из хозяев устроился посредине и ловко орудует коротким широким веслом, выдолбленным из дерева, другой — стоит рядом со мной, искусно управляясь с шестом и пристально вглядываясь в засеребрившуюся от солнца воду. Медленно, как в кино, плывут берега, заросшие тропическим кустарником, невысокими деревьями, замотанными серыми жгутами лиан. И я почему-то с трудом привыкаю к мысли, что это не в кино, что это все настоящее и совсем рядом со мной.

Вдруг я замечаю, что мой сосед насторожился, стал резче отталкиваться шестом, словно что-то ему мешает. Оборачиваюсь и вижу: из воды торчат круглые коричневые палки метра по полтора-два длиной. Причудливо изогнутые, совершенно похожие друг на друга. Спрашиваю у Хендрика, что это такое? Он улыбается:

— Ньо отгоняет водяных змей. Уцепятся за шест, заберутся в лодку — беда. Привыкай, — весело говорит он мне. — Змей здесь много...

Привыкнуть к этим тварям вряд ли можно, и я стараюсь не оборачиваться, чтобы их не видеть. Мы плывем четыре часа, и за все это время по берегам не встретилось нам ни одного селения...

Но вот показался небольшой городок Тамарини. Отсюда наш путь в глубь страны, к границе

Одна из центральных улиц Парамарибо — столицы Республики Суринам.

с французской Гвианой. Там, на одном из островов реки Маровейне, живут лесные негры из группы парамаккан. Мы благодарим так и не проронивших ни единого слова индейцев Ньо и Нжа и пересаживаемся из каноэ на небольшой колесный пароходик. Изо всех сил он лупит воду своими деревянными лопастями, и наконец мы выбираемся на раздольную ширь Маровейне. На берегу города Албина нас снова ждет каноэ. И я не перестаю удивляться точности местных жителей: ни телефона, ни телеграфа у них нет.

Хендрик снова улыбается мне:

— Это очень просто. Мы все — одна семья...

Наше каноэ долго пробиралось сквозь жесткие прибрежные травы высотой с человеческий рост и вдруг неожиданно ткнулось в мягкий болотистый берег. С ужасом замечаю, что метров тридцать нам предстоит пройти босиком по ужасной серой жиже, а в ней кишмя кишат... водяные змеи и крысы. И тут из-за кустов выходят несколько рослых полуодетых мужчин, с решительным видом направляются к нам и жестами показывают, что следует взобраться на спину любого из них.

Честно говоря, я растерялся, а Хендрик снова улыбнулся и объяснил, что таков обычай гостеприимства. Лесные негры, оказывается, натирают ноги специальным настоем из листьев и трав: запах этого настоя отпугивает обитателей болот, и хозяева бесстрашно доставляют гостей в свой дом.

Несколько десятков хижин с островерхими крышами, покрытыми связками плотно сплетенной травы и высушенными пальмовыми листьями, оказались родовым поселением бывших беглых рабов — лесных негров. У некоторых хижин — двери, сколоченные из тонких стволов. Вход в иные хижины прикрыт легкой тканью. Никаких ритуальных масок, никаких таинственных абстрактных рисунков.

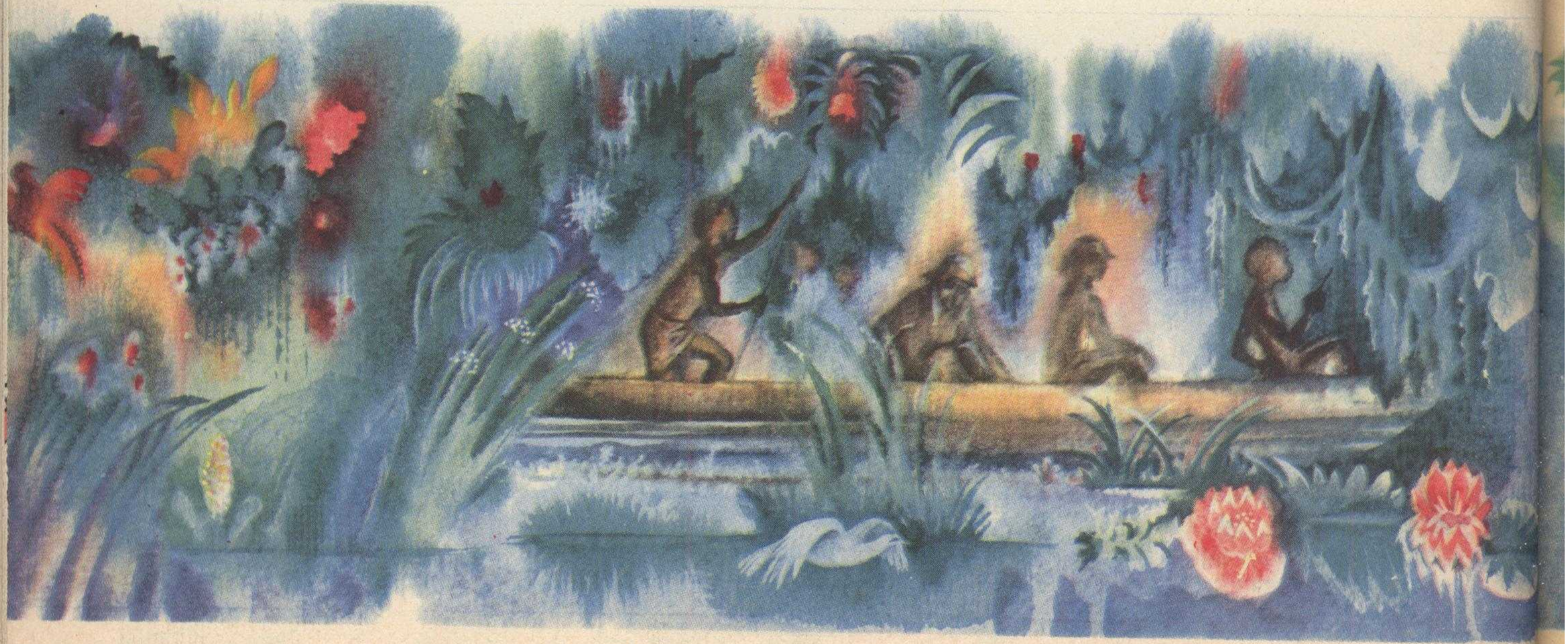
Встретить нас вышли почти все взрослые жители деревушки. Мужчины как на подбор рослые, крепкие, с широкими мускулистыми плечами, с курчавыми черными волосами. Яркие длинные рубашки или просто кусок материи ниспадают ниже колен. Женщины невысокие, коренастые. У них короткие, не всегда вьющиеся смоляные волосы. У всех две-три нитки бус на шее, яркие короткие юбки и легкие блузки навыпуск, икры ног перетянуты яркими пестрыми лентами.

На одном из островков, затерявшихся среди многочисленных проток реки Маровейне, эти люди возделывают богатую лёссовую почву, выращивают маниок, рис, ямс — разновидность картофеля, земляной орех и другие культуры.

У парамаккан, как и у других групп лесных негров, до сих пор сохраняются родовые отношения — матриархат. Наследство передается по материнской линии, в жизни селения заметную роль играют дяди по линии матери. Но высшая власть, разумеется, принадлежит вождю племени. Парамаккане называют его капитаном и избирают из среды самых уважаемых и опытных соплеменников.

И вот из толпы встречающих нас лесных негров вышел вперед человек в наполеоновской треуголке, разукрашенной всевозможными знаками и белыми кругами. Одет он в зеленый китель с бортами, отороченными белой тесьмой, и надраенными металлическими пуговицами. Белые брюки до колен плотно облегают босые ноги. На боку на длинной цепочке болтается свисток. Несмотря на всю нелепость наряда, у меня не оставалось сомнений, что именно этот человек — вождь племени. Я последовал примеру Хендрика и поклонился.

В сопровождении Альбрехта, так назвал себя позже глава парамаккан, и еще трех почтенных старцев мы с Хендриком прошествовали по селению в дом вождя. Я обратил внимание на то, что дорожки деревни прекрасно утрамбованы, а у каждой хижины на каменных плитах тлеют костры. Откуда-то распространяется нестерпимо острый запах, от которого щекочет ноздри и першит в горле.



Женщины после встречи гостей разошлись по домам, а дети сразу же принялись ворошить головешки в кострах, прыгая вокруг огня. Никто больше не обращал ни малейшего внимания на нашу странную процессию. Молча совершив обязательное для гостей вождя шествие по селению, мы остановились у одной хижины. Она отличалась от остальных тем, что у входа в нее стоял огромный тотемный столб, разукрашенный цветной резьбой, — с непонятными символами и примитивными изображениями диковинных зверей и птиц.

В доме вождя прямо на глиняном полу цвета охры стояли разные деревянные тарелки, наполненные едой. Жареное мясо и рыба, большие клубни маниока, горки белоснежного риса... Альбрехт пригласил садиться и сам сел первым, поджав под себя ноги. Еду он брал руками, то и дело запивая съеденное каким-то напитком из большого деревянного ковша. Мы во всем следовали ему, не нарушая течения праздничного ужина, хотя вначале вкус мяса и напитка показался мне не очень приятным. Позже я узнал, что мы ели мясо молодого крокодила, специально убитого к нашему приезду, а хмельной напиток изготовлялся из сока алоэ.

Но главное, конечно, был разговор. Неторопливый, степенный Альбрехт охотно отвечал на вопросы. Казалось, он знает все. И даже когда Хендрик задумался, подыскивая для перевода нужное английское слово, Альбрехт подсказал ему. Оказалось, он закончил один из голландских колледжей и даже два года учился в университете.

Образованный вождь парамаккан Альбрехт Поруба талантливо нарисовал мне картину жизни своего племени за последние два века. Память поколений хранится и передается здесь свято.

Я узнал, что у всех лесных негров отменное здоровье, они почти не болеют. Альбрехт считает, что причина этого в том, что они не испытывают недостатка в витаминах. За много веков в джунглях парамакканы научились прекрасно ориентироваться. Выучили повадки зверей и птиц, придумали множество способов приготовления пищи из мяса, кореньев, трав и листьев. Вождь утверждал, что меню их соплеменников гораздо богаче, чем в самом хорошем европейском ресторане. Но если даже случится, что кто-то занемог или поранился на охоте, его лечат настоями трав и целебными соками листьев деревьев. Целебные свойства сока одного из деревьев мне даже продемонстрировали: по приказу вождя один из негров сделал глубокий порез на пальце. Капля сока из срезанной на наших глазах ветки затянула рану. Кровь мгновенно запеклась, образовался небольшой шов, который, как меня уверяли, через день заживет.

Очень интересно мне было услышать о семей-

ном укладе жизни лесных негров. Как и в Западной Африке, откуда были вывезены в Суринам их далекие предки, муж не живет здесь в одной хижине со своей женой до рождения детей. Он строит для нее хижину рядом с материнской, обрабатывает прилегающий к ней участок земли и навещает свою жену в заранее условленное время в доме своей матери. И только с появлением первенца переселяется к жене. Нарушить этот обычай никто не имеет права, и вождь внимательно следит за этим.

Поклоняются лесные негры нескольким богам — они язычники.

Высшим божеством признают всесильное и всевидящее, мудрое и доброе, справедливое и бескорыстное Наакомпон. Есть еще добрый и злой змей, добрый и злой крокодил, злой паук, добрый тигр и другие божества. Парамакканы никогда не пугают своих детей, никогда не наказывают их за провинности.

За разговором мы не заметили, как наступил вечер.

Стало душно и еще более влажно — лес и болото отдавали дневное тепло. Я обратил внимание, что свет в хижинах не зажигается. Но в некоторых домах у костров подле входа я видел свечи и керосиновые лампы — одно из немногих свидетельств проникающей сюда цивилизации. Люди сидели у костров молча, приготовляя еду, после трапезы селение погрузилось в сон. Спят почти все лесные негры в самодельных гамаках, развешанных внутри хижин, и мне подумалось, что так, наверное, выглядел походный лагерь древних воинов, остановившихся передохнуть.

Наутро мы пошли посмотреть поселение более тщательно. Заглядывать в хижины без разрешения здесь не принято, а разрешить может только хозяин — мужчина. Но мужчин не оказалось дома — лесные негры славятся в Суриname своим умением валить лес и сплавлять плоты по самым коварным рекам, и их охотно берут на такую работу. С рассветом отчаливают они на своих каноэ и возвращаются поздним вечером. Днем в поселке остаются лишь старики, дети и женщины. В субботу и воскресенье мужчины отдыхают — возятся на своих земельных участках, играют с детьми, выделывают шкуры.

Женщины сидели у своих хижин в излюбленной парамакканами позе: поджав под себя босые ноги. Одни готовили еду, другие трепали о камень какое-то волокнистое растение. Мне сказали, что из нитей, которые они получат, ткут вручную примитивную ткань. Ее потом вымачивают в соке разных деревьев, настоянном на растертых до пыли цветных минералах, и получают материал разных расцветок, ярких, сочных тонов. Ни частой стирки, ни солнца не боится одежда, сшитая из такой ткани. Каждая семья лесных негров работает только на себя — ничего лишнего не делает, натурального обмена не существует, а вот охота и рыбалка — дело коллективное. В нем участвуют все взрослые мужчины. И так круглый год, годы, века...

Лишь через несколько дней нам удалось побывать в хижине, небольшой, сплошь увешанной гамаками. В центре ее стояли дюралевые кастрюли заводского изготовления, такие же тарелки и кружки. Ложками, вилками и ножами негры не пользуются. В углу, я заметил, валяются несколько аккуратно зачищенных от коры кусков дерева, приготовленного для резьбы.

Резьба по дереву — вычурная, сложная, тонкая — любимое занятие и мужчин, и женщин, и детей, едва они научатся нож в руках держать. Резьбой по дереву украшены лавки, комоды, посохи стариков, весла. Изделия из дерева — ритуальные маски, безделушки, украшения — лесные негры изготовляют и на продажу. Время от времени в поселке появляется какой-нибудь ловкий перекупщик, за гроши приобретает он у негров мастерски исполненные поделки, затем в городе перепродает их во много раз дороже.

Перед отъездом Альбрехт устроил прощальный ужин. Он был не менее экзотичен, чем обед в день приезда. Но больше всего поразил меня импровизированный концерт. Бурные ритуальные танцы, глухой рокот тамтамов, тонкий голосок свирелей, мягкие, протяжные, длинные старинные песни были удивительно самобытны, абсолютно не похожи ни на что из того, что я видел и слышал прежде. В сложном полифоническом звучании инструментов, созданных жителями поселка, я угадывал голоса здешних птиц и зверей, рассказ о человеческой радости и горе.

Провожать нас не пришел никто. Это не принято. На окраине поселка нас поджидали наши старые знакомые — те, кто встречал. Как и тогда, они усадили нас на плечи и отнесли в каноэ. Легкий толчок шеста о дно, и лодка плавно вошла в кустарник, надежно укрывающий прекрасный островок от посторонних взглядов.

Правительство Суринама начало сейчас освоение сельвы. Безусловно, скоро цивилизация доберется и до этого затерянного в лесах островка. Наступит день, когда образованными станут не только вожди, но каждый из племени лесных негров. И навсегда будет покончено с их дикостью и бедностью.

Молодое независимое государство Суринам полно оптимистических планов. В строительство новой жизни оно хочет вовлечь и лесных негров. Сумеют ли они привыкнуть к новой жизни? Найдут ли свое место в новом Суринаме?

Оптимизм — вот, пожалуй, наиболее точное определение политического климата в сегодняшнем Суринаме. «Работать добросовестно — теперь мы работаем на себя», «Больше выращивать — значит меньше ввозить, больше выращивать — значит больше строить», «Наши бокситы — это работа, это школы» — в этих лозунгах, начертанных на домах и тротуарах, программа борьбы и жизни народа, уставшего за долгие века от колониального унижения и позора. В этих лозунгах давняя мечта, которую теперь можно осуществить. И суринамцы полны решимости.

К ТАЙНАМ ЛЕДОВОГО ВЕЛИКАНА

А. ЯБЛОКОВ,
гляциолог, действительный член Географического общества СССР.

Фотографии автора

Центральный Памир — страна заоблачных хребтов, горных цепей, бурных рек и ледников, которых здесь несколько тысяч...

Почти все реки Средней Азии рождены ледниками. Талая вода, пришедшая с заоблачных вершин, наполняет водохранилища, каналы и арыки, обводняет пастбища, крутит стальные лопасти турбин и, самое главное, поит землю, растит урожаи — миллионы тонн хлопка, фруктов, винограда, овощей.

Среди памирских ледников есть самый большой, самый длинный, самый мощный. Это ледник Федченко, открытый русскими учеными сто лет назад.

Назвали его в честь русского путешественника Алексея Павловича Федченко. Неутомимый исследователь Средней Азии, он трагически погиб в горах незадолго до открытия ледника...

Сто лет прошло с того времени, но только в наше время величайший ледник Памира стал раскрывать свои тайны ученым — так неимоверно трудно добраться в сердце этой горной страны.

Тогда, в год открытия, ученые не смогли определить даже размеры ледника: слишком велик и грозен оказался представший перед ними ледяной великан. Со слов местных жителей они записали, что длина его достигает сорока километров. Эта цифра показалась тогда преувеличенной — **ни в Альпах, ни на Кавказе, ни на Памире, ни на Тянь-Шане не было известно ледников такой величины.**

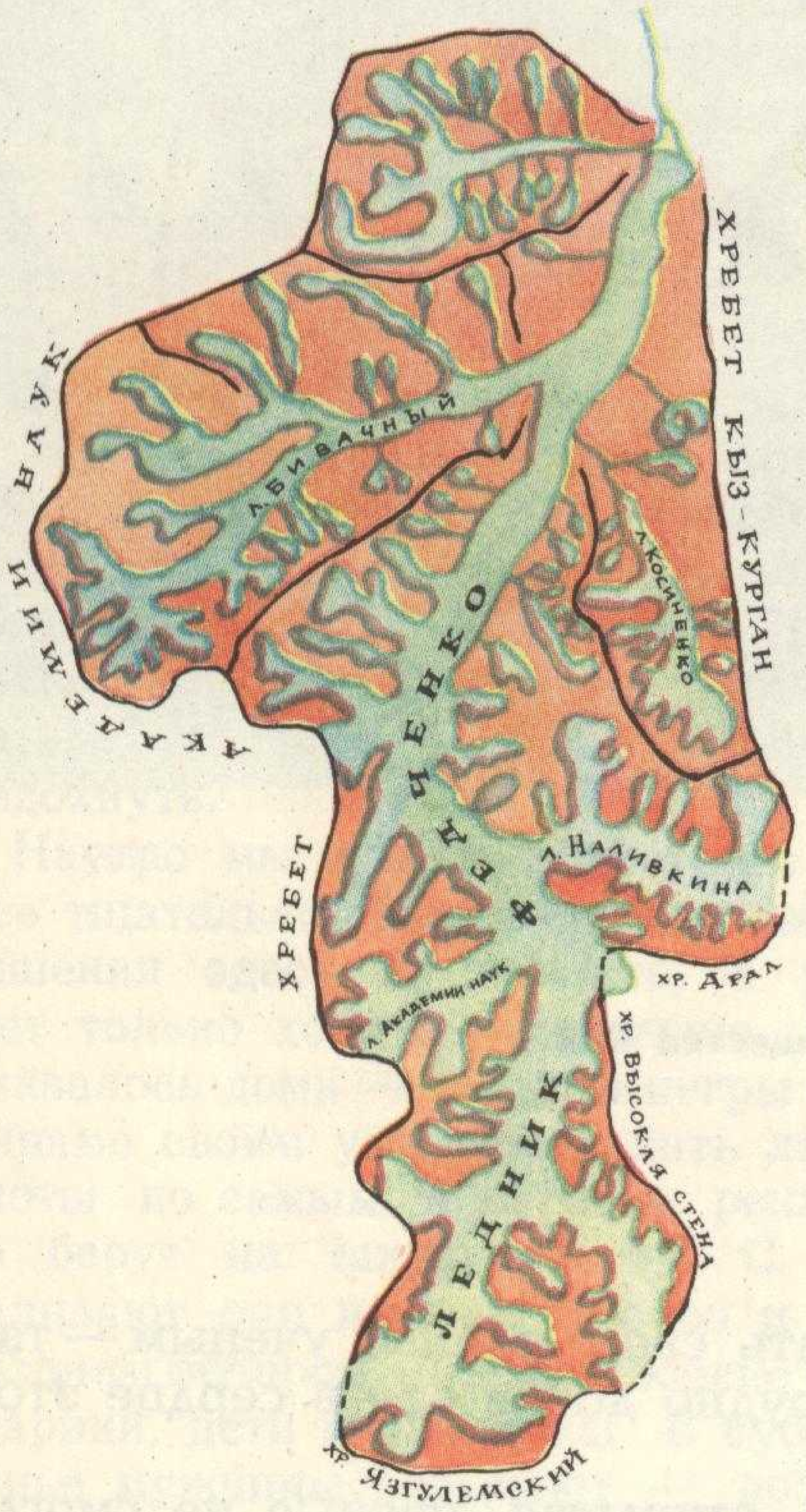
Ледник был открыт, получил имя, его нанесли на карту, но еще несколько десятилетий он оставался неведомой землей.

В 1909 году сюда пришла небольшая русская экспедиция. Исследователи впервые поднялись на ледник и прошли целых тридцать километров. Дальше двигаться было невозможно: вьючные и верховые кони по брюхо проваливались в снег.

И снова на долгие годы над ледником по-

висла тишина, нарушаемая лишь гулом ветра, рокотом лавин и треском льда.

Только летом 1928 года в холодном разреженном воздухе снова зазвучали человеческие голоса: на ледник пришла экспедиция Академии наук СССР. Группа топографов под руководством И. Г. Дорофеева составила подробную карту ледника. **Длина его оказалась равной семидесяти семи километрам! Ширина местами превышает пять километров, а общая площадь — более восьмисот квадратных километров.** На карте он похож на дерево с ветвями — притоками. В системе ледника Федченко — сто небольших ледников, их общая длина пятьсот километров. Начинается ледник на высоте около шести тысяч метров над уровнем моря, заканчивается ниже трех тысяч метров. Движется он со скоростью около полуметра в сутки. Определять толщину льда в те времена еще не умели.



На схеме ледник Федченко похож на дерево с ветвями — притоками.

Изучение ледника растянулось на несколько лет. Исследования становились шире, подробнее, в экспедициях участвовали и молодые ученые и такие, как, например, академик Отто Юльевич Шмидт, впоследствии прославленный челюскинской эпопеей, или нарком юстиции Николай Васильевич Крыленко...

Коротко лето в горах, особенно на большой высоте, а зимой на леднике в палатках долго не проживешь, вот почему для детального изучения ледника решено было построить хорошо оборудованную гидрометеорологическую станцию.

Летом 1933 года на скалистом уступе левого края ледника Федченко на высоте около 4200 метров над уровнем моря начала свою работу самая высокая гидрометеорологическая станция. И с тех пор — скоро уже полвека! — звучат в эфире ее позывные. Здесь живут, сменяя друг друга, экипажи зимовщиков. Многие из них провели на леднике уже по нескольку лет. И это в центре Памира, почти в середине тропосферы, где пища варится дольше, вода закипает почти при восьмидесяти градусах, где каждое усилие, резкое движение заставляют сердце биться часто и быстро.

Крепок, уютен и надежен домик на леднике Федченко, хоть вовсе наружу не выходи, но нельзя — работа.

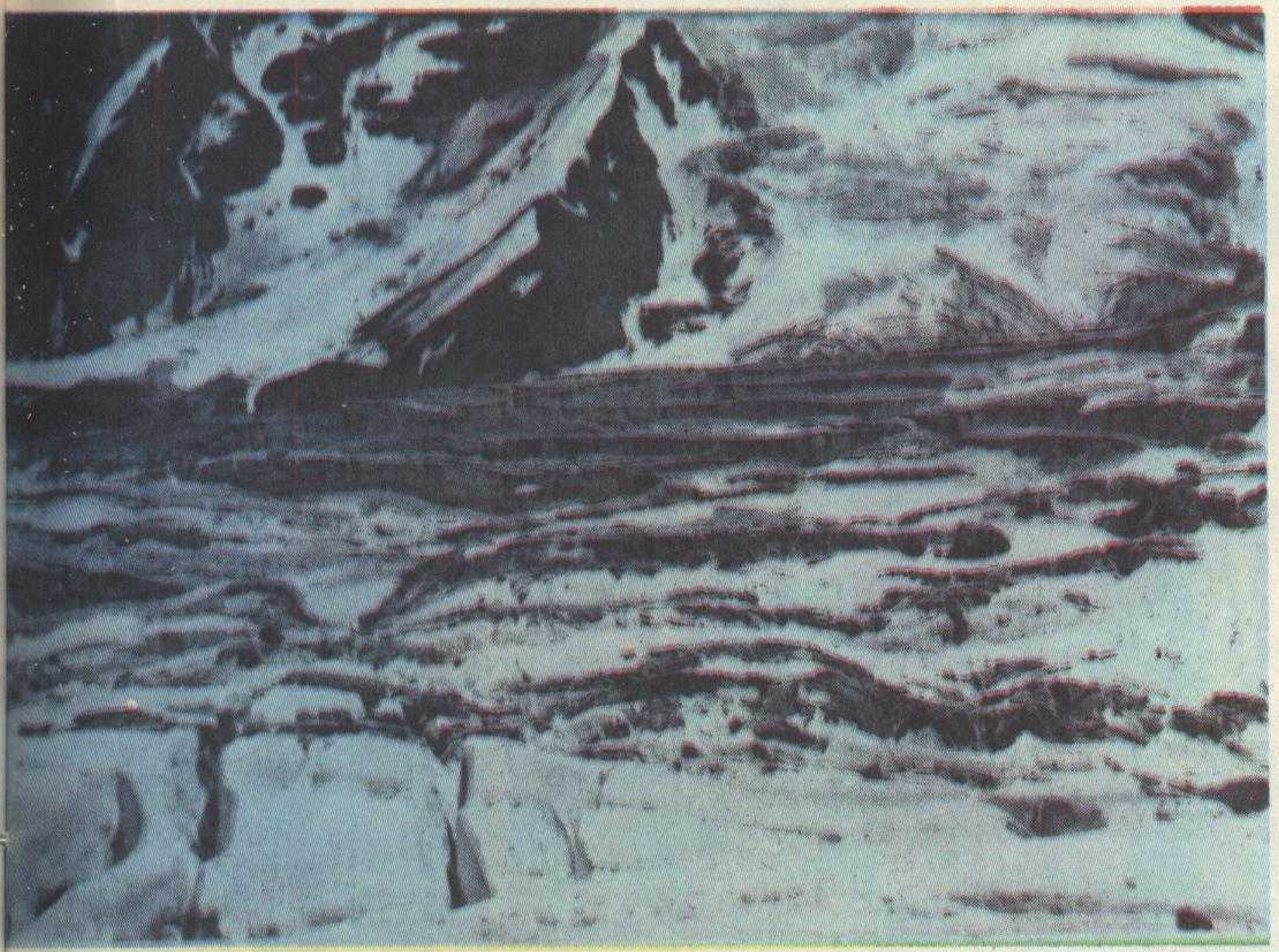
Каждые три часа идут на метеоплощадку наблюдатели, собирают сведения о температуре, влажности воздуха, облачности, осадках, ветре. Все это необходимо для составления прогнозов погоды.

Зимовщики наблюдают за скоростью движения ледника, за таянием льда, а главное, за накоплением снега на леднике. Чем больше снега на склонах гор и ледниках, тем больше воды будет весной в водохранилищах, на полях и в садах.

Почти полвека на этой высотной станции идет изучение ледника-великана.

Ледник хранит в себе еще много загадок. Зимовщики сейчас работают в средней части ледника. А истоки его? Этот вопрос впервые изучался не так давно во время Международного геофизического года. Группа ученых зимовала тогда у самых истоков ледника Федченко — на высоте Эльбруса. Они выясняли, как ледник питается; когда, в каком количестве накапливается снег в его верховьях, как он превращается в лед.

Немало самых удивительных, порой опасных приключений выпало на долю зимовщиков. Их маленький сборный домик «дрейфовал», съезжал вместе с ледником, со скоростью около двухсот метров в год.



Гигантской ледяной лестницей застыл ледопад...

Другая группа изучала в это время таяние льда, превращение его в воду у подножия ледника. Всего во время геофизического года в работе на леднике принимали участие более ста человек!

Тогда же сейсмическим методом — по отражению взрывных волн от каменного ложа под ледником — впервые была определена его толщина: целый километр! Ученые подсчитали: в леднике более ста сорока кубических километров воды — настоящее море!

О леднике узнали многое, но его сизый лед скрывает в себе еще немало тайн...

И сейчас, когда ты читаешь о нем, кто-то, защищая глаза от колючего, острого ветра, идет на метеостанцию, чтобы через несколько минут, точно по расписанию прозвучали в эфире позывные ледника Федченко.

В наши дни исследователей на ледник доставляют вертолеты.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Мы получили очень много ответов на викторины таджикского журнала «Машъал» и грузинского «Пионери».

И вот теперь жюри подвело итоги.

Лучшие работы по обеим викторинам у **Сергея Суторлина,** пятиклассника из поселка Середейский Калужской области. Сережа не первый раз принимает участие в наших конкурсах. Он уже был в числе победителей украинской викторины.

Лучшие ответы на викторину «Машъал» прислали:

Оля Борисова из Ленинграда,

Лена Коржикова из Кременчуга,

КИД «Меридиан» из поселка Абан, Красноярского края.

Кстати, ребята из «Меридиана» прислали очень хорошую работу и на викторину «Пионери».

Жамсо Нимаев из села Иволга Бурятской АССР,

Алена Язовских из Ферганы,

Галя Кулешова и **Галя Соловьева** из города Спас-Деменск Калужской области. Эти девочки и Алена Язовских прислали еще и кукол в национальных таджикских костюмах, которые сшили сами.

На викторину журнала «Пионери» лучше всех ответили:

ученики 7 «а» класса средней школы № 9 поселка Купяновск-Узловая Харьковской области,

Вера Гладышева из Ижевска,

КИД «Единство» из города Петровска Саратовской области,

Стародумов Игорь из села Бондюг Пермской области,

ученики 4 «а» класса средней школы № 16 города Волгограда,

Букаревы Таня и **Злата** из города Владимира.

«Пионер» поздравляет победителей и благодарит всех ребят, приславших свои работы на викторины.

В. КАВЕРИН

Сын Стекольщика

СКАЗКА

Окончание. Начало в № 6.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Тропинка, с которой свернуть невозможно

Госпожа Ольоль по-прежнему надеялась, что Николай Андреевич не всегда будет говорить: «Вы похорошели», а скажет вдруг: «Не хотите ли вы быть моей женой?» Но он вообще почти перестал говорить. Он теперь только ругал Горнемухстрой и себя за то, что согласился построить пекарню.

«Конечно, если бы у него не было дочки,— думала госпожа Ольоль,— ему волей-неволей пришлось бы жениться на мне. В конце концов он много старше меня, а в таких случаях дело обычно кончается свадьбой».

Конечно, это было сложно — заставить Таню, например, заблудиться в Немухине, который она прекрасно знала. Но ведь можно послать ее в Мухин, за которым начинается лес, и заставить ее заблудиться в этом лесу, где, между прочим, за последнее время развелись кабаны.

«Но надо действовать осторожно»,— думала госпожа Ольоль и после долгих размышлений остановилась на самой обыкновенной шерстяной нитке.

Эту нитку она выдернула из старого Тани-

ного свитера, а заколдовать нитку ничего не стоило — этот предмет проходили во втором классе, а она кончила четыре.

— Милая Танечка, — сказала она однажды, — мне хочется попросить тебя сходить к моей бабушке в Мухин. Отнеси ей, пожалуйста, бутылку молока и пару пирожков, которые остались от вчерашнего ужина. И скажи ей, что я зайду в воскресенье, а может быть, даже в субботу.

Нельзя сказать, что Тане так уж хотелось идти в Мухин, тем более что в этот день она должна была приготовиться к контрольной по литературе. Но она была слишком вежлива, чтобы отказаться.

И вот она взяла молоко и пирожки и отправилась в Мухин, а госпожа Ольоль положила нитку на стол и растянула ее — сперва прямо (чтобы Таня отдала бабушке молоко и пирожки), а потом круто налево, — чтобы Таня попала в лес, откуда выбраться было почти невозможно.

А Таня между тем шла и шла. Она перебралась по деревянному мостику через Немухинку, встретилась с бабушкой, отдала ей молоко и пирожки и спокойно вернулась домой. Что же произошло? Почему же госпоже Ольоль не удалось заставить ее заблудиться? Очень просто: котенок прыгнул на стол и сперва поддел нитку лапой, а потом запутал ее — он решил, что госпожа Ольоль решила с ним поиграть.

— Спасибо, милая девочка, — сказала она, когда Таня вернулась. — Надеюсь, что моя бабушка хорошо тебя встретила.

— О да! — ответила Таня. — Она даже сказала спасибо.

Прошло несколько дней, и госпожа Ольоль снова попросила Таню заглянуть к бабушке — доктор прописал ей редкое лекарство, которое с трудом удалось достать в аптеке.

И Таня даже обрадовалась: она подумала, что госпожа Ольоль не то что полюбила ее, но по меньшей мере не желает ей провалиться сквозь землю.

Она взяла лекарство, отнесла его бабушке, но, возвращаясь, повернула не направо, к мостику, а налево, к темному лесу. Перед ней вдруг появилась тропинка, по которой не очень хотелось идти, — она вилась среди густых елей. Но Таня все-таки пошла по тропинке — ноги почему-то перестали ей повиноваться.

«Неужели между Мухиным и Немухиным я могла заблудиться?» — подумала Таня.

Как ни странно, но, по-видимому, это было действительно так. Тропинка вилась и вилась, начинало темнеть, ели в сумерках казались огромными чудовищами, присевшими на задние лапы, чтобы прыгнуть на Таню. Душа у нее уже совсем собралась уйти в пятки, но она была храбрая девочка и приказала себе успокоиться, а это было не так-то просто! Более того: она вспомнила сказку о Мальчике-с-пальчике, который бросал камешки на дорогу, чтобы вернуться домой. Правда, у нее не было камешков, зато на шее висело довольно длинное стеклянное ожерелье.

«Разорву-ка я его, — подумала она, — и стану бросать по одной бусинке через каждые десять шагов».

Так она и сделала. Но, увы! Ожерелье было хотя и длинное, но не очень. А между тем где-то поблизости промчалось, ломая ветки и отвратительно хрюкая, какое-то животное. Неужели кабан?

Вот когда душа у нее действительно ушла в пятки — никакие силы не могли ее удержать. Таня стала плакать, сперва негромко, потом все сильнее и, наконец, слезы градом хлынули из ее глаз и вместо бус стали падать на тропинку. Некоторые, самые крупные, попали ей на руки, и она с удивлением подумала, что они действительно похожи на град. Но еще больше они были похожи на ее собственные бусы, из которых можно было сделать не одно, а тысячу ожерелий.

Это было, конечно, нечто вроде весточки от Сына Стекольщика — кто же еще мог превратить слезы в стеклянные бусы?

«Он помнит обо мне, — радостно подумала Таня, — и нет ничего невероятного, если я возьму, да и пойду назад по тропинке. Мне кажется, что она больше не заставляет меня идти вперед».

И, скомандовав себе: «Кру-гом!», она сделала полный оборот и пошла назад в Мухин — ведь теперь через каждые десять шагов она видела блестящую бусинку, и ей даже захотелось подобрать их — ведь тогда у нее было бы ожерелье из собственных слез.

Она снова — только на этот раз в обратном направлении — прошла расколдованную тропинку и побежала домой быстрее, чем даже на состязаниях, когда ей удалось бы прийти второй, если бы не развязался шнурок.

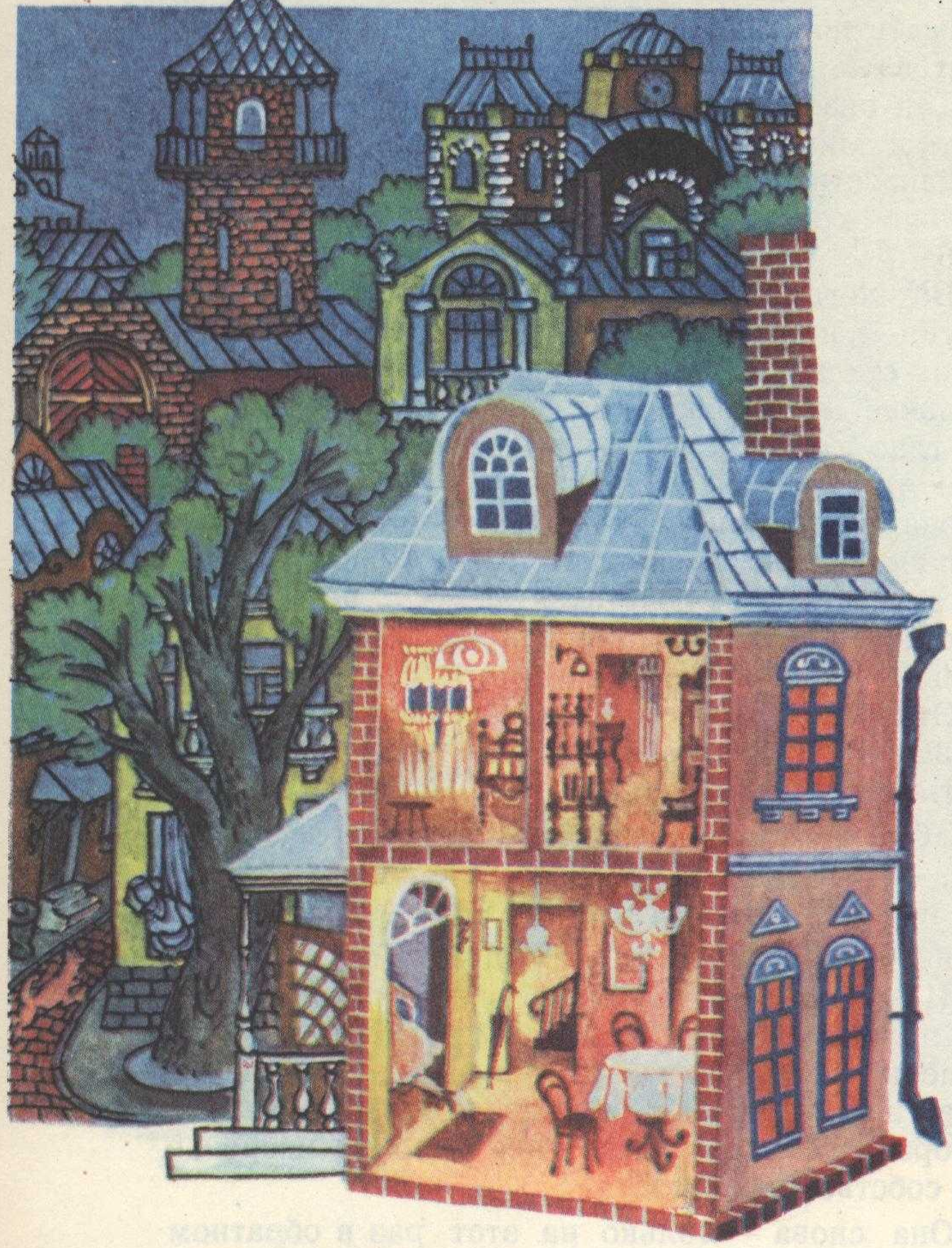
Госпожа Ольоль только дважды падала в обморок. В первый раз, когда оказалось, что моль почти без остатка съела ее роскошную парижскую шаль, а второй раз, когда в ее тарелку с гороховым супом попал таракан, — она до смерти боялась тараканов.

Увидев Таню, которая весело барабанила в дверь, она хоть и не упала в обморок, но остолбенела и долго не могла выговорить ни слова.

— Госпожа Ольоль, что с вами? — спросил Николай Андреевич. — Таня сегодня поздно вернулась из школы, и давно пора завтракать, то есть я хочу сказать — ужинать, а на стол еще не накрыто.

На берегу Ропотамо

Сын Стекольщика не сказал Тане, когда он вернется. Но, уходя, он оставил в Немухине Заботу о ней — она-то и превратила ее слезы в бусы. Он был предусмотрительным волшебником и прекрасно понимал, что госпожа Ольоль не оставит Таню в покое. Забота была одним из тех чувств, которые верно ему служили.



Городок на Синем море, которое почему-то называется Черным, был удивительный городок...

Он уехал, а чувство осталось. Забота сделала то, что на ее месте сделал бы он.

А между тем Сын Стекольщика шел и шел, останавливаясь, чтобы отдохнуть в оранжереях. Он хорошо чувствовал себя среди цветов. С его появлением они, здороваясь, наклоняли головки, а когда он уходил, мысленно желали ему счастливой дороги.

И вот, наконец, он пришел в городок на Синем море, которое почему-то называется Черным, и, надо сказать, что это был удивительный городок. Его жители относились с глубоким уважением не только друг к другу, но и к альбатросам, ветряным мельницам, старым, отслужившим якорям, к морским скалам, буревестникам и даже акулам. Этому не стоит удивляться. Все они были рыбаки, а рыбаки и моряки любят чувствовать себя на суше, как в море. Вот почему улицы своего городка они назвали именами морских птиц, морских животных и морского ветра, который усердно вертел мельницы, хотя муку уже давно продавали не на мельницах, а в продовольственных магазинах.

Старый волшебник редко бывал в городке Ропотамо, в котором одна прозрачная струя лепетала что-то другой, еще более прозрачной, и он любил часами сидеть на берегу, перебирая в уме все, что случилось в прошлом, и не жалея о том, что в будущем уже не случится.

Это был высокий худощавый старик с седой бородкой, с узким лицом и детскими голубыми глазами. Ему нравилось, что друзья некогда сравнивали его с Дон-Кихотом, — это была его любимая книга.

В молодости, когда он еще не был волшебником, он кончил университет. Его дипломная работа называлась «Заклинания в сказках и в жизни», и он убедительно доказывал в ней, что чудеса надо изучать, потому что они не падают с неба. Почти все заклинания против сплетен, интриг и предательств он знал наизусть — самый искусный индийский факир показался бы в сравнении с ним неопытным мальчуганом. Сына Стекольщика он тоже считал мальчуганом.

— Здравствуй, малыш, — сказал он, увидев в струях Ропотамо мелькнувшее отражение, — рад тебя видеть. Не сомневаюсь, что ты пришел ко мне по важному делу. Последнее время я замечаю, что среди волшебников появилось много энергичных молодых людей, которые не теряют времени даром.

— Да, дело серьезное, — отвечал Сын Стекольщика. — Оно касается поступка одной женщины, которую даже нельзя назвать профессиональной ведьмой. Ей разрешено было раз в жизни превратить кого-нибудь во что-нибудь и она воспользовалась этой возможностью для подлой, отвратительной цели. Я убежден, что с вашей помощью можно совершить обратное: превратить что-нибудь в кого-нибудь. Скажу точнее: ничего не чувствующей бронзовой статуэтке нужно вернуть ее драгоценную человеческую сущность, то есть снова сделать ее любящей, тонко чувствующей матерью и женой. Могу ли я надеяться на вашу помощь?

Старик задумался — и все задумалось вокруг — далекий парус, блеснувший там, где река соединяется с морем, маленький дом, похожий на птицу с распростертыми крыльями, присевшую на морские скалы, ослик у калитки — на нем Старик ездил в городок, чтобы купить хлеба и вина. Задумался даже пролетавший мимо гларус — есть на свете такая птица, которая любит людей и живет рядом с печными трубами на крышах Ропотамо. Река не могла остановиться, чтобы помочь Старику, но на всякий случай она стала еще более прозрачной — до самого дна. «Может быть, — подумалось ей, — глядясь в мои воды, он вспомнит свое заклинание?»

— Ну, что же, малыш, — сказал после долгого молчания старик. — Когда-то один нищий поэт, искренний и потому великий, сочинил стихи, которые помогут тебе. Мы встречались. Как никто другой он умел вдохнуть жизнь в мертвое слово. А ведь слово и жизнь человека — родные братья и даже, я бы сказал, близнецы. Вот почему я уверен в том, что его стихи, возвращавшие жизнь слову, могут вернуть жизнь и человеку, в особенности если за него хлопо-

чут целых два поколения волшебников. Стихотворение короткое, но я не могу записать его для тебя. Ты запомнишь его — ведь у тебя хорошая память.

И он произнес маленькое стихотворение, в котором поэзия верно служила мудрости, а мудрость — поэзии.

— А теперь прощай,— сказал Старик.— Я не считаю потерянным тот час, который я провел с тобой. Он украсил мою одинокую старость.

«Мы должны остаться вдвоем: я и твоя мама»

Между тем в Немухине все было бы хорошо, если бы решительно все не было бы плохо. Сын Стекольщика поручил Заботе оберегать только Таню, а между тем давно было пора позаботиться о ее отце. Если бы у него был помощник, который собственноручно толкал бы кирпичи и цемент не к строившемуся кинотеатру, а к строившейся пекарне, дело пошло бы на лад. Но помощника не было, а чудеса, которые время от времени случались в городе, почему-то обходили пекарню стороной, хотя именно в них-то она и нуждалась.

Так обстояли дела, когда Таня, которая повторяла трудные, скучные упражнения, с удивлением заметила, что запылившиеся стекла оранжереи снова стали прозрачными, и даже прозрачнее, чем в тот далекий день, когда они впервые были вставлены в рамы.

«Неужели вернулся?» — радостно подумала Таня. И не ошиблась, потому что не прошло и пяти минут, как она услышала знакомый голос.

— Конечно, вернулся,— сказал Сын Стекольщика.— И даже не один, а с подарком, дороже которого для тебя нет ничего на свете. Но прежде всего мне надо рассказать историю твоей мамы. Дело в том, что когда она побежала за горчицей, госпожа Ольоль превратила ее в бронзовую статуэтку. А через несколько минут по вашей улице проходил Заведующий Комиссионным Магазином, хотя и подслеповатый, однако замечавший все, что могло пригодиться для дела. Разумеется, он не узнал твою маму. Немного удивившись (в самом деле, каким образом такая вещь могла оказаться в Немухине?), он подобрал ее и поставил на полку своего магазина. Несколько дней я искал ее и наконец нашел — ведь ты показала мне фотографию. С Пал Палычем — кажется, его зовут именно так — пришлось поговорить. Ты понимаешь, я боялся, что он продаст кому-нибудь статуэтку, и тогда оказалось бы, что я напрасно добрался до Старого Волшебника, который помнит все заклинания, и напрасно задумался ослик у калитки, и белый гларус, и река Ропотамо, которая постаралась стать еще прозрачнее, хотя это было уже почти невозможно. Они помогли Старику, и он вспомнил заклинание, которое некогда подарил ему нищий поэт. Вот оно:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы[1].

— Мы должны остаться вдвоем — твоя мама и я. Больше того, она должна вернуться к жизни в том месте, где потеряла ее. Но прежде надо, чтобы госпожа Ольоль навсегда исчезла из вашего дома. Ведь она часто смотрится в зеркало?

— Каждую минуту.

— Говорят, что лицо — зеркало души. Вот она и увидит в зеркале свою душу.

---

[1] Стихотворение принадлежит Велимиру Хлебникову.

Старый волшебник любил часами сидеть на берегу Ропотамо, перебирая в уме все, что случилось в прошлом.

Госпожа Ольоль в зеркале увидела безобразное лицо.

Зеркало души

Нельзя сказать, что это был удачный день для госпожи Ольоль. Проснувшись, она встала с левой ноги — плохая примета. На всякий случай она снова легла в постель, немного поспала и на этот раз встала с правой. Надев халат, она умылась и подошла к зеркалу, чтобы причесаться, подвести веки, подкрасить щеки, словом, сделать все, чтобы Николай Андреевич наконец предложил ей руку и сердце.

Но едва увидев себя в зеркале, она шарахнулась от него с таким криком, что котенок, мирно спавший на подоконнике, свалился и чуть не попал под машину.

В зеркале она увидела безобразное лицо с приплюснутым носом, крошечными красными глазками без ресниц, ртом до ушей и длинными, как у осла, ушами.

До сих пор она верила своим глазам, и они действительно обманывали ее очень редко. Но на этот раз не поверила.

— Не может быть, — сказала она твердо. — Все знают меня как довольно хорошенькую женщину. Ресницы у меня, например, такие длинные, что я трачу не меньше пятнадцати минут, чтобы их хорошенько покрасить. У меня оригинальное, симпатичное личико, на которое приятно смотреть, в особенности когда я чуть-чуть улыбаюсь. Пойду-ка я к другому зеркалу, в старинной раме. Помнится, Николай Андреевич говорил, что ему уже двести лет, а в таком почтенном возрасте не принято врать.

Но, увы! И в старинном зеркале она увидела себя с приплюснутым носом, крошечными красными глазками без ресниц, со ртом до ушей и длинными, как у осла, ушами.

Она попробовала крепко зажмуриться, а потом открыть глаза. Ничего не изменилось! Она сильно ущипнула себя за руку — может быть, это сон? Но часы показывали половину восьмого, скоро встанет Николай Андреевич и уж теперь-то он едва ли скажет: «Ого-го, госпожа Ольоль, а ведь вы опять похорошели!»

Если бы она знала, что лицо — зеркало души, она догадалась бы, в чем дело: все зеркала, в которые она смотрелась, отражали теперь не ее лицо, а ее душу. Но она не знала. Она всегда думала, что у нее душа, если не безупречная, так по меньшей мере не хуже, чем у любой ведьмы средних лет, а даже лучше.

Между тем проснулся не только Николай Андреевич, но и Таня.

В отчаянии она снова посмотрела в зеркало — в свое собственное, которое она вынула из сумочки, — и с размаху бросила его на пол.

Зеркальце разбилось, кстати, это тоже было дурной приметой. Но госпоже Ольоль было не до примет. Наскоро побросав свои вещи в чемодан, она побежала в Мухин. Одной рукой она закрывала лицо — совершенно напрасно! Все равно никому не могло прийти в голову, что это она. Ворвавшись в свою комнату, она заперлась на ключ. Бабушка, которая не успела ее разглядеть, предложила ей чаю или кофе. Она крикнула в ответ:

— Никогда, ничего, никому!

По-видимому, это означало, что она ничего не хочет, никому не покажется и больше никогда не будет ни есть, ни пить.

Очень может быть, что она и до сих пор сидит в своей комнате. А может быть, проголодавшись, она все-таки позавтракала и постаралась притвориться, что ничего не случилось. Во всяком случае с тех пор никто ее не видел. Она стала вести уединенный образ жизни, или, иначе говоря, никого не приглашала к себе и сама никогда не выходила из дома.

Мария Павловна покупает горчицу

Через два-три дня на стеклянной двери комиссионного магазина появилась записка: «Решил закусить. Приду через час». Однако нельзя

сказать, что магазин опустел. В укромном уголке сидел Сын Стекольщика, дожидаясь, когда он останется наедине с бронзовой статуэткой, которую он снял с полки и поставил перед собой на прилавок.

У Заботкиных — об этом он условился с Таней — все было устроено точно так, как было в тот день и час, когда Мария Павловна побежала в лавочку за горчицей. Стол был накрыт на три прибора, хотя Николай Андреевич уже успел забыть, что госпожа Ольоль куда-то исчезла, не простившись ни с ним, ни с Таней.

К ужину так же, как и три года назад, были приготовлены сосиски, и если бы Николай Андреевич не был таким рассеянным человеком, он удивился бы, увидев, что Таня, прежде чем сесть за стол, впервые в жизни приняла двадцать валериановых капель. Волнуясь, она смотрела на стенные часы, и ей казалось, что минутная стрелка не обгоняет часовую, а плетется за ней, как будто ей не было никакого дела до того, что должно было случиться в комиссионном магазине.

Между тем едва только Сын Стекольщика громким внятным голосом произнес стихи нищего поэта, как подле продуктовой лавочки появилась красивая молодая женщина, бежавшая за горчицей. К счастью, у продавщицы, совсем молоденькой девушки, было тренированное сердце, иначе, пожалуй, она упала бы в обморок, увидев Марию Павловну, которую так долго искали и не нашли лучшие собаки-ищейки.

Но сама Мария Павловна вела себя, как будто ничего не случилось. Она купила баночку горчицы, побежала домой и, войдя в столовую, сказала, как ни в чем не бывало:

— Танечка, я, кажется, немного задержалась. Наверно, сосиски остыли. Подогрей, пожалуйста, а я пока заварю чай.

Корочка хрустит

Теперь у Сына Стекольщика осталось еще одно маленькое дело, то самое, о котором он сказал: «Ну, это несложно».

И действительно, через несколько дней, когда немухинцы немного привыкли к тому, что Мария Павловна вновь стала работать в Институте Красоты или, точнее сказать, когда от дверей Института через весь город выстроилась очередь, Председатель исполкома и Завнемухстрой одновременно проснулись с одной и той же мыслью: «Пекарня».

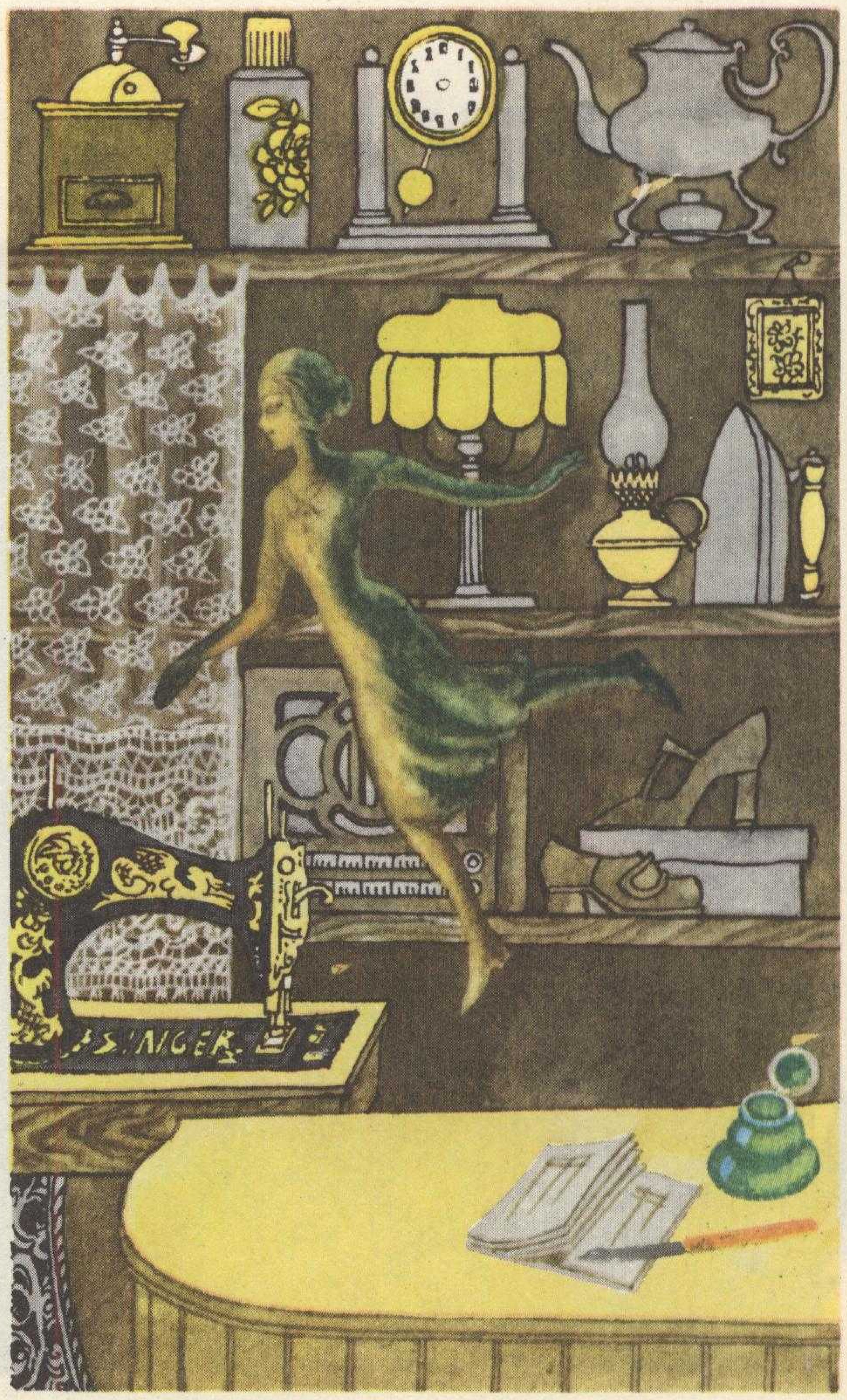
«В самом деле, — одновременно решили они, — непростительно так небрежно относиться к строительству пекарни в то время как люди с нетерпением ждут появления домашнего черного хлеба с вкусной хрустящей корочкой, которым с незапамятных времен славился наш город».

Весьма возможно, что эту мысль внушил им один из посетителей, которого действительно невозможно было заметить. Так или иначе, к удивлению Николая Андреевича, в тот же день к строившейся пекарне стали стремительно подлетать машины — одна с цементом, вторая с кирпичом, третья с готовыми стенами, в которые были вставлены незастекленные рамы, четвертая снова с цементом. Рабочие, среди которых были настоящие мастера, взялись за дело с такой энергией, что в некоторых бригадах был отменен перекур.

Пекарня начала расти как снежный ком, хотя она, разумеется, ничем не напоминала снежный ком и даже обещала стать одним из самых красивых немухинских зданий. Верхолазы легко взлетали на трубу, и Николаю Андреевичу не приходилось беспокоиться за них, потому что многие из них были мастерами спорта, привыкшими летать над своими снарядами.

Словом, работа, что называется, кипела, и Николай Андреевич по рассеянности даже не заметил, кто и когда вставил в рамы такие прозрачные стекла, что плотники разбили одно из

Подле продуктовой лавки появилась красивая молодая женщина — бывшая бронзовая статуэтка,— бежавшая за горчицей.



них, думая, что рама, через которую они поднимали доски на второй этаж, осталась незастекленной.

И вот, наконец, наступила торжественная минута: уютно устроившись на ленте конвейера, одна буханка за другой поплыли, как черные лебеди, в строгом порядке. Они мягко падали в корзины, которые на другом конвейере удалялись в кладовые, выложенные, как, впрочем, и вся пекарня, голубой плиткой — голубой потому, что это цвет мечты и надежды.

Потом конвейер был остановлен и наступила еще более торжественная минута, когда решительно всем пришлось волей-неволей затаить дыхание, а некоторые даже приложили руку к груди. Гроссмейстер по выпечке хлеба, приехавший из столицы, еще молодой, но уже успевший прославиться, с закрытыми глазами, чтобы показать, что он не выбирает, взял одну из буханок, разломил ее — и корочка не только разломилась с нежным, хрустящим звуком, но зазвенела, как серебряный колокольчик. Гроссмейстер положил ее в рот, и наступило молчание, мертвое молчание, которое продолжалось все время, пока он жевал ее, катал во рту, причмокивал и, наконец, проглотил.

— Ну, как? — хором спросили немухинцы.

Молодое, серьезное лицо Гроссмейстера стало еще серьезнее, но глаза радостно засмеялись.

— Примите мои самые сердечные поздравления, дорогие друзья, — сказал он, — корочка хрустит, и можно с уверенностью сказать, что на свете едва ли найдется более вкусный, более нежный и, я бы даже сказал, более представительный хлеб.

Слепой дождь

Вот теперь, с хрустящей корочкой во рту, можно, пожалуй, закончить эту историю. Но тогда пришлось бы обидеть Сына Стекольщика и Таню, потому что у них был еще один разговор, который заслуживает упоминания.

На следующий день после торжественного банкета, который был устроен в честь Николая Андреевича и других строителей пекарни, Таня вновь пошла в оранжерею. Просто она надеялась... Впрочем, не все ли равно, на что она надеялась? Может быть, ей хотелось проститься с кем-нибудь или сыграть кому-нибудь сонату, которую она на днях разучила?

Музыку трудно выразить в словах, на то она и музыка, а не поэзия или проза. Но если бы музыкальные фразы этой сонаты стали фразами человеческой речи, они говорили бы о том, чего ей хочется... Нет, не увидеть Сына Стекольщика, ведь это было невозможно. Просто поблагодарить за все, что он сделал для нее и папы, а в особенности для мамы.

Она играла с каждой минутой все лучше и

Можно было различить черты доброго и гордого молодого лица, стеклянный шлем на голове, стеклянный панцирь, стеклянные латы.

лучше, потому что вдруг почувствовала, что ее слушают не только цветы.

— Здравствуй, Таня, — услышала она знакомый добрый голос. — Ты сделала заметные успехи. Соната трудная, а ты сыграла ее превосходно. Я понял каждое слово и могу ответить, что все равно постарался бы еще раз встретиться с тобой. Ведь было более чем невежливо уйти не простившись!

— А нельзя как-нибудь устроить, чтобы вы не ушли? — спросила Таня. — Мне кажется, что когда вы в Немухине, не только люди, но даже предметы становятся... как бы это сказать... Ну, прозрачнее, что ли. Или во всяком случае приветливее и добрее. Сегодня, когда я вошла в столовую, мне показалось, например, что стенные часы сказали мне «Доброе утро».

Если бы Сын Стекольщика не был прозрачным, она увидела бы, что он грустно покачал головой.

— Я бы охотно остался, милая Таня, — сказал он. — Немухин — тихий, симпатичный город, в котором многие желают друг другу добра. Но, ты понимаешь, я странник, а странники не могут жить без странствий, так же, как моряки без моря. Ты не жалеешь, что сегодня дождливый день?

— Конечно, жалею. Но еще больше я жалею, что это не слепой дождь. Ведь вы сказали, что при свете солнца в дождливый день я могла бы вас увидеть.

Едва ли солнце появилось только потому, что на это надеялась Таня. Но оно действительно появилось, и каждая капля, падавшая на город, засверкала, как алмаз, хотела она этого или не хотела.

Мягкий, сияющий свет упал на оранжерею, и в этом свете Таня увидела чуть заметный силуэт, как будто обведенный тонкой серебристой линией. Можно было различить черты доброго и гордого молодого лица, стеклянный шлем на голове, стеклянный панцирь на груди, стеклянные латы.

— Я вижу вас! — успела крикнуть Таня, успела, потому что солнце скрылось прежде, чем она добавила: — Какое счастье!

— Нам повезло, — сказал Сын Стекольщика. — Ты увидела меня, а я успел убедиться в том, что мой панцирь и латы в полном порядке. А теперь мне пора! Кто знает, может быть, мы еще когда-нибудь встретимся. А если нет... Ну, что ж! Ведь самое главное — не забывать друг о друге.

Говорят, это была минута, когда все стекла в Немухине прощально зазвенели, так что некоторые пугливые люди вроде Пал Палыча, вообразили, что началось землетрясение. Но на самом деле это просто значило, что сказка о Сыне Стекольщика кончилась.

Он снова отправился странствовать, не дожидаясь, пока пройдет дождь.

КОНЕЦ

Галим ДАВЛЕТОВ

Горные цветы

**Как-то,
Говорят, у нас в горах
Радуга
На грудь горы упала
И разбилась на сырых камнях...
Но навеки все же не пропала!**

**В тот же миг,
Прекрасны и чисты,
Радужным созвездием веселым
Загорелись
Первые цветы
На горе — всегда пустой и голой.**

**Не забудь,
Пожалуйста,
И ты
Сказку эту, что жила когда-то...
Не срывайте
На горах цветы,
Пожалейте радугу,
Ребята!**

Елочка

**Всегда зелена
И на диво стройна,
Всех выше в саду
И красивей она.
А помнишь,
Как буйный
Весенний поток
Ее за собой
По течению влек?
На льдины бросал,
И крутил, и топил,
И черной волною
Безжалостно бил.
Мы с берега
Ей протянули багор
И в землю вернули,
И с этих вот пор
У наших ворот,
Зелена и стройна,
Стоит, словно пальма,
Красуясь она.
И ветер, промчась
По весенним садам,
Обратно спешит
К ее пышным ветвям.
— Ну, здравствуй, родная,
Как жизнь?
Как дела?
Большое спасибо,
Что к нам приплыла!..**

**Перевел с башкирского
Леонид МЕЗИНОВ.**

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

ВЗЯЛ ЛИ МЯЧ ВРАТАРЬ?

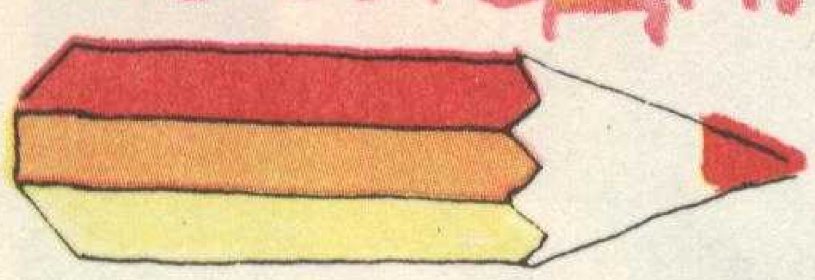
ИГРЫ Лупы и Пинцета

Футбольные команды Болгарии, Венгрии и Польши недавно провели между собой дружеские встречи. Мы тоже были на этих матчах. Пинцет так волновался, что в таблице, которую он составлял, оказалось много пропусков. Эта таблица перед вами.

Пинцет, однако, уверяет: из того, что он записал, можно узнать счет всех игр. Ответьте на вопрос: взял ли венгерский вратарь мяч, посланный в его ворота на последней минуте встречи с Болгарией?

КОМАНДА	ВЫИГРАНО МЯЧЕЙ	ПРОИГРАНО МЯЧЕЙ	НИЧЬИ	ЗАБИТО МЯЧЕЙ	ПРОПУЩЕНО МЯЧЕЙ
Болгарии				3	
Венгрии	2			2	
Польши			1		

Кто первый, кто последний? спрашивает Живживка



Осел, козел, баран, коза
И жеребенок пегий
На берегу реки вчера
Соревновались в беге.
У всех был разный результат,
Но кто какое место
В итоге занял, вам узнать,
Конечно, интересно.
Так вот учтите, что осел
На столько мест в таблице
Сумел опередить козла,
На сколько озорница
Коза смогла опередить
Беднягу жеребенка.

(Ведет к отгадке эта нить,
Расчет проделай тонко!)
Еще одну подсказку дам,
Зачем держать в секрете:
Ни жеребенок, ни баран —
Не пятый и не третий!
Теперь прошу карандашом
Скорей вооружиться,
Подумать надо хорошо,
И сложится таблица.

Живживка.

На острове Бимбой

Капитан Перо ищет помощника

Живут на острове Бимбой
Индейцы трех племен,
По виду схожи меж собой,
Но свой у всех закон.
Тимики ненавидят ложь,
Лгуны — митики каждый!
Китами — их не разберешь,
То лгут, то правду скажут.
Однажды Ками, Чучи, Ал
Изготовляли пики,
И Ками глухо проворчал,
Что Чучи — не тимики.
На это Чучи заявил,
Что не китами Ками.
Ал ничего не говорил,
Он нож точил о камень.
(Такой запутанный рассказ
Впервые перед вами.
Предупреждаю честно вас:
Сказал неправду Ками!)
Прочтите снова этот стих,
Подумайте толково
И сообщите, кто из них
Из племени какого.
Да, я хочу напомнить вам,
Забыл сказать вначале,
Все трое к разным племенам
Они принадлежали.

Капитан Перо.

Игры деда Буквоеда

Не останься на БОБах!

На крыльце своей избы
Сушат зайчики бобы.
Ни секунды не теряйте,
Все бобы пересчитайте,
Но, однако, впопыхах
Не останьтесь на бобах!

Подсказка: когда будешь подсчитывать, сколько раз написано слово «боб», запомни, что его можно читать справа налево, сверху вниз и по диагонали. Одна и та жа буква «б» может входить в разные слова.

Дед Буквоед.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА. Ремонт — рак, лев, муха, вол, волк, лиса, слон, кот, осел.

Счетная машина — поменяйте местами 8 и 3, 7 и 8, 1 и 5, 6 и 7, 1 и 3, 1 и 2.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА. Все на выставку — годятся проекты А, С. Д, F, остальные не обеспечивают непрерывность обхода.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6

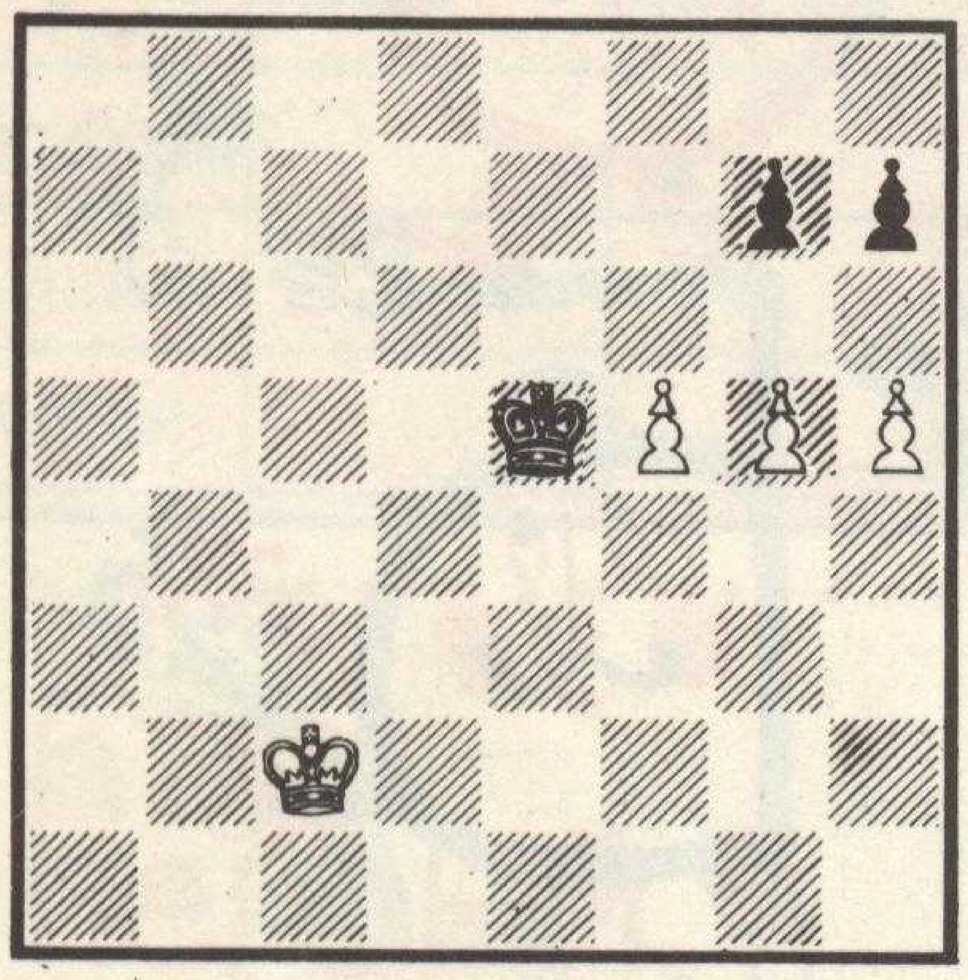
Игры Лупы и Пинцета — Занзибар, Сирия, Конго.

Дед Буквоед очень доволен: все ребята прислали правильные ответы.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

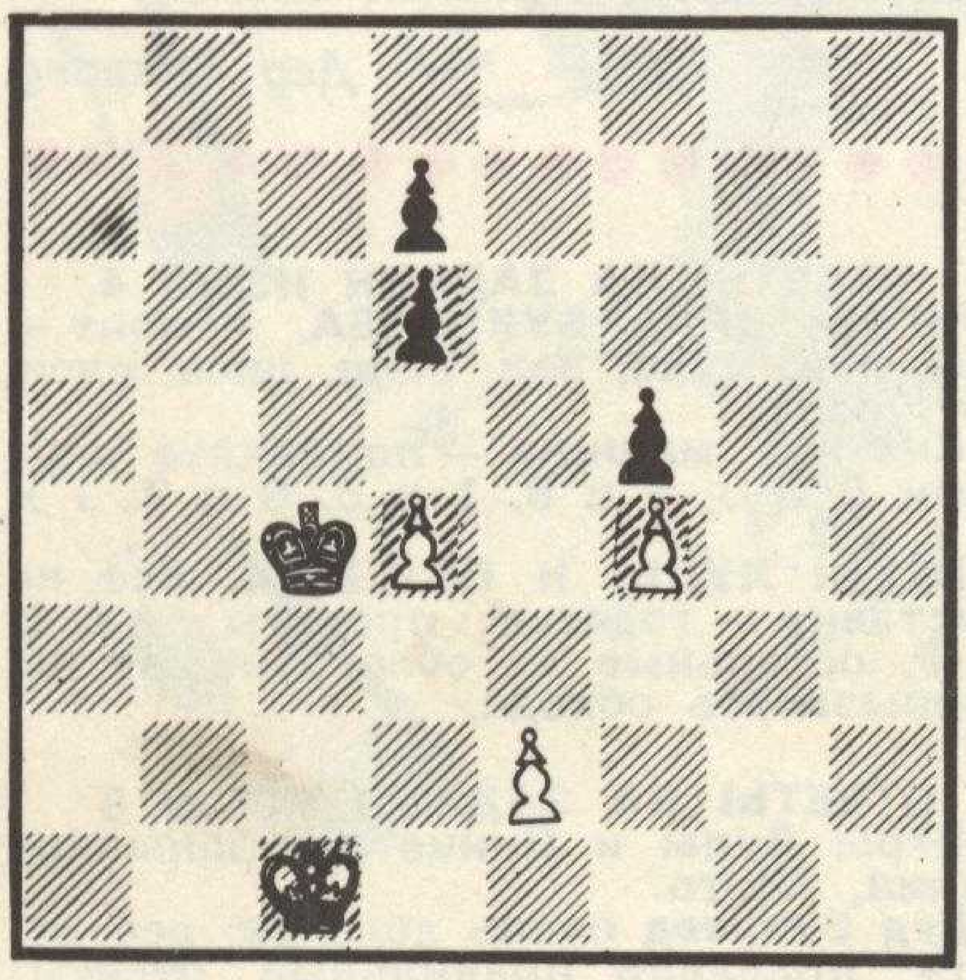
Конкурс Пешкина

Пешкин предлагает своим друзьям **два новых задания.**



Здесь черный король грозится забрать далеко продвинувшиеся пешки, но при своем ходе белые добиваются победы.

И еще одно задание. Как могут выиграть белые в этом положении? Сейчас их ход.



Пешкин ждет ваших решений, ребята!

СОДЕРЖАНИЕ

II Всесоюзный слет тимуровцев приветствуют . . 1
Здравствуй, друг дерево! — Л. Яхнин. Рисунок В. Костицына. Фотографии Е. Емельяненко . . 3
Мой конь. Он в тебе почуял друга. — Стихи Ж. Дашдондога. Перевел с монгольского А. Герасимов. Рисунок А. Гришина 7
На просторах Родины
Таймыр — моя Родина. — О. Аксенова. Фотография Г. Якушкина 8
Первый рассказ в «Пионере»
Солнечный арбуз. — Г. Жаворонков. Рисунки Л. Хачатряна 9
Баллада о соловьях. — Стихи Б. Чалого. Перевела с украинского Л. Титова 14
Сами о себе 16
Длинный-длинный короткий день. — Е. Рыбинский. Рисунки В. Шолоховат. Фотография Б. Задвиля 17
Последний звонок. — Стихи О. Сенатович. Перевел с украинского А. Крестинский 21
Ты, я, наш отряд
Сражение на речке Безымянке. — Л. Чубаров . 22
Всегда на вахте. — Т. Аркадьев. Фотографии В. Грибова 24
Карусели над городом. — Повесть Ю. Томина. Продолжение. Рисунки В. Дудкина 25
Чудеса. Апрельская березка. Сколько забот. — Стихи Ю. Тувима. Перевел с польского В. Приходько. Рисунок А. Васильева 37
Всесоюзный штаб Тимура
Публикуется впервые. — Л. Симонова 38
Кем стать, каким стать
Мастер Роза, или спор о главном в профессии. — С. Богатырева. Фотография А. Мартиросяна . 43
Кругосветное путешествие «Пионера»
В гостях у лесных негров. — В. Верников. Рисунок Н. Доброхотовой. Фотография автора . . . 46
Тебе, будущему исследователю
К тайнам Ледовитого океана. — А. Яблоков. Фотография автора 51
Поздравляем победителей! 53
Сын стекольщика. — Сказка В. Каверина. Окончание. Рисунки Н. Доброхотовой 54
Горные цветы. — Стихи Г. Давлетова. Перевел с башкирского Л. Мезинов 61
Ума палата. — Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 62
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — М. Юдович 64
Переменка. — Ведет Н. Ростовцева. Рисунки Е. Шабельника . . . . III обл.
Всесоюзный штаб Тимура
Партизанская песня. — Слова и музыка А. П. Гайдара, гармонизация В. Капрелова . . . . IV обл.

На обложке:
Тимуровцы военных лет. — Рисунок С. Трофимова.

Главный редактор С. А. ФУРИН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

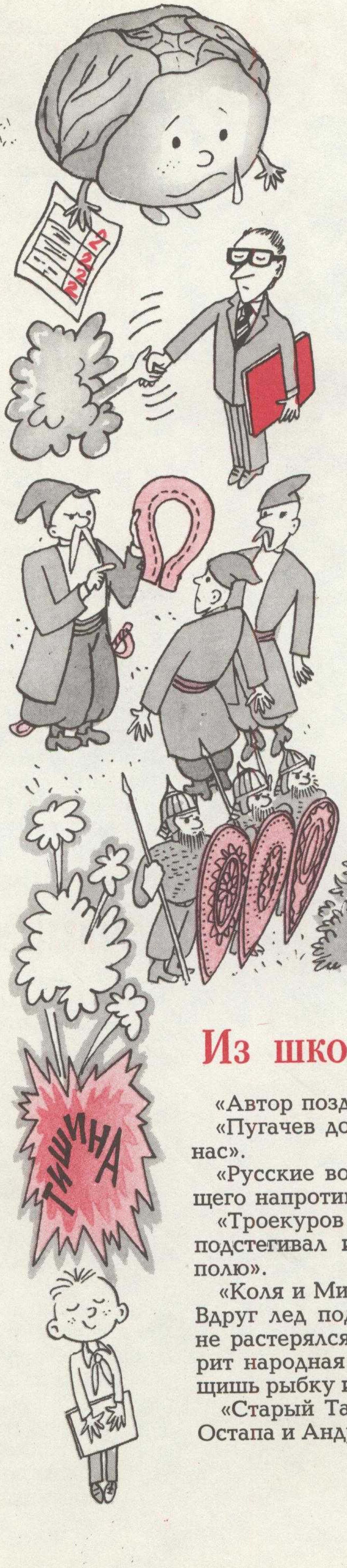
© Издательство «Правда», «Пионер», 1979.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24.04.79.
Подписано к печати 30.05.79. А 01062. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7.46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1485. Заказ № 595.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГПС, ул. «Правды», 24.

Невыдуманные диалоги



НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Придумай предложение со словом «тишина».

Ученик. В классе раздалась тишина.

Оксана Зеленец,
г. Горький

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. Расскажи содержание поэмы о Евпатии Коловрате.

Ученик. ...И съехались в чистом поле Евпатий с Коловратом, и разрубил Евпатий Коловрата пополам до седла.

Маша Шевцова,
г. Москва

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Чем движение молекул в воздухе отличается от движения молекул в вакууме?

Ученик. В вакууме они просто движутся, в воздухе же молекулы движутся и еще дышат.

Саша Зачеславский,
г. Ливны,
Орловская область

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Когда появился первый человек?

Ученица. Миллион лет назад.

Учитель. А точнее?

Ученица. Около двух миллионов лет.

М. Жуковская,
г. Вологда

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель. Что такое дирекционный угол?

Ученик. Это угол в кабинете директора.

Марина Сумарокова,
г. Ярославль

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Как получить семена капусты?

Ученица. Надо ее оставить на второй год.

Брат и сестра Соколовы,
г. Орел

В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Вожатая. Ты куда ходил босиком?

Пионер. Мыть ноги.

Ася Конкушева,
г. Джамбул

Из школьных сочинений

«Автор поздоровался с протянутой рукой».

«Пугачев до сих пор живет в каждом из нас».

«Русские воины не спускали глаз со стоящего напротив монголо-татарского ига».

«Троекуров сажал своих гостей в карету, подстегивал их кнутом, и они мчались по полю».

«Коля и Миша катались на санках на реке. Вдруг лед под Мишей провалился. Но Коля не растерялся и спас друга. Правильно говорит народная мудрость: «Без труда не вытащишь рыбку из пруда».

«Старый Тарас взял лошадей и сбрую для Остапа и Андрия».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ТИМУРУ АРКАДЬЕВИЧУ ГАЙДАРУ, ЧЛЕНУ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА, ПРИШЛО ПИСЬМО:

«Дорогой Тимур Аркадьевич!

Я часто рассказываю ребятам о большой любви Вашего отца к музыке, особенно к песням. Мы разучиваем любимые песни Гайдара и песни о нем. Не могли бы Вы рассказать о том, как относился Ваш отец к песне?»

Григорий Дмитриевич Новгородов,
учитель музыки из Якутска.

ВОТ ЧТО ОТВЕТИЛ ТИМУР АРКАДЬЕВИЧ ГАЙДАР:

«Аркадий Гайдар любил песню. Идем мы, бывало, с ним рядом полем, лесом или горной дорогой, и он обязательно начинает петь. То веселую песню о солдате с трубкой, то грустную о том, как поехал казак на чужбину далеку и напрасно ждет его молодая невеста. И уж так хорошо запоет, что прямо слезы на глаза навертываются. А как только навернутся, он опять переходит на веселую.

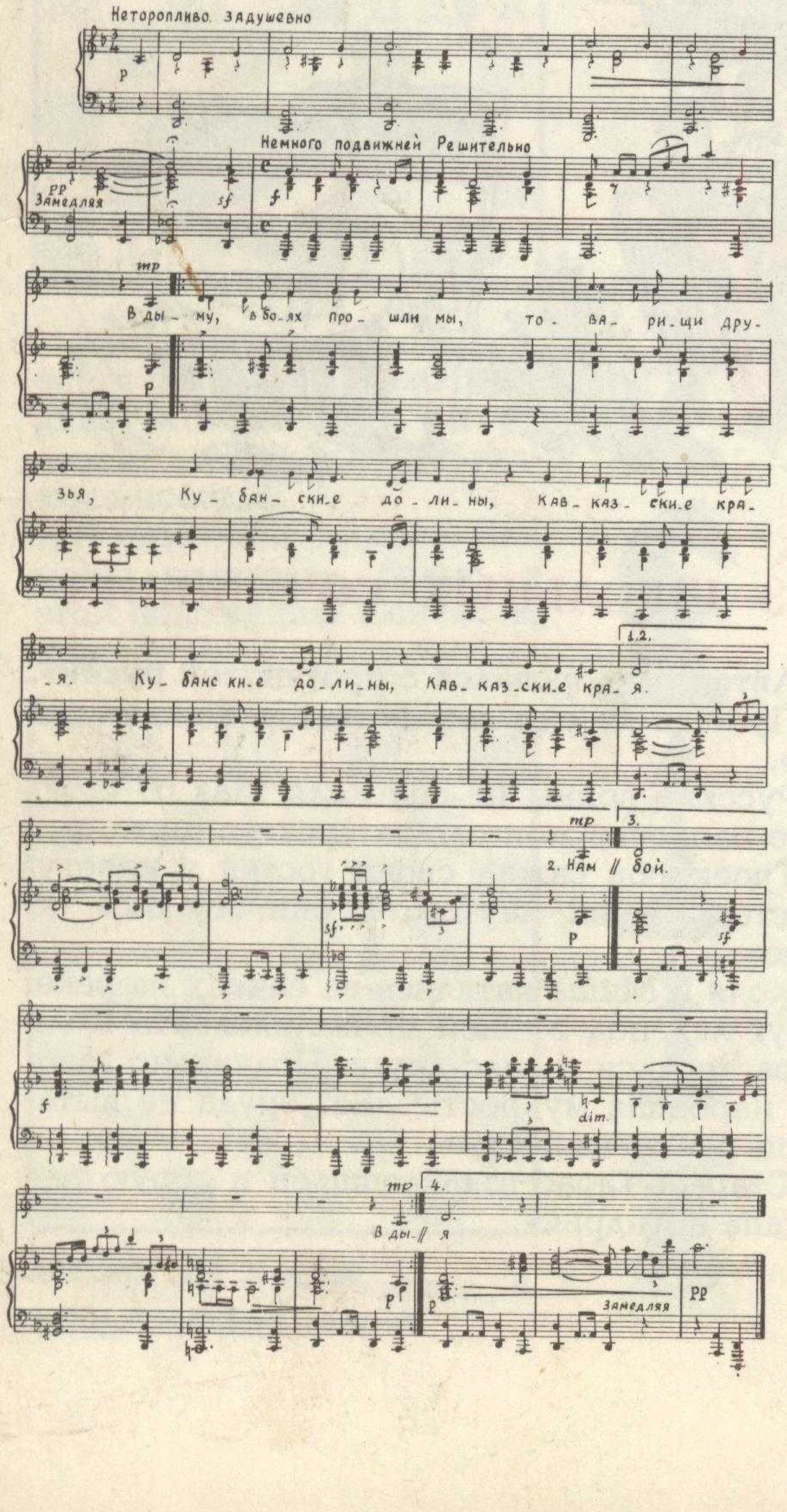
Он знал множество песен, а иногда и сам сочинял. Вот одна из тех, им придуманных и любимых. Она о том, как в гражданскую служил Аркадий Голиков командиром роты на Кавказском фронте.

Эту песню часто пел мне отец, и я ее запомнил. А недавно напел ее музыковеду Валентину Николаевичу Капрелову. Валентина Николаевича вы знаете. Его воспоминания о тимуровской команде осажденного Киева вы, наверное, читали в ноябрьском номере нашего журнала в 1978 году».

И ВОТ ТЕПЕРЬ МЫ ПЕЧАТАЕМ ЭТУ ПЕСНЮ ДЛЯ ВАС, РЕБЯТА.

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Слова и музыка А. ГАЙДАРА,
гармонизация В. КАПРЕЛОВА



В дыму, в боях прошли мы,
Товарищи-друзья,
Кубанские долины,
Кавказские края. } 2 раза

Нам грозы грохотали
И ветер завывал,
Когда мы занимали
Клухорский перевал. } 2 раза

Дороженька очень крутая,
Свет месяца голубой...
Прощай, сторона родная,
Мы в новый торопимся бой. } 2 раза

В дыму, в боях прошли мы,
Товарищи-друзья,
Кубанские долины,
Кавказские края. } 2 раза

Цена 25 коп. Индекс 70694.